ДБ
20
3-26

Замысловская

Учебник
истории.

изд 3 М-Л 1923

№ 26

2Б
20
326/

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ
22

ЕК. ЗАМЫСЛОВСКАЯ

УЧЕБНИК ИСТОРИИ

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕНОГО СОВЕТА
:: ДОПУЩЕНО КАК РУКОВОДСТВО ::

В ШКОЛАХ I СТУПЕНИ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

181—280 тысяч

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА... 1923 ...ПЕТРОГРАД

Государственное Издательство
Типография
Печатный Двор
Петроград

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
480331
Историческая
М

Гиз. № 6559. Петрооблит № 7287. Отпеч. 100.000 экз.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. Первобытный человек.

I. Мы начинаем учить историю. Она нам расскажет, как жили люди на земле с самых далеких древнейших времен и до настоящих дней. Как они боролись с природой, как научились понемногу ее побеждать. Эта победа далась человеку не сразу, с великим трудом. И сейчас разве нам не приходится бороться с природой вокруг нас и в нас самих, чтобы стать настоящими людьми?

Первобытный человек.

Но вот мы посмотрим, как боролись с природой первые люди на земле. Постараемся, выйдя из школы, добраться до соседнего леса, зайдем, по возможности, в самую чащу, где деревья повыше, валежник кругом. По дороге станем собирать камни, не слишком большие, чтобы помещались в кулаке. Сядем под развесистым деревом и представим себе, что бы нам пришлось делать, если бы лес кишел змеями, хищными зверями и был каждый из нас здесь в одиночку и никого

не мог позвать на помощь, так как никто не услышал, бы а главное—сам-то не умел бы говорить, а только рычал и визжал бы от страха, как зверь.

Конечно, от такой опасности каждый постарался бы, прежде всего, влезть на дерево, спрятаться в его ветвях. Вот так-то жутко и неспокойно жили первые люди. В одном рассказе про самые далекие времена так описывается человек, еще не научившийся говорить по-настоящему, лазающий по ветвям деревьев:

«Он был большого роста... Лицо у него было широкое и плоское, надбровные дуги нависли над глазами. Глаза были маленькие, глубоко сидящие, и находились очень близко друг от друга. Носа у него почти не было, то-есть не было того, что мы называем носом. Его нос был плоский и широкий, без переносицы, и ноздри представляли две дыры на лице, смотрящие вверх, а не книзу.

Лоб у него был покатый. Волосы росли, начиная от глаз, покрывали всю голову. Голова была до смешного мала и посажена на такой же до смешного короткой и толстой шее... Его грудь была широкая... Его бедра были тонки, а худые волосатые ноги искривлены» [1]).

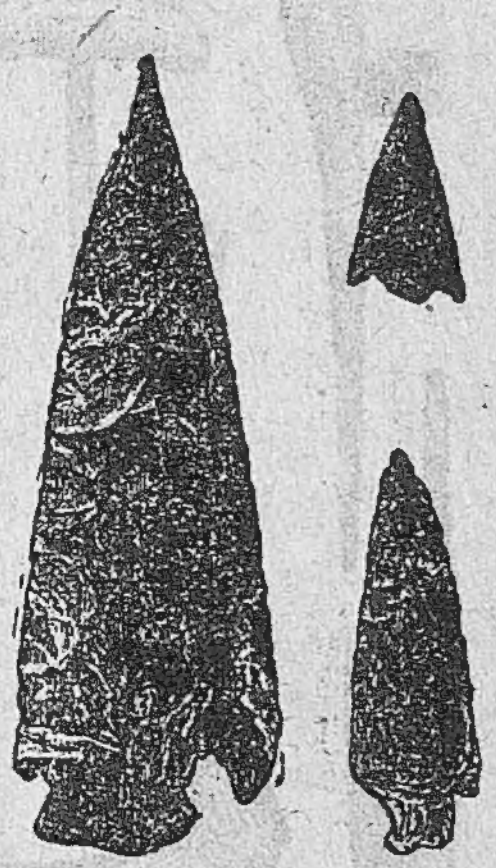
Вот каковы были наши самые далекие предки. Чем же могли они защищаться от нападения зверей? Только кулаком да камнем, который успевали схватить где-нибудь на берегу реки, моря, или суком, обломившимся под сильной, цепкой рукой. Попробуйте ударить камнем, сжатым крепко в кулаке, со всей силой о другой камень, положенный на пень. Если ваш камень больше и крепче того, о который вы ударяете, вам, может быть, удастся тот камень разбить. Края у разбитого камня, как видите, острые. Таким острием можно резать, хотя с трудом. Вот такой круглый или острый камень да дубина были единственным оружием первого человека в его борьбе с хищными зверями.

Первый человек и по другой причине был беспомощен. Вот каждому из вас по десять, двенадцать лет, вы долго еще должны учиться, чтобы стать взрослыми образованными людьми,

---

[1]) Конечно, автор этого описания изображает первобытного человека именно таким, потому что он видел кости и черепа первобытного человека, выкопанные из земли, окаменелые, и потому сохранившиеся. А по костям можно судить, как выглядел человек.

и все-таки как много у вас знаний, если сравнить вас с этим лазавшим по деревьям человеком. Ведь каждый из вас знает, что от ночной прохлады можно согреться у костра, каждый из вас сумеет его развести. Вы знаете, что если нет спичек, можно высекать огонь, как это делается теперь в зажигалках, а прежде кремнем да кресалом. Еще вы знаете отлично, что если камень пустить из рогатки, то можно попасть в зверя или в птицу на довольно большом расстоянии и с гораздо большей силой, чем бросив камень просто. Знаете, что можно устроить ловушку на зверя и, пожалуй, многие из вас знают, как сделать петлю, чтобы поймать птицу. А чего не знаете, то придумали бы, очутясь в беде, например, заблудясь в лесу. Первобытный человек ничего этого не знал и придумывать не мог, потому что не умел по-нашему думать.

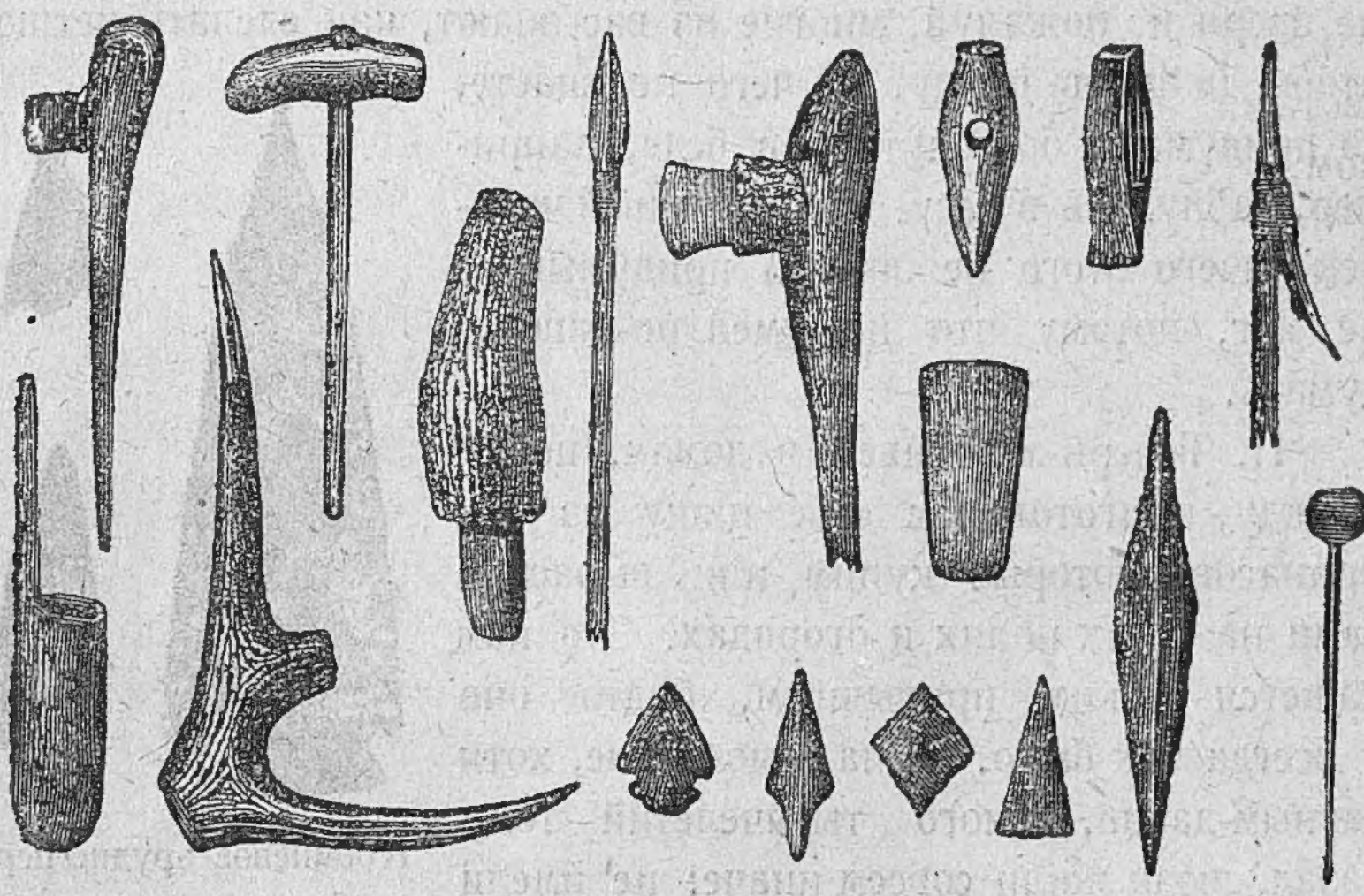


Кремневое орудие первобытного человека.

II. Теперь мы живем в домах, носим одежду, приготовляем себе пищу из тех припасов, которые купим или вырастим сами на своих полях и огородах. Это нам кажется таким привычным, будто оно и всегда так было. А на самом деле, хотя давным-давно, много тысячелетий тому назад, люди жили совсем иначе: не имели никаких жилищ, прятались от непогоды и хищных зверей на ветвях больших деревьев, ходили без всякой одежды и питались только тем, что могли собрать в лесу, да по берегу рек, озер, морей. Ели орехи, жолуди, птичьи яйца, улиток, червей. Делать запасы человек не умел, потому что умом он был неразвит, несмышлен. Но зато чутье на опасность, такое чутье, как у всех животных,—у него было. Окруженный хищными зверями, готовыми его растерзать, он был поневоле сторожкий, зоркий, всегда на-чеку. Нюхом чуял врага, как чует собака. Ухом ловил подозрительный шорох ползущего по траве гада.

Там, где пищи было побольше, стали люди сбиваться стайками по несколько вместе, как живут некоторые животные: дикие лошади, олени. Сообща стало легче отбиваться от хищ-

ных зверей. Но гораздо легче стало жить человеку с тех пор, когда он научился вооружаться для охоты камнем и дубиной да сообща целой ордой загонять в яму крупных животных. Тут уж все могли наедаться до-отвала, как это делают и сейчас некоторые дикари. Насытясь, человек смог на досуге оглядеться кругом и хоть немного облегчить себе жизнь. Он стал оббивать камень, чтобы заострить его края; стал его насаживать на дубину. С таким оружием охота пошла еще успешнее. Но все эти перемены в жизни человека происходили очень медленно: много



Орудия каменного века из кремня, кости и рога.

тысяч лет протекло прежде, чем человек додумался до таких простых вещей, как каменный нож (вовсе не похожий на наши нынешние ножи), каменный скребок, каменные наконечники для стрел. К этому времени переменился даже климат в тех странах, где жил человек: стало гораздо холоднее; пришлось заботиться об одежде из звериных шкур, чтобы согреться от зимних холодов.

Огромная перемена произошла в жизни человека с тех пор, как он научился пользоваться огнем. Первый огонь загорелся, наверное, от молнии; человек долго не умел его сам зажигать, а только старался бережно поддерживать. Огонь отгонял хищных зверей, согревал и светил ночью. Теперь уж можно стало

поселяться в пещерах, выгнав оттуда зверя и поддерживая у входа костер. Потом, наконец, научились люди высекать огонь кремнем или добывать, вертя очень быстро острую палку в лунке, на деревянной доске.

Среди животных появились у человека и друзья. Первым таким другом стала собака. Сначала дикие собаки бродили за человеческой ордой, подбирая остатки пищи, лаем своим предупреждая об опасности. Постепенно собака приручилась к человеку настолько, что стала помогать ему на охоте. Человек бросал ей за это обглоданные кости. Приручил человек и других животных: оленей, коз; стал не только звероловом, но и скотоводом. Тут уже жизнь пошла много привольнее, чем прежде: под руками было молоко, мясо, шкуры для одежды. Это не то, что охота за зверем—еще убьешь или нет. Получив досуг и обильную пищу, человек многое придумал для своего удобства. Сперва каждый готовил сам себе свой каменный кремневый топор и делал его грубо, неумело. Всякий сам участвовал в охоте, чтобы добыть себе пропитание. Но постепенно люди стали разделять между собою труд: одни охотились, другие готовили для них хорошие кремневые топоры, ножи, стрелы. Занимаясь этой работой постоянно, они стали хорошими мастерами,—тщательно оббивали края кремня, стали приготовлять шилья, наконечники для стрел из рога и кости.

Так, постепенно, очень медленно, но все же менялась жизнь первобытного человека. Первобытными людьми мы теперь называем тех людей, которые первые населяли разные страны, были первыми их обитателями.

2. Откуда мы знаем о первобытном человеке?

Как можем мы себе представить жизнь первобытного человека, населявшего землю десятки тысячелетий тому назад? Откуда мы о нем знаем?

Это узналось не сразу. Долгие годы работали ученые люди прежде, чем все это нам рассказать. С давних пор при земляных работах попадались странные, как будто обточенные кремни. Долго никто не мог дать правильного объяснения этим находкам. Крестьяне считали их громовыми стрелами, упавшими с неба, и даже верили, что такой камешек спасает от дурного глаза.

Но лет сто тому назад ученые присмотрелись к этим камням, сравнили их с каменными орудиями нынешних дикарей и поняли, что это остатки жизни первобытного человека, сохранившиеся в земле. Стали уже нарочно раскапывать землю, отрывать пещеры и нашли множество удивительных вещей. Теперь эти вещи собраны в музеях; их каждый может осмотреть, а в книгах прочесть описание жизни первобытного человека, сделанное учеными по этим находкам и по сравнению с жизнью нынешних дикарей. За сто лет ученые потратили так много трудов на изучение того, что сохранила земля в своих пластах, что теперь по этим остаткам они как будто читают живую книгу о далеких временах, о которых ни в каких самых древних книгах ничего не написано, потому что писать люди научились много тысяч лет спустя.

В земле рядом с каменными орудиями попадаются окаменелые кости человека, который этими орудиями пользовался. Попадаются также кости животных, даже таких, которых теперь больше и не водится нигде. Кости эти раздроблены—значит, человек вынул из них мозг, чтобы им полакомиться. У входа в пещеры находят следы костра, который первобытный человек раскладывал, чтобы отпугивать от своего жилища хищных зверей. Огня все звери боятся. А в самых глубоких пластах земли, рядом с костями человека, не попадается вовсе никаких орудий: ни каменных ножей, ни топоров, ни скребков—значит, самый древнейший человек не умел еще всем этим пользоваться.

3. Остатки каменного века на русской равнине.

Там, где мы теперь живем, где стоят русские города и деревни, люди жили и в те далекие времена, когда орудия выделывались из камня. Мы теперь и самые те времена называем каменным веком. Хотя не следует думать, что этот век длился одно столетие. Много тысяч лет обходился человек камнем да глиной — об этом нам говорят находки, сделанные у нас в России. Остатки каменного века найдены у нас во многих местах. Лет двадцать назад в самом Киеве, когда рыли землю для фундамента при закладке дома, наткнулись на каменные ножи и стрелы. Рядом лежали клыки мамонта, большого шерстистого слона, теперь уж давно вымершего. Ученые, конечно,

очень обрадовались такой находке. Хотели все снять, срисовать, запомнить точно, на какой глубине что лежало. Это очень важно заметить, чтобы знать, в одно ли время все найденное попало в землю. Да сделать-то этого не удалось—вломилась в усадьбу толпа людей, темных, необразованных, стала все растаскивать, думая, что это колдовские камни да кости.

Много кремневых орудий находят на берегу Ладожского озера. Когда там рыли канал, нашли следы целой стоянки человека каменной поры: глиняные черепки, остатки пищи, кости собаки. Значит, собака уже была приручена.

Интересные находки были сделаны около города Мурома, у деревни Волосово: там были найдены не только разбросанные остатки утвари, но раскопаны были могилы древних обитателей этого края. Такие древнейшие могилы говорят нам об очень многом. По ним мы можем узнать, как относился первобытный человек к своим умершим, во что он верил, чего боялся. Мы видим в раскопанных могилах рядом с костями человека все, что было погребено с ним вместе. В раскопках дер. Волосово, в одной из могил, над местом, где находилась голова умершего, поставлен был глиняный сосуд, наполненный сожженными костями зверей, и на этих костях лежал кремневый наконечник стрелы, тонко отделанный. Что же можем мы заключить из этой находки? Что умерший был охотником-звероловом. Что оставшиеся в живых хоронили его, веря, что в загробной жизни ему может понадобиться стрела для охоты, что ему там нужны будут звери, на которых он охотился при жизни, и потому сожгли их на могиле. Дикари, теперь еще живущие в разных странах, тоже во все это верят и стараются снабдить своих покойников всем необходимым им на том свете, умилостивить, ублажить их, чтобы они не сердились, не завидовали живым, не приходили им вредить.

4. Бронзовый и железный век на русской равнине.

В южной степной полосе России попадаются высокие холмы—курганы. Их давно уж начали раскапывать искатели кладов и находили в них богатую добычу—золото, серебро. Наконец и ученые обратили внимание на эти курганы и стали их раскапывать уж не так, как прежде это делали грабители, но осто-

рожно—пласт за пластом. Нашлись в этих курганах необычайно интересные вещи. Золотые, серебряные и бронзовые украшения с конской сбруи попадались прежде всего. Так богато были украшены кони, которых при погребении вождя убили на его могиле. Потому чья же могла это быть могила, как не могила вождя, царя, которого и в загробный мир провожали с большими почестями! В глубине одной могилы были найдены бронзовые стрелы, нож с роговым черенком и множество золотых бляшек, лент из листового золота, нашитых на одежду. В кургане же была найдена ваза, большой серебряный сосуд, густо позолоченный, вышиной с аршин, шириной до полуаршина. На сосуде выпуклый рисунок: четыре человека, с виду степные наездники, ловят арканами коней, спутывают им ноги. Что же можем мы заключить, глядя на этот рисунок? Что люди, от которых сохранились эти курганы-могилы, были степными кочевниками, что они уже имели не каменные, а бронзовые стрелы, что у них было золото и серебро, хотя бы только для вождя или царя. Они верили, что царю понадобится это золото на том свете, и потому клали все богатство царя с ним в могилу, а на могиле убивали коней. Курганов теперь уже раскопано много; найденные в них вещи расставлены в музеях; можно их осмотреть, срисовать и хорошенько подумать над тем, что говорят нам эти вещи, которые нам сохранила земля, о своих прежних владельцах.

О степных кочевниках, живших на юге России много времени спустя после людей каменного века и оставивших эти курганы, имеется уже и писанный рассказ, потому что у них были уже образованные соседи—греки. Греки за четыре с лишним века до Рождества Христова называли русскую равнину «Скифия» и кочевников, ее населяющих,—«скифами»; писали о них в своих книгах, как о народе, у которого нет еще ни городов, ни укреплений против врагов, который свои жилища переносит с собой. По записи греков, каждый скиф—наездник, стрелок. Занимаются скифы скотоводством, а жилища устраивают на повозках.

Из раскопок курганов на юге России мы узнали, как шла жизнь двадцать пять веков тому назад в привольной степной полосе. Совсем иначе жили люди на севере в дремучих лесах, среди топких болот. Там дольше не разводили домашнего скота;

занимались, главным образом, звероловством, собирали мед диких пчел в дуплах деревьев. Обо всем этом нам тоже рассказали раскопанные могилы. В Московской губернии и в других, соседних с ней, раскопаны тысячи курганов финского племени—мерян. Одни курганы очень давние, в них найдены каменные орудия; в других, более поздних—бронзовые и даже железные вещи. А железом люди научились пользоваться гораздо позднее, чем медью и сплавом меди с оловом, который называется бронзой.

В мерянских могилах нашли очень много бронзовых украшений. У покойников мерян одето по два браслета на каждой руке, по кольцу на каждом пальце. Даже на пальцах ног носили перстни и не только женщины, но и мужчины. В поздних мерянских могилах найдены окаменелые зерна, а в женских могилах—серпы. Это показывает, что меряне, наконец, познакомились с земледелием.

5. Расселение славян по русской равнине.

Если мы хотим себе представить, как выглядит наш город, наше село все целиком, коли смотреть на него сверху с высокой колокольни, мы должны взять план нашего города (план села придется самим нарисовать). Без плана нельзя себе ясно представить местность, даже ту, которая нам хорошо знакома. Если же мы захотим посмотреть, как выглядит наш уезд, наша губерния, какие по ней протекают реки, как из нее добраться до Москвы—нам надо непременно взять карту. На карте мы уже видим не только свою губернию, но и всю Россию. Можем, ведя палочкой по карте, мысленно проплыть по Волге до самого Каспийского моря. Из Каспийского обратно доберемся водой до самого Петрограда и выедем в Финский залив, потому что Волга теперь соединена с Невой каналами. Каналы эти начали рыть не так давно, лет двести назад. И все-же больше тысячи лет тому назад наши предки, называвшиеся тогда славянами, плавали из Финского залива водой в Черное море, через Неву, Волхов, Ильмень-озеро, Ловать, Днепр. Обходились без каналов (каналы и до сих пор не прорыты, хотя очень нужны), обходились потому, что плавали на ладьях, а не на пароходах; на таких ладьях, которые можно было на небольшое расстояние от одной реки до другой тащить волоком. Дорог проезжих в ту

пору не было, и реки были единственными путями. По рекам и расселялись наши предки славяне, когда перебрались из Карпатских гор на русскую равнину. Для того, чтобы ясно себе представить, как они по рекам расселялись, мы сами сделаем себе карту—живую, подвижную карту прежней древней России.

Сколотим из досок ящик, невысокий, всего с четверть аршина в вышину, а шириной и длиной аршина по два. Насыпем его землей на вершок. На земле укрепим острыми тонкими колышками голубую ленту, тесьму или полоску материи, совсем так, как на карте обозначена река Днепр. К широкому концу ленты снизу, т.-е. с южной стороны, приложим вырезанное из картона или из синей материи Черное море, прикрепив его тоже колышками, присыпав землей края. Так же сделаем и Балтийское море. Неподалеку от верховьев Днепра проложим совсем узкую полоску голубой материи, так, как нарисована маленькая река Ловать, впадающая в Ильмень-озеро. Его тоже вырежем и прикрепим на свое место. Потом протянем реку Волхов до Ладожского озера, а его соединим через Неву с Балтийским морем, которое прежде называлось—море Варяжское. Если мы правильно по карте сделаем все, то нам станет ясно, что водный путь прерывается только в одном месте, и то не на много, между Ловатью и верховьями Днепра. Эта часть сухого пути называлась волоком, потому что по ней приходилось волочить лодки, чтобы пробраться из Балтийского моря в Черное.

Землю нашего ящика покроем зеленым мхом во всей той части, которая на карте заштрихована, как лесная полоса. Мы видим, что лес спускался тогда гораздо южнее, чем теперь. Берега Днепра и его притоков заросли сплошным лесом к тому времени, когда пришли сюда наши предки славяне. И какой это был лес,—совсем не то, что теперь: нерасчищенный, нерубленый, загроможденный поваленными бурей деревьями—буреломом; лес этот был непроходим, и только по рекам и речушкам и можно было в него углубиться. Так и делали славяне: они на челнах, выжженных, выдолбленных из целого дерева, плыли по Днепру и его притокам; искали себе удобное место на высоком берегу, останавливались и строили свой незатейливый поселок. Проложим же узкими лентами на нашей живой карте главные притоки Днепра слева: Сожь, Десну, Псел, справа: Березину,

Припять. Срубами из щепок обозначим старинные города: Новгород—там жили ильменские славяне, по берегам Волхова и Ильмень-озера, Смоленск и Полоцк—города Кривичей, живших по верховьям Днепра, Чернигов и Переяславль—города Северян, живших на восточном берегу Днепра и по его притокам. Киев, поставленный в земле славянского племени Полян, стал нашей первой столицей—матерью городов русских.

На нашей карте мы обозначим каждое племя вешками особого цвета, чтобы уже не сбиваться потом. Теперь всякий, даже неграмотный человек, если присмотрится к нашей карте, то поймет, как расселились славяне по русской равнине тринадцать столетий тому назад.

Мы видим, что они заняли ее далеко не всю сразу. Весь север был занят финскими племенами, юг—степными кочевниками чуждых и враждебных славянам племен. О них еще будет речь впереди, а сейчас мы посыплем землю нашего ящика песком в той части, где раскинулись южные степи, чтобы лучше отделить ее от лесной полосы, хотя степь весной тоже зеленая, пестреет цветами, а летом выжжена солнцем, белеет ковылем. Земля в степи— плодородный чернозем.

6. Образ жизни древних славян: борьба с природой, верования, праздники.

Как же жили славяне, расселясь по русской равнине? Так ли, как мы теперь живем? Нет, они жили, конечно, иначе. На высоком, непоемном берегу реки, чаще всего при впадении одной речки в другую, среди дремучего леса, ставили они свой поселок: одну, две избенки из нетесанных бревен, обмазанных глиной. Оконца прорубали маленькие, без стекол. От холода заслоняли их досками. Тогда уже совсем темно становилось в убогой избенке. Посреди избы складывали печь из камней, обмазанных глиной, без трубы—дым выходил в дверь да в оконце. Спали на полу вповалку, на соломе, на ветках, покрытых шкурами. Можно себе представить, как было грязно, душно и холодно зимой в такой избенке. Как должны были люди радоваться весеннему солнцу, теплому лету. И все же такое жилье спасало от зимней стужи, от волков, медведей, подходивших к самому дому. От нападенья зверей жилье, впрочем, было обнесено

высоким тыном из кольев. Из кольев же, оплетенных прутьями и обмазанных глиной, делали хлев для скота. В таком поселке жила большая славянская семья. Отец со взрослыми сыновьями, со своими младшими братьями. Семьи не делились, жили вместе, чтобы легче было сообща бороться с природой, добывать себе пищу, одежду. Занимались, главным образом, охотой да рыбной ловлей. Из бортей (дуплистых деревьев) вынимали мед диких пчел. Хлеба сеяли мало: трудно было расчищать лес под пашню. Расчищали палом: срубят деревья помельче на опушке, на прогалинке, а пни да хворост зажгут. Выжженное место раздерут деревянной сохой с каменным лемехом или просто суковатым бревном проборонят; засеют рожью и получат урожай, так как земля после пала хорошо родит хлеб. Больше двух-трех лет на одном месте не сеяли, потому что удобрять землю еще не умели, а без удобрения надо скоро пашню забрасывать. Выжигали новое место. Скота держали мало—в лесу трудно пасти и на зиму корм запасать трудно, сухих лужаек было мало: все болота кругом...

Какие же были у этих лесных жителей радости? Какое веселье? Суровая зима донимала сильно, потому и радовались всему, что сулило тепло. Еще среди зимы, когда начинал прибывать день, праздновали в поселке «коляду» (от тех древних времен сохранился обычай колядовать и теперь в украинских деревнях). У древних славян старик-хозяин резал в этот праздник козла. Когда же наступала весна, устраивали проводы злой зимы: жгли ее соломенное чучело, пекли блины—такие же круглые, горячие, румяные, как солнце. Этот праздник у нас и сейчас сохранился от далеких предков—это наша веселая масленица. А когда на пригорках стаивал снег, женщины выносили свое тканье—холсты, расстилали на землю, клали на них лепешки и приговаривали: «Вот тебе, весна-матушка!» Весной же устраивались праздники на могилах умерших дедов. Всей семьей выходили на высокий курган, над могилой. Ели яйца, пили хмельную брагу да сладкий мед; лили всего этого и на могилу: поили деда, чтобы и его повеселить, умилостивить, выпросить у него помощи во время охоты на зверя да в полевых работах. Жутко в дремучем лесу: на каждом шагу подстерегает опасность, помощи неоткуда ждать—вот и молит охотник, когда

подойдет беда неминучая, своего умершего деда: «Чур, выручи меня!» А теперь дети, играя в пятнашки, кричат: «Чур, чур меня!» Им и в голову не приходит, что они повторяют мольбу наших древних предков, призывавших совсем не в шутку деда-чура. Да и самые поминки наши, деревенские весенние гулянья на кладбищах—тоже остатки седой старины, древне-славянских обрядов. И теперь ведь оставляют кутью на могилах. Верили славяне не только в души умерших предков—милостивые, добрые, верили и в злых духов—леших, водяных, русалок. Даже лихорадку и всякую болезнь считали злым духом, от которого нужно обороняться, прыгая через огонь, отгоняющий нечистую силу. В глухих деревнях и сейчас, через тысячу с лишним лет, верят в нечистую силу и обороняются от нее заговорами старух-ворожеек [1]). А через костры теперь молодежь прыгает ночью на Ивана-Купала в шутку, не думая о том, что это было прежде предохранением от злых духов.

Погребали славяне своих покойников со всем, что могло им на том свете понадобиться. При раскопках славянских курганов в них находят все вещи и кости умерших обгорелыми, сложенными в большой глиняный сосуд. Значит, славяне в старину своих покойников сжигали.

Про славян, про их жизнь и обычаи у нас уже есть писанный рассказ образованных соседей—греков и других.

7. Мирные сношения славян между собой.

Всякому из вас, кто живал в деревне, приходилось, конечно, бывать на деревенской свадьбе и слышать, как невеста, расста-

---

[1]) Вот, например, как заговаривает сибирская знахарка грудную девочку от бессоницы: *Наговор на вечернюю зарю*. «Вечерня заря Маримьяна, утреня Марея! Зоря-Зорница, красна девица! Посватамся, побрякамся: у меня дочь Татьяна, у тебя сын Мартымьян» (все эти слова произносятся три раза). Став против вечерней зари, лекарка продолжает: «Возьми на своего сына Мартымьяна с моей дочери Татьяны полунощницы, полуденницы, неугомонницы; дай моей дочери Татьяне сон-спокой, угомон во полуночи, вополудни, во всяком часу, во всякой минуте. Буде мои слова крепки, лепки. Аминь, аминь.

С последними словами, повторяя их трижды, лекарка дует на ребенка, плюет в сторону и кладет его бережно в зыбку (*А. А. Макаренко* «Материалы по народной медицине»).

ваясь с родительским домом, плачет и громко причитывает, жалуясь на то, что выдают ее за «чуж-чужанина» да в «чужедальнюю сторонушку». Просит братца родного за нее заступиться— «не отдавать ее чужим людям». Вам это, наверное, казалось странным, особенно, если вы знали, что девушка выходит по своей доброй воле и вовсе не в чужедальнюю сторонушку, а за своего соседа. Почему же она так жалобно плачет и причитывает, что даже у гостей слезы навертываются? Да это просто старый обычай,—такой старый, что ему больше тысячи лет. Люди уж как к чему привыкнут, войдет что в обряд, с тем им долго и не расстаться никак. Переходит он от дедов к внукам и правнукам, теряя свой прежний смысл. А свадебное причитанье сохранилось в наших деревнях с тех далеких времен, когда девушку выкрадывали, похищали из ее рода жених со своими товарищами. В некоторых деревнях до сих пор поезжане жениха, его дружки стреляют из ружей в воздух, когда приезжают за невестой. Теперь это, конечно, нарочно, не всерьез, а прежде и правда происходила драка с родичами невесты, которые ее старались отбить у жениха, у «чужанина», чужеродца. Постепенно этот обычай похищать, «умыкать» невесту заменился выкупом. И теперь на свадьбе во время угощения жених и его поезжане кладут на блюдо с гостинцами деньги. Это пошло с тех пор, как невесту стали выкупать, чтобы похищением не накликать беды своему поселку, не вызывать мести со стороны обиженной невестиной родни.

Люди и встарину, с переменой в хозяйственном быту, меняли свое отношение к другим людям. Звероловы, охотники жили всегда отчужденнее, чем земледельцы, а чем больше начинал народ уделять времени земледелию, тем становился общительнее и покладистее с соседями. В самые-то далекие времена славянский поселок лепился где-нибудь в лесной глуши, за непролазными болотами, огораживался высоким тыном не от одних зверей, но и от людей из соседнего рода, которые могли напасть во всякое время, из-за какого-нибудь спора на охоте. Хоть большое было приволье в лесу, а все-таки случалось, охотясь за зверем, столкнуться с другими охотниками, выследившими того же медведя или кабана, и кончалось дело дракой, враждой, поджогами. Когда люди начинали больше заниматься хлебо-

пашеством, им приходилось дружнее жить между собой, как-нибудь ладить с другими людьми. Охотнику еще полгоря, когда сожгут его хижину: он построит себе новую где-нибудь подальше в лесной чаще, а земледельцу не так легко расстаться со своей пашней, которую он выжег и расчистил. Да и скота доморощенного жалко, если сожгут его вместе с поселком во время ссоры с соседним родом. Этот хозяйственный расчет и делал людей мирнее. Приучились древние славяне и обменивать друг у друга разные товары. У одних больше мехов, если они хорошие охотники, у других есть лишний скот, у третьих—ладьи наделаны прочные, легкие. Стали люди съезжаться на удобных местах на берегах рек, строить там за изгородью амбары для привезенных товаров. Такие городки назывались погостами—от слова «гость». По-славянски прежде купец назывался гостем. Понемногу погосты эти разрослись в города, огороженные валом и высоким тыном.

Сходились славяне не только для торга, но и для веселья, для праздников. На таких праздниках плясали, пели, водили хороводы.

Среди лета в честь жаркого солнца собирались жители многих поселков на праздник, который и теперь зовется «Купалой». Ночью старики резали животных в жертву солнцу. Зажигали костры, через них прыгали все, чтобы очиститься, отогнать от себя нечисть. Верили, что в эту ночь можно сорвать колдовской цветок папоротника, от которого во всем будет удача. Это поверье тоже дожило до наших дней, и молодежь деревенская ходит в ночь на Купалу в лес искать цвет папоротника, хотя теперь это делается больше ради забавы.

8. Сношения славян с соседями.

Славяне обменивались своими товарами не только между собой, но и с чужими племенами. Случалось, подплывут к славянскому поселку ладьи заморского племени—варягов, ладьи большие, красивые: на носу украшена ладья драконом, на корме изогнутым драконьим хвостом. Подплывут варяжские купцы на таких ладьях, высадятся на берег, разложат свои товары: железные топоры, косы, серпы, стрелы, секиры, мечи. Какая приманка для славян, которым и на медведя приходилось

480331

выходить с рогатиной—своего железа у них не было, не из чего сделать оружия. Сбегутся люди со всех окрестных поселков, как прослышат про заморских гостей,нанесут шкур медвежьих, лисьих, куньих, беличьих, меду от диких пчел. Для славянских женщин тоже приманка: кроме серпов, иголок, еще бусы янтарные, перстни, подвески, серьги. Несут женщины на промен лен, холсты; дивятся на заморских гостей. А те и на купцов не

похожи: в своих кольчугах, шлемах, с мечами у пояса, с огромными щитами в рост человека. Да они и вправду всегда не прочь повоевать: как приметят, что славян мало, поселки не крепко защищены,—смекнут, что можно и без промена поживиться всем, что понравится; нападут врасплох, жителей перебьют, шкуры, меха, детей, женщин—все, что получше, заберут, скот порежут и плывут дальше торговать рабами-«челядью» или грабить, как придется. Иной раз славяне сразу смекнут, что не миновать разбойничьего нападения: тучей налетели варяжские ладьи,

да в каждой человек по шестьдесят вооруженных с ног до головы храбрых витязей. Испугаются славяне, вынесут с поклоном дань: возьмите, мол, добра, сколько хотите, только не разоряйте, не грабьте поселков, не жгите. Варяги смилуются—возьмут дань; пообещают и на другое лето приплыть уж для настоящего торга, если им сверх всего будет дань приготовлена по белке с дыму (с домашнего очага), а иной раз и по черной кунице. Славяне поневоле соглашаются платить ежегодную дань; просят только хоть защитить от других варяжских дружин. На всех не напасешься шкур да меду. Варяги соглашаются: будем, мол, с вас брать дань, а других своих родичей к вам не пустим—переймем их у самого устья вашей реки. Славяне и тому рады—самим не обороняться, они заняты своим звероловством да пашней; поселки друг от друга далеко, а варяги нападают врасплох. Это морские разбойники, удальцы. Для них война—привычное ремесло. У себя на родине, в Скандинавии (где теперь живут их потомки, шведы и норвежцы), земли мало; почва каменистая; всем не прокормиться. Вот молодежь и рыщет по морям в поисках добычи. Конечно, и наши предки славяне не все были мирными звероловами,—попадались и среди них удальцы, готовые по свету пошататься, поискать наживы, посмотреть, как люди другие живут. И они сбивались в дружины, выбирали себе вождя-князя и нападали на соседние славянские племена, а то и на своих соседей—греков, образованных, богатых. Сношения славян с греками завязались очень давно. Об этом сохранились рассказы греков, об этом мы можем судить и по найденным кладам. Например, несколько лет тому назад в Полтавской губернии, подле села Малая Перещепина, пастухи откопали из песчаного слоя драгоценнейший клад, в котором было больше пятидесяти золотых и серебряных предметов: вызолоченные блюда до тринадцати фунтов веса, вазы, кувшины, золотые тарелки, чаши, кубки, ковши, а также масса украшений: золотые браслеты, ожерелья, подвески, золотые монеты, золотой набор для конской сбруи. На блюдах и на вазах есть греческие (византийские) клейма и монеты, тоже византийские. Монеты чеканены в седьмом веке—как раз тогда, когда славяне уже расселились по русской равнине. Что же говорит нам этот Перещепинский клад? Можем ли мы, судя по нему, думать, что наши предки тринадцать веков

назад, когда попал в землю этот клад, жили так богато, что ели и пили на золоте и серебре? Конечно, нет. Ведь если бы это было так, то золотая и серебряная посуда попадалась бы повсюду в славянских могилах, в раскопках древних поселков. А там попадается утварь глиняная, украшения медные,—значит, этот клад был просто награблен каким-нибудь славянским князем у богатых, образованных соседей. Вещами этими князь, может быть, не умел и пользоваться, а только и сумел зарыть, скласть его в землю, как клад, сокровище (от слова «сокрыть», «спрятать»).

Но, главное, о чем нам этот клад говорит, — это о сношениях наших предков с Византией, как тогда назывался нынешний Константинополь. Плавали туда наши предки славяне Днепром, той рекой, которую мы первую проложили на нашей живой карте.

9. Степные кочевники—соседи славян.

В широкой, раздольной степи жизнь не та, что в дремучем лесу: можно развести много скота, распахать поле под хлеб. Земля в степи хлебородная. По рекам—гуси, утки, лебеди; охотнику тоже есть, где разгуляться. Чем не приволье? Славяне и рады были расселиться по степным просторам, да беда была в том, что рыскали по степи кочевники печенеги, грабили поселки, угоняли скот, брали в плен людей. Даже на реках подстерегали славянские ладьи с медом, воском, дорогими мехами, что везли славяне в греческую землю на промен; подстерегали и с высокого берега убивали стрелами гребцов, перехватывали ладьи. Если кто попадался живым—уводили в неволю. Провожать ладьи, плывущие по Днепру в Черное море, а оттуда в Царьград (как называли славяне Византию), должны были славянские воины. Такая славянская дружина, как завидит издали печенегов, как заслышит, что зажужжали над ладьями стрелы степных хищников, высадится на берег, бросится в бой. Посылает тоже стрелы вдогонку, если печенеги испугаются и пустятся в степь наутек.

А по Днепру и так нелегко сплавлять товары в Царьград: широкий, тихий Днепр ниже Киева перегорожен порогами—каменной грядой и не в одном только месте. В порогах вода бурлит по камням; ладьи подхватывает быстрым течением, того

и гляди—нанесет на острые камни, торчащие из-под воды. Надо бороться с бурной волной, и тут-то с берега и подстерегает степной кочевник.

Самый страшный-четвертый порог, его нельзя проплыть в ладьях, надо их вытягивать на берег и обходить порог по-суху. Тут нападают на славян печенеги,—у них это излюбленное место. Как отобьются славяне от степных хищников, пристанут к укромному островку, отдохнут несколько дней от трудного пути и плывут дальше к теплому морю. А там подымут паруса и в несколько дней доплывут при попутном ветре в Царьград. Променяют товары, плывут обратно и снова бьются с печенегами. Хорошо ли было для славян такое соседство степных хищников? Всякому ясно, что хорошего в этом не было, только одна помеха. Если бы не степные кочевники, славянам легче было бы сноситься с образованными и богатыми греками и сами славяне расселились бы по берегам теплого моря, которое их всегда манило, но степные кочевники долго были им помехой и много причиняли вреда.

10. Призвание князей.

Славяне в ту пору, о которой мы говорили, конечно, не умели ни читать, ни писать, но потом составили славянскую азбуку, появились среди них грамотные люди, стали даже записывать по старинным рассказам, как жили самые древние их предки. Эти записанные рассказы сохранились и до нашего времени; теперь эти старые писанные книги бережно хранят в музеях, книгохранилищах, библиотеках; там их всякий может посмотреть.

Написаны они на древне-славянском языке, который теперь хотя и забывается, но все же каждому грамотному человеку понятен. А ведь всякому интересно узнать, что рассказывали про свою старину наши предки. Эта старинная запись называется по-славянски «Повесть времяньных (прошлых) лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть». Как и кем эта повесть писалась, об этом мы еще побеседуем после, а теперь возьмем из нее рассказ о начале русского государства, «Руской земли», как говорится в повести. Там написано, что славяне «В лето 6370 (по нашему теперешнему счету 862 год), изгнаша варяги за море,

и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и въста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: «поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву». И идоша за море к Варягам, к Руси... Реша Руси: земля наша велика и обильна, а наряда [1]) в ней нет: да и поидете княжить и володети нами».

Дальше говорится, что варяжское племя Русь выбрало трех братьев, из которых старшего звали Рюриком, и они со всем своим родом пришли к славянам и стали ими править.

Рассказ этот записан не одну сотню лет спустя после того, как варяжские князья приплыли к нам из-за моря и стали, собирая со славян все, что надо было для себя и для дружины, защищать славянские племена от своих же варягов и от степных кочевников. А если повесть написана много лет спустя, можно ли думать, что в ней все так и рассказано, как было? Вот, например, всякий из вас любит слушать стариков, когда они рассказывают про старину. Иногда они говорят про то, что было в дни их юности, а иногда про то, что сами слышали от своих покойных дедов и прадедов. Мы их слушаем с большим интересом, хотя другой раз знаем, что старик совсем не так рассказывает про старое время, как рассказывают про него книги, тогда написанные. Старик и хотел бы рассказать все правдиво, да ведь он многое позабыл, а многое ему теперь совсем иначе кажется: оно ему поневоле милее нынешнего, потому что напоминает молодость, детство. Вот потому-то и приходится иногда слышать от стариков такие рассказы, которым поверить никак нельзя. А уж если они передают то, чему не были очевидцами, а сами слышали от своих стариков, то можно ли такое предание считать точным, достоверным рассказом? Нет, нельзя. Мы можем это предание записать, постараться его сохранить, как всякий остаток старины, но мы будем знать, что оно передает прошлое так, как оно кажется старикам-рассказчикам издали, много лет спустя. Вот также и с «Повестью временных лет», записанною с устного рассказа, с предания. Что же в этой повести не похоже на правду? Конечно, то, что славяне будто сами пригласили к себе варяжских князей притти и владеть ими. Мы ведь в про-

---

[1]) *Порядка* в переводе со славянского на русский язык.

шлых беседах уже говорили о том, что варяги захватывали, завоевывали власть над славянскими племенами, потому что были лучше вооружены, привычны были воевать и получать дань с тех, кто послабее. Князь Рюрик с двумя братьями, с родичами, с дружиной тоже принудил славян платить дань; остался в славянском Новгороде, чтобы оттуда, разъезжая по рекам и речкам, собирать эту дань да там же и стеречь славянскую землю от других завоевателей. Мы уж знаем, что варяжские удальцы так и делали: сами обирали, а от других защищали. Защищали не только от своих же морских разбойников, но и от степных кочевников.

Варяги у себя в Скандинавии жили так же просто, как и славяне в ту пору. Охотились, ловили рыбу, сеяли немного хлеба, торговали не на деньги, а на промен: были такими же необразованными варварами. Славянам не трудно было с ними сжиться. Варяжские князья принимали в свою дружину и славянских удальцов, тех, кому по душе было воевать, ходить в походы, грабить соседей. Понемногу варяги совсем ославянились: забыли свой язык и стали говорить по-славянски (от варяжского только имена остались: Рюрик, Олег, Игорь, Ольга).

После Рюрика стал князем Олег, его родственник, потому что братья Рюрика умерли. Из Новгорода Олег перебрался жить в Киев и прозвал его «Матерью городов русских».

11. Предание об Олеге.

«Повесть временных лет» рассказывает о втором русском князе Олеге много чудесного. В ней говорится, что Олег, собрав большую дружину, поплыл на ладьях воевать с греками. Так как был он хорошим воином, то придумал такую хитрость: поставил ладьи на колеса, поднял паруса и с попутным ветром подлетел к стенам Царьграда. Испугались греки, видя, что он разоряет и грабит предместья города, вынесли ему питья и яства. Но Олег не принял угощенья—догадался, что оно отравлено. Еще больше испугались греки, видя такую его догадливость. Поспешили заключить с ним мир; дали ему по двенадцати гривен серебра на каждого человека в корабле. А кораблей было две тысячи и на каждом по сорок мужей. И еще дали греки Олегу и его дружине столько шелковых тканей, что даже паруса

на ладьях своих дружина поставила шелковые. И вернулся Олег в Киев, который в ту пору был уже главным «стольным» городом, и привез с собой: золото, шелка, фрукты, вина и всякие украшения. И прозвали Олега «Вещим»—колдуном за такие удачи. На воротах Царьграда прибил он свой щит в знак победы над греками и обязались греки принимать русских купцов, «гостей», и послов с почетом; давать им даровой прокорм из царской казны, топить им баню, когда захотят, а на обратный путь давать паруса, веревки и всякие снасти для кораблей. Преданье об Олеге Пушкин передал в стихах «Песнь о вещем Олеге». Там рассказана и смерть Олега. Эти стихи надо непременно прочесть, чтобы представить себе яснее ту пору, про которую это предание рассказывает.

Мы уже в прошлой беседе говорили, что преданья изукрашивают старину, описывают все так, как оно казалось рассказчикам. Но все же эти преданья нам очень ценны. По ним мы можем судить, как жил в ту пору князь со своей дружиной, зачем он плавал в Царьград, что оттуда привозил. Плавал он туда за добычей или для торга, привозил оттуда предметы роскоши для себя и для дружины. Ничего из этих шелков, вин, фруктов, серебра и золота не перепадало жителям славянских поселков. Они попрежнему жили в своих лесах, занимались звероловством, собирали мед диких пчел (бортничали), сеяли немного хлеба на своих выжженных среди леса полянах. Все, что им нужно было для их скудной жизни, они добывали себе сами. Только железо выменивали на свои меха, на воск, да на мед. Значит, и тогда уже, тысячу с лишним лет тому назад, были люди побогаче и победнее. Хотя всякий мог тоже награбить себе дорогих чужеземных вещей, если был удальцом, хорошим воином. В дружину княжескую в ту пору принимали всякого сильного, смелого человека, которому война была милее, чем звероловство и жизнь в родном поселке.

12. Сбор дани в древней Руси—«полюдье».

После Олега стал княжить Игорь, сын Рюрика. Про Игоря «Повесть временных лет» рассказывает, что он тоже воевал с греками и заключал с ними мир, хоть и не такой выгодный, как заключил Олег. Повесть рассказывает, что Игорь был

побежден греками, метавшими на его ладьи трубами огонь—«якоже молонья». Значит, греки употребляли какое-то взрывчатое вещество, которое игоревой дружине показалось «страшным чудом». По договору Игоря с греками видно, что он сам и его дружинники привозили много всякого добра на промен в Византию и оттуда увозили драгоценные товары.

Откуда же брал и князь и дружина все эти меха, кожи, мед, воск? Покупали или сами добывали? Нет, им все это доставалось даром. Они собирали дань со славянских племен: с Кривичей, Северян, Полян, Древлян, которые у нас обозначены на нашей живой карте. Как же собирал князь дань? Ведь мы уже знаем, что в ту пору дорог проезжих еще не было, жили Славяне по лесным дебрям. А вот с осени, с начала зимы, как подмерзнут болота, станут реки и речушки, двинется князь со своей дружиной в «полюдье», на сбор дани, до самой весны. Замерзшая река все равно, что дорога—по рекам можно добраться до самых дальних залешан, поставивших свой поселок за лесами дремучими, за топкими болотами. Как подъедет князь к поселку, выносят ему звероловы богатые меха, что по уговору всего племени с киевским князем следует ему давать. Пока сносят дань с окрестных поселков, князя с дружиной надо кормить дичиной, рыбой, хлебом, медом,—всем, что есть получше в убогом поселке. Хорошо, если князь берет по совести то, что положено с дыма, с каждой избы. А другой—ненасытный, завистливый: видит, что хорош был улов, неплохо люди живут—требует прибавки и себе, и дружинникам. Таким жадным на добычу был, по рассказу «Повести временных лет», князь Игорь. От жадности и погиб. Пошел к древлянам, собирал дань, да показалось ему мало. Отправил главную свою дружину в Киев, а сам с небольшой дружиной вернулся к Древлянам и стал еще дани требовать. Посовещались Древляне и решили: «повадится волк к овцам—выносит все стадо, коли не убьют его». Взяли да и убили Игоря и побили его малую дружину. Помогал им в этом их древлянский князь Мал.

Вот из этого рассказа мы и видим, что у Славян и после образования государства, когда уже сидели в Киеве русские князья, остались свои племенные князья. Про них даже гово-

рится в повести, что они, как добрые пастухи, «распасли древлянскую землю», правили своим племенем хорошо, не брали со своих сородичей ничего лишнего,—не так, как Игорь, ненасытный на добычу.

13. Предания об Ольге и Святославе.

После Игоря стала княжить в Киеве жена его Ольга. Сохранилось предание о том, как она жестоко отмстила Древлянам за убийство мужа. Они, боясь ее мести, хотели ее умилостивить и стали сватать за своего князя Мала. Ольга же вероломно убила послов древлянских, а потом хитростью сожгла древлянский город Искоростень. Предание рассказывает очень подробно о ненасытной мести Ольги, которую ее современники считали «мудрейшей». Из древнего рассказа видно, что никто не осуждал такую жестокость. Это оттого, что Славяне были в ту пору необразованными варварами и кровавая месть была в обычае. Родичи должны были смертью мстить за убитого. Такой обычай держался долго у всех варварских народов, живших родовым бытом. Сохранился также рассказ о том, как Ольга устраивала «ловища» для ловли зверей и «перевесища» для ловли птиц по Днепру, по Десне, по Мсте и по всей земле Русской. Значит, охота была очень важным занятием, если княгиня Ольга так много уделяла забот ее устройству. Под старость Ольга приняла христианство. Крестилась она от греков. Посещение ею Византии подробно описано. Из этого описания мы видим, как богато жили греки, какой пышной была жизнь при дворе византийских царей.

Принимая Ольгу, царь сидел в большом зале, на высоком золотом троне, усыпанном драгоценными камнями. К трону вели ступени, на которых лежали золотые львы, сделанные с таким механизмом внутри, что поднимались, как живые, и начинали рычать. Тут же стояли золотые деревья, а на ветвях их—золотые птицы, тоже заводные, поющие. Теперь нам кажется смешным такая забава, а тогда на варварских послов, да и на самое Ольгу вся эта сказочная роскошь производила сильное впечатление. То же было и в греческих храмах: там было столько пышности, блеска, пения и ладана, что Ольга и ее свита не знали—на земле они или на небе.

Обиход наших киевских князей в ту пору был еще совсем простой. Княжий двор совсем не походил на дворец византийских царей.

Особенной простотой отличался сын Игоря и Ольги, Святослав. Это был князь-воин. Вот как описывает греческий историк свидание Святослава с греческим императором: «Греки были все верхом в позлащенных доспехах. А Святослав переплывал реку, на которой была назначена встреча, в скифской ладье, сидя за веслом, греб наравне с прочими без всякого различия... Он казался мрачным и диким. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином, посреди их вставленным. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная...».

Наше летописное предание много говорит о походах Святослава, о его борьбе с Печенегами. Он в этой борьбе и погиб. В порогах днепровских подстерег его печенежский князь, убил и из черепа его сделал себе чашу.

14. Язычество в древней Руси; принятие христианства, двоеверие.

Мы уже раньше говорили о том, что Славяне, жившие в древние времена родами, чтили своего умершего родоначальника—«щура». Потом, когда роды распались, щуров стали забывать, а почитали уже домовладыку или дедушку-домового. Почитали не только души умерших, но думали, что и леса, и реки, даже дерево—березка имеют душу. Славянам казалось, что все кругом живое и все предметы могут или помогать или вредить человеку. Такое душеверие было в далекие времена и у других необразованных народов. По мере того, как Славяне больше привыкали к земледелию, они больше почитали силы природы. Мы уже беседовали о славянских праздниках в честь солнца. Бог солнца—Даждь-бог или Велес—скотий бог, больше всего почитался. Когда Олег и Игорь заключили договор с греками, они клялись на своих мечах Велесом, скотьим богом, и еще клялись Перуном — богом грома и молнии. Перуну был поставлен идол в Киеве на холме. Вот как он выглядел, по словам предания: сам деревянный, голова серебряная, а ус золотой.

Идолам Славяне приносили даже человеческие жертвы. Но особых храмов и языческих жрецов у славян не было. Были только волхвы, кудесники, которые занимались гаданьями. Жертвы приносил старший в роде. Потом, когда сношения с греками стали теснее, когда князья и дружинники стали перенимать понемногу греческую одежду, греческие украшения, греческие обычаи, они легко переняли и веру греческую, в которой их больше всего прельстила пышность богослужения. Мы уже знаем, что княгиня Ольга приняла христианство. Она уговаривала и сына своего Святослава креститься, но это ему было не по душе. Крещение принял внук Ольги, Владимир. Как и где он крестился—достоверно неизвестно. Предание говорит, что он осадил греческий город Корсунь (Херсонес), и когда греки запросили мира, он согласился пощадить город, если отдадут за него греческую царевну. А так как ей нельзя было выйти за язычника, то Владимир крестился там же в Херсонесе и получил в жены царевну Анну. Потом он вернулся в Киев с греческими священниками и крестил своих киевлян в Днепре и в соседней речке.

Предание прибавляет еще, что Владимир повелел сбросить идола Перуна в Днепр, а киевляне бежали за ним и плакали.

Рассказ о крещении Владимира записан сто лет спустя, значит, нельзя предполагать, чтобы все событие было передано достоверно.

Конечно, Славяне, и приняв крещение, не забыли своих прежних верований. Многие из этих верований, как, например, вера в домового, дожили в народе и до наших дней. В Белоруссии, когда переходят в новую хату, бабка берет из старого жилища горячих углей, переносит их в закрытом горшке в новую печь и при этом приглашает деда-домового пожаловать в новый дом, беречь и в нем и хозяев, и скотину. Все такие обычаи мы называем пережитками старины, остатками двоеверия, т.-е. смеси язычества и христианства.

15. Перемены в жизни Киевской Руси.

Три, четыре века прошло с тех пор, как Славяне расселились по русской равнине, и все еще жил народ по своим лесам, ловил зверей, собирал мед. Но все же скота стали разводить

больше и хлеба больше сеяли. А главное,—хоть могли обходиться всем своим домашним, а все же часть добычи уделяли на промен, на серпы, на косы, на железные топоры, сошники, лемехи.

Сначала все менялись просто на товар, а потом появились и деньги. Деньги были совсем особенные, нам даже теперь поверить трудно, что деньгами считались шкурки куниц, белок. Собирали их купцы не для того, чтобы сшить себе шубу, а чтобы возить их с собой на торжки, на погосты и там на них покупать все, что нужно. Но удобно ли употреблять меха вместо денег? Конечно, неудобно. Прежде всего, они занимают много места: их ни в карман, ни в кошель не положишь: потом они портятся, долго не прослужат. Поняли русские купцы, что серебро для денег гораздо сподручнее. Стали менять свои товары на деньги у греков, у арабов, с которыми тоже вели торговлю. Потом даже стали киевские князья заказывать монету в Царьграде греческим мастерам. Но все же денег было еще мало в ходу, и народ долго еще продолжал менять товар на товар. Деньги скоплялись в руках князя, дружины, богатых купцов. Больше прежнего стали отличаться богатые от бедных. Дружинники князя—бояре захватили себе большие земли, стали их обрабатывать не сами, а руками своих «холопов». Так звали прежде несвободных людей, которых захватывали во время походов и заставляли потом работать. Их продавали, выменивали на скот, на шкуры, как всякий другой товар. (У всех варварских народов да и у образованных народов в древности были такие невольники – рабы).

Вот такие холопы-рабы и расчищали для богатых бояр пашню, сеяли хлеб, пасли их стада и табуны лошадей. Когда много людей работает на одного человека или на одно его семейство, разве от этого не разбогатеет тот человек? Конечно, разбогатеет. Вот бояре со своих земель и с торговли—купцы, которые ездили торговать в Византию и к другим соседям, богатели все больше и больше. А простому люду, наоборот, становилось жить теснее и труднее. Ведь прежде земля вся была вольная, ничья: каждый род захватывал себе земли столько, сколько мог обработать, а тут мы видим, что лучшие-то земли захватил сам князь, его родичи и богатые бояре. Да и хозяй-

ство у простых крестьян, которых тогда называли «смердами», стало сложнее: скот стали больше беречь, строить для него хлева и землю уже стали лучше обрабатывать, а на все это нужно больше затрат, чем на простое звероловство. Князь да бояре стали народ облагать всякими поборами за суд да за управу. А смерду денег взять неоткуда. А еще случится набег, смута—вытопчут воины крестьянское поле, угонят скот—вот и разорен человек и не может поправиться своими силами. Приходится итти на поклон к богатому купцу или к боярину. Тот даст семян на новый посев и коня, чтобы землю вспахать, только должен за все это смерд закупиться за богатого, запродать ему себя на все время, пока не отработает долга с процентами. Называется смерд тогда—«закупом» и становится полусвободным человеком, обязанным работать на своего хозяина. А если не захочет работать, сбежит до выплаты долга, тогда его ловят и отдают хозяину в холопы, в полное рабство.

Вот мы и видим, что жизнь в Киевской Руси при Владимире и при сыне его Ярославе (в одиннадцатом веке) стала совсем не такой простой, как при Ольге, Игоре, Святославе.

Выросло много новых городов; в городах поселилось много торгового люда. Города стали обстраиваться княжескими теремами, церквами, монастырями. С принятием греческой веры наехало много греческих священников, потом появилось и русское духовенство. В Киеве при Ярославе открылись школы для детей, из которых после обучения их грамоте и богослужению должны были выходить священники. Но грамота считалась делом таким трудным, что матери, отдавая своих детей в школу, оплакивали их, как покойников. Конечно, грамотными, кроме священников, были только князья и бояре, да и то далеко не все.

Книги были писанные (печатать научились пятьсот лет спустя), значит, их, конечно, было немного; были они только духовные. Потом стали по монастырям писать обо всем, что происходило: о войнах, набегах, народных бедствиях, болезнях, о смене князей. Записали монахи и старые предания устные—«Повесть времянных лет», о которой мы уже беседовали. Такие записи велись по годам, по летам и потому назывались «летописями». В летописи заносили и договоры князей и другие документы, переведенные с греческого.

16. Очередной порядок княжения. Княжеские усобицы.

Князья смотрели на Русскую землю, как на свое родовое владение, и потому, если у князя было несколько сыновей, то каждый из них получал после смерти отца часть Русской земли, как отдельное княжество. Части были неодинаковые: одна область побогаче, города в ней получше и торговать с греками из нее удобнее; другая область победнее, похуже. Самым лучшим княжеством считалось Киевское с городом Киевом, вторым считался Чернигов со своей областью, третьим—Переяславль. Кому же из сыновей доставался Киев? Конечно, старшему. Следующему—Чернигов, третьему—Переяславль, а младшим—другие города, которые от Киева подальше и победнее. И доставались эти города и области княжеским сыновьям не навсегда. Когда умирал старший брат, Киев переходил не к его сыну, а к следующему брату, и так ко всем поочереди. Потому и называется это «очередным порядком княжения». Но только мог ли этот порядок не нарушаться, могло ли дело обойтись без путаницы? Конечно, нет. Порядка в таком владении оказалось очень мало. Каждому брату хотелось получить Киев, из-за него происходили ссоры и драки. Владимир, принявший потом от греков христианство, убил своего старшего брата и утвердился в Киеве. Внуки его, сыновья Ярослава, тоже перессорились между собой и младший прогнал из Киева старшего. Иногда народ сам выгонял от себя неугодного князя, несмотря на его старшинство, и призывал к себе младшего.

Народ в ту пору по всем важным делам сходился на сходку. Такая сходка набольших домохозяев называлась «вечем». На вече решались вопросы не так, как они теперь решаются на собраниях, где люди могут спорить спокойно без ссоры и потом спокойно подсчитать голоса: кто за одно решение, кто за другое. На вече решение должно было быть принято всеми и потому спорили и даже ссорились до тех пор, пока не заставляли всех присоединиться к общему решению.

Обыкновенно, младшие города подчинялись тому, что решалось на вече старших городов, хотя в младших городах, в «пригородах», как их тогда называли, было свое вече. Вече не только выгоняло неугодного князя—оно могло укорять князя за обиды,

причиняемые боярами, воеводами, которых князь сажал управлять городами, и часто случалось, что князь сменял таких неугодных народу воевод. А другой раз вече само расправлялось с боярами, слишком жадными на поборы и обижавшими народ. Бросалась тогда вся толпа к двору такого боярина и разбивала, грабила все его добро, а самого убивала, и князю со всей его дружиной трудно было заступиться за такого обидчика, озлобившего народ своей алчностью. Только все это делалось попросту, не потому, чтобы было установлено, что князь должен подчиняться решению веча, а брал верх тот, кто оказывался сильнее.

Княжеские споры из-за лучших владений, главным образом, из-за Киева, очень вредили молодому Поднепровью, которому и так все время приходилось отбиваться от степных кочевников. В одиннадцатом веке появились в степной полосе на смену печенегам дикие половцы и начали своими набегами еще больше тревожить русские земли. Жгли города и села, а жителей уводили в плен целыми толпами. Случалось, что князья во время своих усобиц сами призывали половецкие полчища против своих же братьев. Об этом с укоризной писали современники в своих записях—летописях.

17. Объединение Руси при Владимире Мономахе. «Поучение» его.

Но были и такие князья, которые старались защитить Русскую землю от половцев. Строили они в пограничных со степью местностях новые крепости, соединяли эти крепости между собою высоким валом, засеками. С дружиной своей стерегли границу. Про таких витязей, защищавших Русь, и сложились потом песни, «былины». В былинах эти воины называются «богатырями».

Были князья, старавшиеся мирить других своих братьев и родственников. Больше всех об этом старался внук Ярослава, Владимир Мономах. Его мать была греческой царевной, и Мономахом он назывался по деду с материнской стороны. Он, еще не будучи киевским князем, уговаривал князей съезжаться на съезды, чтобы сообща обдумать, как бороться с половцами, как их отогнать от южной границы, чтобы они не врывались в русские владения, не разоряли русские поселки и города. А глав-

ное—чтобы установить мир между собою. Когда Мономах стал княжить в Киеве по приглашению киевского веча, он понемногу прибрал к рукам почти всю Русскую землю: рассадил по городам своих сыновей, держал их и других князей в строгости, за каждую вину отнимал города и волости. Князья его боялись, боялись его и половцы: не смели при нем нападать на русские земли.

Владимир Мономах был также писателем: он оставил после себя «Поучение» сыновьям своим. Оно для нас очень интересно. В нем он описывает свою жизнь, свои походы на половцев. Всех походов своих он считает восемьдесят три. Нам сейчас это число кажется таким огромным, что думается—он только и жил в походах. Но нет, он еще очень много времени отдавал охоте. И опять он перечисляет такое количество убитых зверей, что становится ясно—охота не была в ту пору забавой, а серьезным делом в хозяйстве: она давала мясо для княжеского стола, шкуры и меха для одежды, освобождала окрестности от опасных зверей, которых было так много, что они нападали на скот и на людей. В своем поучении Мономах пишет, что князь должен быть справедливым и милостивым судьей: творить суд, но никого не казнить смертью. Для того времени, когда было в обычае за вину не только убивать человека, но и обездоливать всю семью—предавать все имущество виновного «на поток и разграбление»,— для того времени это было очень милосердным, снисходительным отношением к преступнику; и мы можем заключить, что понемногу все же проникала образованность—«культура», как мы теперь говорим, и к нам, в Киевскую Русь. Только культура коснулась еще очень немногих, а в общем люди были все-таки грубы и жестоки.

Многие ли могли прочесть «Поучение» Мономаха, так же, как и другие писаные книги и летописи, если даже князья и бояре были далеко не все грамотными, и священников было много неграмотных—не только простых людей.

После смерти Мономаха не прекратились между князьями усобицы: хорошими словами людей не уговоришь до тех пор, пока эти люди сами не станут просвещенными, культурными людьми, пока не переменится сама жизнь. А жизнь, хотя очень медленно, но все-таки понемногу менялась. Об этих переменах,

между прочим, мы можем судить по тому, как менялись обычаи и законы. В двенадцатом веке, когда жил Мономах, на Руси уже были писаные законы, записаны были старые и новые обычаи. Мы их можем сравнить. А прежде князья и их наместники судили просто по старине, нигде не записанной.

18. Суд по «Русской Правде».

Из прежних бесед мы уже знаем, что у наших предков, живших родовым бытом, как и у всех варварских народов, был обычай «кровавой мести»; обиженный или сам мстил или, в случае его смерти, мстили его родичи. Это приводило к бесконечной вражде. Когда князья еще только начинали творить свой княжеский суд, они тоже держались старого родового обычая и за убийство разрешали кровавую месть. Даже когда появилась грамота и старые обычаи стали записывать, то тогда в записи говорится о праве самого обиженного мстить за увечье, за убийство, и могли смертью мстить, но только ближайшие родичи [1]). При сыновьях Ярослава родовую месть отменили и стали назначать за убийство штраф—«виру».

Старые обычаи, записанные под названием «Русской Правды», дошли до нас в разных списках. В самых старых кратких списках нет и полусотни статей, а в поздних, дополненных, уже сто тридцать пять статей. Это и не удивительно, потому что начали записывать эти законы в одиннадцатом веке, а кончили в тринадцатом.

Суд в Киевской Руси происходил совсем не так, как он сейчас происходит. Собирались просто на просторном княжеском дворе обиженные, потерпевшие, а за убитых—их родные; приводили сами обидчика и свидетелей—«видаков». Туда же сбегались любопытные, чтобы послушать, как будет князь судить. Выходил князь из своего терема, садился на широком крыльце, к нему подходили жалобщики и ответчики. Вокруг князя—его бояре, старшие дружинники, перед князем—мечник с мечом для наблюдения за порядком. Подойдет жалобщик, расскажет, в чем дело, «видаки» подтверждают клятвою, что он говорит правду. И должны они все произносить клятву слово в слово, а если

---

[1]) Это показывает, что роды уже распались, ослабела родовая связь.

собьются—пропало дело, значит, сам бог против них, нечистый дух попутал их язык, потому что хотели они дать ложную клятву. Их свидетельству князь не поверит. Нам сейчас это кажется очень странным: сбиться может и правдивый человек, если он от природы робкий и на суде в первый раз, а бойко может говорить неправду человек лживый, но привычный говорить на людях. Мы бы так не стали судить, постарались бы иным путем узнать правду, найти других свидетелей, если первые не убедили нас. Но тогда этого сделать не умели, а главное—князь и бояре вовсе и не считали себя обязанными беспокоиться, искать свидетелей, их приводили сами тяжущиеся, а решать должны были небесные силы, прав человек или нет. На то и была клятва. Если же «видаков» не было, клясться было некому или «видаки» были люди несвободные—холопы, которых в свидетели не принимали, тогда прибегали к «суду божьему», как тогда говорилось,—приказывали обвиняемому вытащить тут же из разложенного костра раскаленное железо. Если через несколько дней ожог проходил, значит, не виноват человек, небеса за него вступились и нездешние силы помогли зажить его ранам. За это его оправдывали. А то еще решали дело поединком—«полем». Выходил обиженный против обидчика биться на мечах: кто победит, тот и прав.

Наказания назначались тяжелые: за убийство намеренное, если не казнили человека, то изгоняли вон из города, из княжества, отдавали все добро на поток и разграбление. Только позднее стали заменять такое наказание «вирой»—штрафом, очень высоким: восемьдесят гривен (фунтов) серебра за убийство боярина и княжеского «тиуна» (чиновника), сорок гривен—за смерда. Кроме штрафа в пользу князя еще несколько гривен серебра в пользу родни убитого, чтобы вознаградить за потерю работника.

Если осужденный был небогатым человеком, то он никак не мог заплатить таких денег—ведь деньги тогда еще были мало в ходу и их трудно было добыть. Приходилось осужденному распродать все свое имущество, а недостающую сумму отрабатывать, нанявшись к кому-нибудь в работу. Иной раз он становился холопом, терял навсегда свою свободу, если не удавалось ему запродать себя на срок.

19. Расширение Руси на север и на восток. Рост земледелия.

До сих пор мы на нашей живой карте обращали внимание только на область Днепра и его притоков, на великий водный путь «из варяг в греки». По Славяне очень скоро стали расширять свои владения на восток и на север.

Когда увеличивается народонаселение, всегда становится тесно на прежних местах, в особенности народу, занимающемуся звероловством и ведущему подсечное, огневое земледелие. При таком простом, «примитивном», как мы теперь говорим, хозяйстве, приходится поневоле искать новых земель, когда народа народилось много. Вот наши предки Славяне и расселялись постепенно на землях финских племен, сливаясь с этими племенами. Между реками Волгой и Окой жили сначала финские племена: меря и другие, а потом выросли здесь русские города: Ростов, Суздаль, Муром. При Владимире построен был город Владимир. Поставим и мы на своей живой карте срубы на тех местах, где находятся эти города.

Если вы прочли уже былину про Илью Муромца, вы знаете, что в ней, как особое удальство богатыря, выставляется его проезд из Мурома в Чернигов и Киев «прямою дорогой неокольною». Тут мы и видим, что в былине сохранилось воспоминание о дремучих лесах непроезжих, которые разобщали прежде Приднепровье от Ростовско-Суздальской области. Славянские переселенцы проникали в этот край прежде всего по рекам: по Оке, по Клязьме, по Волге, по мелким их притокам. Только в двенадцатом веке проложен был путь «прямой неокольный», про который упоминает былина.

Когда половцы стали нестерпимо разорять южную Русь, почти прервали ее сношения с Византией, многие предприимчивые люди старались пробираться с тревожного юга в Ростовско-Суздальское Залесье. Там же захватили себе большие земли бояре, монастыри (которые тоже владели большими именьями). Эти крупные землевладельцы манили к себе переселенцев крестьян, давали им льготы и ссуды на подмогу: семян, скот, хлеба до нового урожая. А переселенцы ставили «починки» (новые поселки), подымали целину из-под выжженного леса, сеяли хлеб. Нелегкая была это работа—настоящий богатырский пс-

двиг. Понемногу все же пахарь своим трудом покорял природу: расчистил дремучие леса, распахал пашни и стал в этой области между Окой и Волгой сеять столько хлеба, что снабжал им и богатый торговый Новгород.

Там, в новгородских землях, на севере, тоже нелегко давалось пахарю покорение природы. Но все же непомногу земледелие берет верх над звероловством, всюду, кроме крайнего севера, и даже былины, воспевающие старину, говорят не об одних подвигах военных, но и о богатыре Микуле Селяниновиче. Эту былину про Вольгу и Микулу-оратая (землепашца) надо непременно прочесть и подумать над тем, почему же оратай оказался сильнее всех витязей всей богатырской дружины.

20. Новгород.

На нашей живой карте мы поставили Новгород одним из первых, как древнейший русский город. Вначале на реке Волхове по обоим его берегам стояло несколько поселков, потом они слились в один город, названный Новгородом. Оттого и делился город на пять концов, а к концам этим примыкало пять областей, называвшихся «пятинами» новгородскими. Стоял Новгород, как мы уже видим, на «великом водном пути из варяг в греки», и оттого, понятно, и сам рано втянулся в торговлю и стал расти и богатеть. Народу в нем прибывало, и раскидывал он свои владения все шире и шире. С давних пор расходились из Новгорода промышлять пушных зверей охотники, пробирались они вглубь северного края, заселенного финскими племенами. Край был баснословно богат: куницей, соболем, чернобурыми лисицами, белкой. В реках и озерах водилось несметное количество рыбы. Все эти богатства манили промышленников, и переселенцы новгородские углублялись в северные леса все дальше и дальше, пока не дошли до самого Белого моря, а на восток—до Уральских гор. Всеми богатствами, добываемыми с этого огромного края, новгородцы торговали не только со своими русскими городами, но очень рано завели торговлю с западными соседями—немцами, приезжавшими с острова Готланда с Балтийского моря. Немцы привозили им за пушнину: сукна, полотна, серебряную монету, металлические вещи, вина.

Мы уж раньше говорили, что с развитием торговли богатые начинают сильно отличаться от бедных всем своим обиходом. В Новгороде рано появилось богатое боярство, стало себе захватывать большие земельные угодья, вести крупную торговлю. Потом бояре, даже сами не торгуя, богатели оттого, что давали деньги в рост за большие проценты торговцам. Рядом с богатством всегда появляется и беднота, и богатые начинают пользоваться чужим трудом для того, чтобы еще больше увеличить свое богатство.

В Новгороде, больше чем в других русских городах, усилилось вече. Новгород, называвший себя в грамотах «Господином Великим Новгородом», рассылал в другие младшие города своих пятин, в «пригороды», как они тогда назывались, своих посадников, а в волости—своих наместников, хотя там были свои вечевые сходки. Но в главных делах приходилось пригородам подчиняться решению новгородского веча. Оно было хозяином всей огромной области: приглашало и прогоняло князей, выбирало посадников (председателей веча), потом стали выбирать и тысяцкого, командовавшего, под начальством князя, Новгородским полком—«тысячей». На вече могли присутствовать все домохозяева, даже и окрестные крестьяне, приезжавшие в город, могли принимать участие в вечевых сходках. Но настоящими хозяевами на вече были все же богачи-бояре. Они не только подкупали деньгами и даровым угощением новгородскую бедноту, они держали в руках всех, кому приходилось у них одолжаться, брать деньги взаймы на торговлю или на обзаведение в сельском хозяйстве.

Беднота сознавала свою зависимость от богачей, видела их несправедливости, алчность, притеснения, иногда поднимала против них бунт: грабила, разоряла их дома. На вече тоже очень часто споры между богатыми и бедными кончались дракой, побоищем, происходившим на берегу Волхова или даже на Волховском мосту. Кровопролитие продолжалось иной раз до тех пор, пока архиепископ Новгородский не приходил в полном облачении мирить враждебные стороны. Буйный нрав новгородцев, особенно молодежи, прекрасно передан в былине о Василии Буслаевиче. В ней рассказывается, как он подкупает своих сподвижников даровым угощением, как они с ним вместе буй-

ствуют, пьянствуют, убивают и калечат народ. В другой былине рассказывается, как он странствует со своими товарищами, плывет на кораблях по рекам и морям. Тут отразилась любовь новгородской молодежи к разбойничьим поездкам, к набегам на соседние области [1]). Новгородцы не только промышлять зверей отправлялись в дальние места, молодежь сбивалась в разбойничьи шайки и попросту отправлялась на своих быстрых ладьях—«ушкуях»—опустошать берега рек, нападать на прибрежных жителей, на торговые караваны. Такие шайки «ушкуйников» наводили страх на далекие города и села.

Про богатство Новгорода, про его торговлю хорошо рассказано в былине о «Садко, богатом купце». Из этой былины мы видим, что новгородцы очень любили музыку, ведь Садко—музыкант, гусляр, певец. Его игрой заслушивается подводный царь и дает ему возможность разбогатеть. Значит, новгородцы любили музыку, если гусляра приглашали каждый день играть на пирах и если со своей игры он так богатеет. Новгородцы, плавая со своими товарами по разным странам и у себя в Новгороде видаясь с более образованными иностранцами, сами стали образованнее. Вот и в былине мы видим, что Василий Буслаевич рассылает по городу «ярлыки скорописчатые», т.-е. записки, объявления. Значит, грамотность была распространена больше, чем в других местах.

Торговал Новгород и с Суздальским краем, о котором мы говорили в прошлой беседе: возили туда новгородские купцы свои и немецкие товары, меняли их у суздальцев на хлеб. Своего хлеба Новгороду не хватало: народу в нем и его пригородах все прибывало, а хлеб родился довольно плохо в его пятинах—почва была болотистая, местами каменистая. В былине про Вольгу и Микулу Селяниновича так рисуется картина северной пахоты: Микула-оратай (пахарь) «пенье-коренье вывертывает, а большие камни в борозду валит».

---

[1]) Василий Буслаевич сам говорит: «С молоду было много бито, граблено».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

21. Вотчинный порядок. Дробление земли и власти.

Беседуя о княжеских усобицах, мы уже упоминали о том, что съезжались князья при Владимире Мономахе на съезды, «на устроение мира» между собой. На одном из съездов принято было решение, чтобы за каждым князем сохранялось владение его отца: «каждый да держит отчину свою». Мир, однако, между собой князьям установить не удалось. Усобицы продолжались и доходили до того, что, например, семьдесят лет спустя после этого съезда, внук Мономаха, Андрей Боголюбский, послал свои полки на Киев, где княжил его племянник, сжег город и разграбил так, как никакие враги не грабили. Но отчинами или «вотчинами», как тогда говорилось, князья стали владеть и делить их между своими сыновьями. Так как княжеские семьи разрастались, то владения княжеские, «уделы», которыми князь наделял своих сыновей, все мельчали, дробились больше и больше. Дошло до того, что иной удел был весь в одно село, прилегавшее ко княжеской усадьбе. Свои усадьбы и города князья обносили бревенчатыми высокими стенами, окапывали рвом, так как всегда ждали чьего-нибудь нападения. В своих вотчинах князья занимались хозяйством, больше всего заботясь о том, чтобы как-нибудь увеличить свои доходы. Самым верным средством разбогатеть было захватывать побольше земли, заселять ее крестьянами и брать с них как можно больше продуктов. Денег было мало в ходу, и крестьяне платили, главным образом, продуктами за то, что работали и жили на княжеской земле.

Кроме того, крестьяне должны были строить и чинить избы, в которых поселялись, строить всякие хозяйственные постройки

и для вотчинника князя или боярина. Вотчинами владели не только князья, но и бояре и монастыри. На монастыри тоже работали те земледельцы, которых монастырь селил на своих землях.

Мог ли быть какой-нибудь порядок в государстве, когда оно распалось на такие вотчины? Конечно, порядка не было. Всякий думал только о своей выгоде. А если мы вспомним, что каждый князь имел свою дружину, свое войско, каждый в своей земле творил суд и вообще был полным государем, то мы поймем, как все это ослабляло удельную Русь.

А вместе с тем на Руси было вовсе не спокойно: появились враги, еще более опасные, чем половцы. В тринадцатом веке из Азии хлынули новые дикари-кочевники: татары. Их нашествие было страшнее половецких набегов. Половцы не умели воевать так, как воевали татары. Те могли ворваться в город только врасплох, а татары умели уже брать города приступом, подкатывать к стенам стенобитные приспособления. Мы теперь иногда говорим про человека, который хочет всех покорить своим красноречием, что он «подводит турусы на колесах», но мы совсем не думаем при этом, что значит «турусы на колесах». А это именно и есть те приспособления, которыми пользовались татары при штурме наших древних городов. Это были досчатые башни на толстых колесах, которые подкатывали к стенам города и в которых укрывались татары, обстреливавшие город зажженными стрелами, раскаленными каменьями.

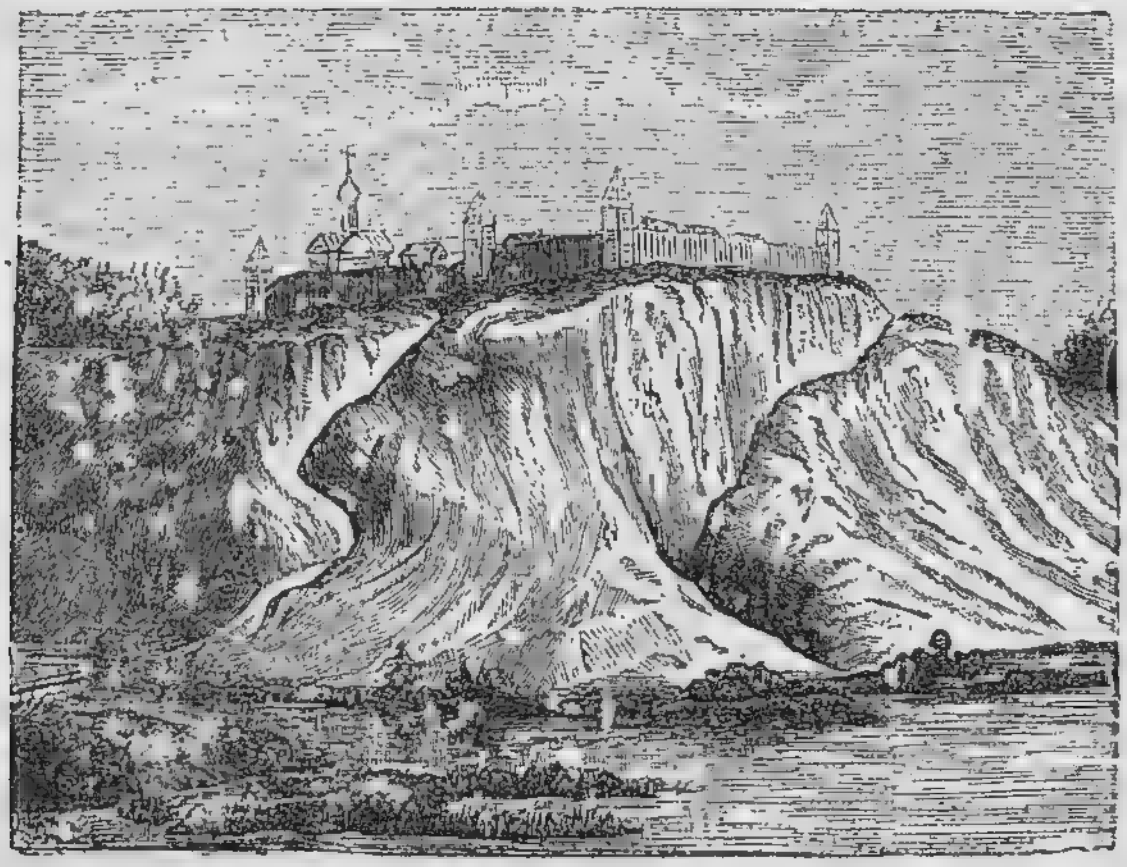
Сперва татары появились в южно-русских степях, а потом двинулись целой ордой сначала на Рязань, а затем в Ростово-Суздальский край. Опустошив города этого края, они двинулись на Новгород, но новгородцев спасли их болота и разлившиеся реки. Так и не добрались татары до Новгорода; повернули обратно на Волгу и в южные степи. Там они расположились надолго. Больше двухсот лет брали они дань со всей русской земли, пользуясь ее слабостью и тем, что князья по прежнему ссорились друг с другом. Сначала татары посылали за данью своих сборщиков—баскаков, а потом князья русские стали сами отвозить в «Золотую Орду», как называлось татарское царство, дань, собранную с русских земель.

22. Возвышение Москвы. Иван Калита.

Распалась Русь на мелкие уделы, и жизнь в ней совсем измельчала: каждый думал только о себе, о своей личной выгоде. Приднепровье совсем запустело, разоренное княжескими усобицами, набегами татар, прекращением связи с образованной и богатой Византией. Стольным городом со времени Андрея Боголюбского, Мономахова внука, стал Владимир. Андрей его украсил каменными храмами, жил там постоянно, не давая там усилиться вечу. Хотел быть «самовластцем», как говорит летописец. Но после татарского разгрома захирел и Владимир. Казалось, совсем заглохла жизнь: принижены города, растеклась она по усадьбам, деревням,—культура стала не городской, а деревенской. Само сельское хозяйство велось при этом плохо. Уж нельзя было, как прежде, вольно захватывать все новые и новые земли, но пахали один участок по нескольку лет без удобрения. Когда выпахивали совсем, то оставляли его отдыхать и перекладывали пашню на другое поле. Такое плохое, отсталое хозяйство называется «переложным» или просто «перелогом». И все-таки жизнь понемногу стала меняться к лучшему. Опять стала усиливаться хозяйственная связь между разными областями—стали люди обмениваться своими товарами. Новгородские купцы приезжали в Суздальский край за хлебом и обменивали его на свои товары, полученные от немцев: металлические вещи, сукна, вина. От торговли стали опять богатеть города, стали в них селиться мастера всякие «хитрые», т.-е. умелые ремесленники. Пригородные деревни посылали в города хлеб и всякие сельские продукты, а сами получали: серпы, косы, топоры, иголки. Бояре из вотчин своих свозили хлеб и другие продукты и меняли их на предметы роскоши. Обмен товарами скорее всего людей связывает. Стали русские купцы ездить даже и к татарам в Орду со своими товарами и оттуда вывозить всякие восточные вещи, которые к татарам привозили персидские купцы. Так и пошел опять круговорот: сделана вещь где-нибудь за далекими морями, хоть какая-нибудь шаль восточная, а носит ее боярышня в суздальской вотчине. Или пьют в Москве на пиру, на свадьбе княжеской вино заморское, приготовленное где-нибудь недалеко от нынешнего Парижа, который и тогда уже был большим городом.

Москва в ту пору была, наоборот, еще совсем молодая. Стала она городом только к концу двенадцатого века. Была она тогда такая крохотная, что даже та маленькая старинная церковка «Спаса на Бору», что теперь стоит в Кремле, находилась за городом, в лесу, на что и указывает ее название.

Но Кремль и тогда уже был. Города и начинали тогда строить с кремля, с крепости, потому что кругом была война. При случае всякий готов был подраться. Разрослась Москва очень быстро, потому что лежала она на торговых путях, на перекрестке дорог из Владимира, из Новгорода, из Чернигова и Смо-



Древний Московский Кремль.

ленска. Москва-река была тогда гораздо многоводнее, потому что не вырублены стояли леса кругом. По Москве-реке и по Яузе плыли торговые суда с товарами, платили с каждой ладьи два алтына, с каждого струга по алтыну в казну московского князя. Собирали эти деньги—«мыт» княжеские мытники. Под стенами Кремля, по берегу Москвы-реки, раскинулся торг: приезжают сюда крестьяне со своими деревенскими товарами, выносят посадские ремесленники свои изделия: сапоги, рукавицы и другие нужные вещи. Заезжие купцы, останавливаясь на торгу, должны платить московскому князю особую пошлину за право у него торговать. Со всего этого богател московский князь. Да и не только с этого. Московские князья были млад-

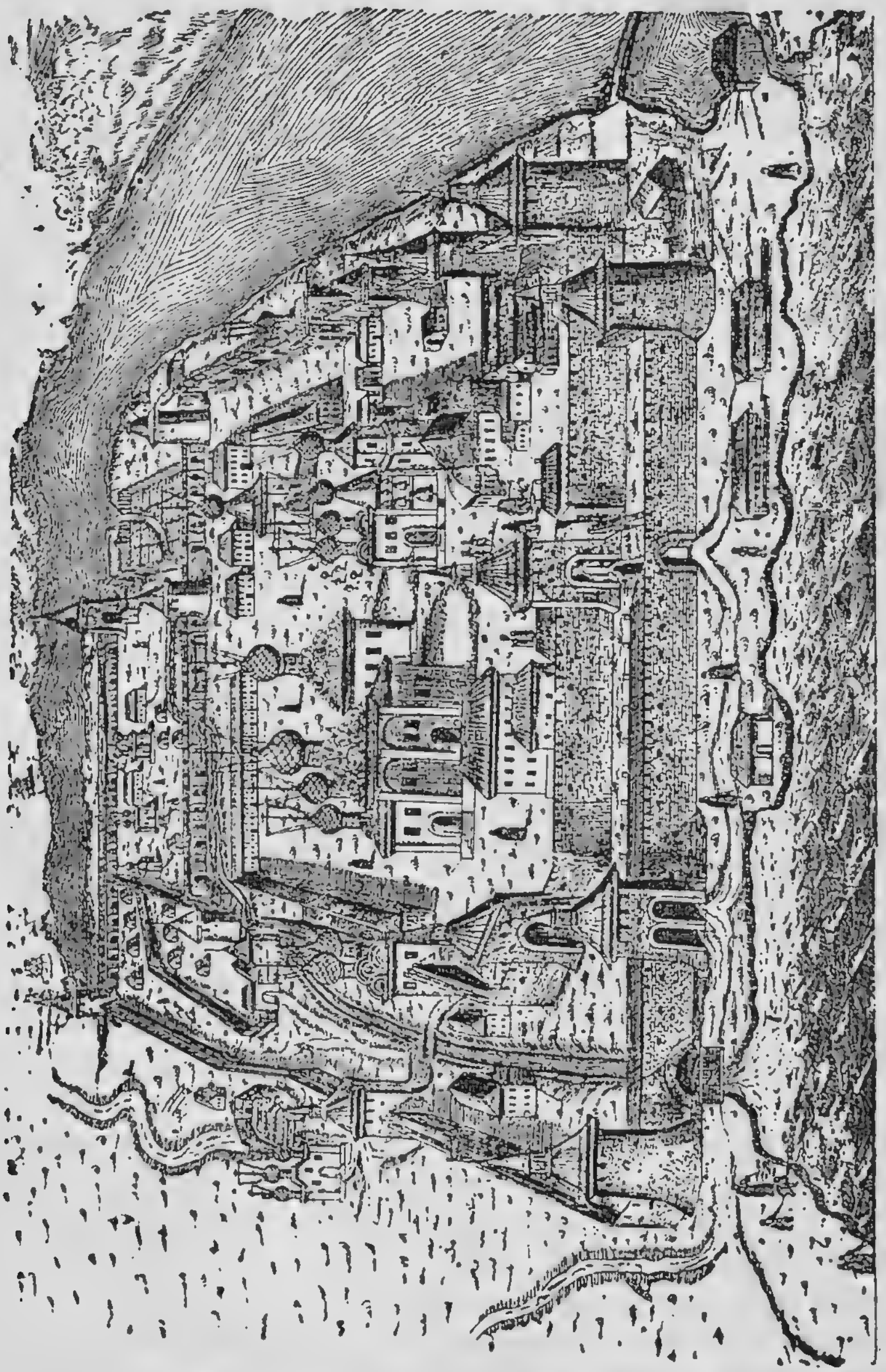
шими в роду Мономаховичей, между которыми поделен был Суздальский край, но зато самыми ловкими, умелыми хозяевами, добытчиками. Умели они себе «примыслить» сел и городов: добыть всеми правдами и неправдами, где прикупить, где силой отнять чужой удел. И из всех московских князей самым большим стяжателем был Иван Калита, что значит «денежный мешок». Прозван он был так за свою любовь к деньгам. Ради наживы этот князь ни перед чем не останавливался. Ездил к татарам в Золотую Орду на поклон с подарками и там старался оклеветать других князей, своих соперников, отнять у них с помощью татар их удел в свою пользу. Пользовался Иван Калита и церковным проклятием против неугодных ему князей, не брезговал и таким средством—благо, митрополиты жили с ним в большой дружбе и даже перебрался, наконец, митрополит всей Руси из Владимира в Москву. Всякими льготами привлекал к себе в Московское княжество Калита и простых крестьян, и бояр. В его владениях людям жилось спокойно: он наводил полчища татар на другие земли, особенно на Тверь, из вражды к тверскому князю, которого, по наущению Калиты, татары и убили; зато на землях Ивана Калиты не трогали татары ни одного поселка, не обидели ни одного смерда-крестьянина.

От Калиты тоже осталось завещание, но не похоже оно на «Поучение» Мономаха. Хотя жил Калита двести лет спустя, но Мономах был выше, просвещеннее. В завещании Калиты говорится о том, кому из сыновей своих завещает он тот или другой русский город, и раздает он города так же, как и пояса золотые, и чаши, и цепи. Вот по этому сохранившемуся завещанию и можем мы судить о том, как относился вотчинный князь четырнадцатого века к своему княжеству. Он смотрел на него, как на полную свою собственность, такую же, как цепи, чаши, пояса, кафтаны. И еще по духовным завещаниям Ивана Калиты можем мы судить, сколько он успел примыслить городов и сел, сколько скопил драгоценностей.

23. Хозяйство монастырское. Рост монастырского землевладения.

Не на одних только землях московского князя пользовались люди спокойствием и безопасностью. Еще большей неприкосно-

венностью пользовались при татарах монастыри и все земли монастырские, митрополичьи, церковные.



Кириллово-Белозерский монастырь. (С гравюры 1720 г.).

Вот какой ярлык (охранную грамоту) дал татарский хан митрополиту Петру, другу Ивана Калиты: «Да никтоже не

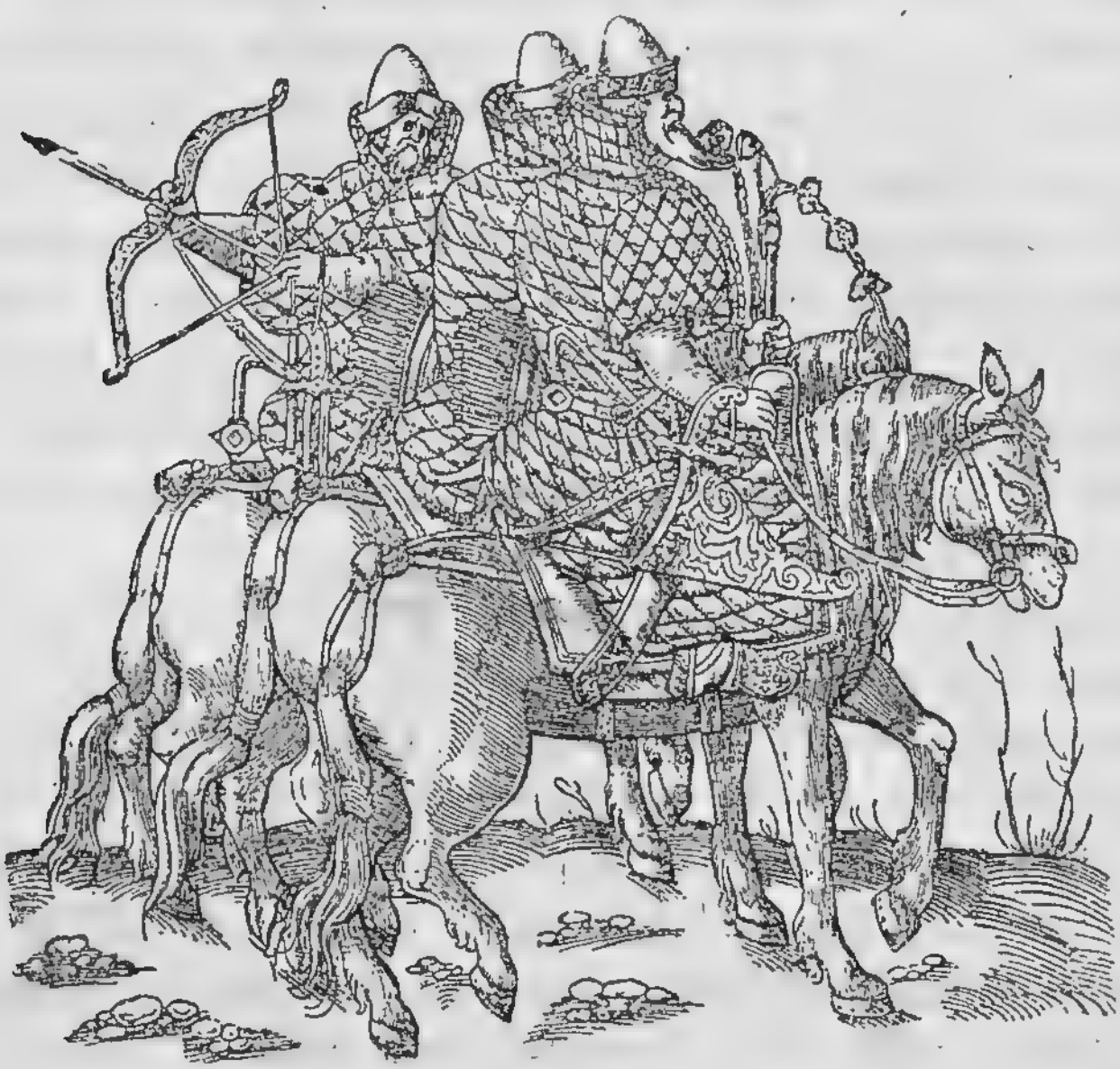
обидит на Руси соборную церковь, митрополита Петра и его людей и церковных его, да никто же взимает ни стяжаний, ни имений, ни людей... Да вси покоряются и повинуются митрополиту, вся его церковные причты, по первым изначала законам их... Да не вступается в церковное и митрополичье никтоже, занеже то Божие все суть, а кто вступится, а наш ярляк преслушает... от нас казнь ему будет смертная»...

С монастырских и митрополичьих земель нельзя было брать татарам и ратных людей для своих походов. Конечно, такие права и преимущества делали пребывание на монастырских землях очень заманчивым. И мы видим, что монастырские владения все растут и ширятся, манят к себе новых смердов-переселенцев. Конечно, некоторые монастыри, особенно глухие, дальние возникали трудом иноков, искавших «пустынного» жительства, уходивших от мирской суеты. Но эта мирская суета настигала их очень скоро и в лесных дебрях. Богомольцы, прослышав о таком пустынножителе, стекались к нему, устраивали кругом свои жилища, расчищали лес, заводили пашню— и появлялся новый монастырь. Князь жертвовал такому монастырю от себя села и угодья, чтобы монахи молились за него и при жизни и после смерти. Укоренилось тогда такое поверье, что только монашеская молитва спасает человека. Монахи очень ловко пользовались этим поверием и обращали его в свою пользу: богатели и расширяли свои владения. И не только от щедрот княжеских и боярских богатели монахи,—не задумывались они, не брезговали и прихватить себе чужую крестьянскую землю. Конечно, бедняку-крестьянину не тягаться было с богатым монастырем, которому и князья, и бояре мирволили. Много сохранилось жалоб, «челобитных» крестьянских на притеснения монастырей. Доходило дело до самосуда: не найдя защиты и управы на монахов-грабителей, крестьяне сами расправлялись—убивали их и сжигали монастырь.

Монастырям по церковному закону не полагалось иметь рабов-холопов, но они обходили этот закон, набирали себе в вечные слуги сирот, бобылей бездомных и под названием монастырских «детенышей» селили их подле монастыря, обрабатывали их даровым трудом свои монастырские вотчины, а с этого еще больше богатели.

24. Собирание земли и власти Москвою. Иван III.

Не у нас только на Руси раздробилась земля, распалась на вотчины. То же самое было и в других странах. У нынешних французов, у немцев и у других народов Европы тоже не сразу образовались большие государства, а вначале была раздроблена земля между отдельными владельцами, жившими по своим родовым имениям в укрепленных замках, окруженных стенами и рвом.



Русские всадники в тегилях и шапках бумажных.
С рисунка в книге Герберштейна, нач. XVI в.

Там замки строились по той же причине, как и у нас, потому что жизнь была неспокойная: кругом шла война и драка. Но современем и там, в Европе, тоже жизнь стала понемногу меняться, разрослись города, расширилась торговля; стали люди торговать с далекими странами. Купцы от торговли богатели, строили себе в городах хорошие дома, давали работу всяким мастерам, ремесленникам, жившим в городах. Города не только богатели, они становились рассадниками просвещения: там писались, а потом и печатались книги, открывались школы, театры, музеи.

Россия в просвещении поотстала от европейских стран, потому что она страна земледельческая, в ней и сейчас больше всего крестьян, а в те времена, о которых мы говорим, т.-е. в пятнадцатом веке, городов было еще гораздо меньше, чем теперь. Но все-таки города уже начали расти и богатеть, в особенности выросла и разбогатела Москва.

В половине пятнадцатого века московские владения были в тридцать раз больше того, чем владел Иван Калита. И уже не только силой, хитростью и прикупкой земель богател московский князь: многие мелкие удельные князья добровольно присоединяли свои уделы к его владениям, а сами поступали к нему на службу: во время походов являлись «конно, людно и оружно», т.-е. на конях и со своей вооруженной свитой и челядью и в своем собственном вооружении. За все это князь московский принимал их с почетом и оставлял им их уделы, как вотчины. Такие удельные князья при дворе московского князя стали называться «княжатами». Так вот всеми путями и прибирали московские князья к рукам все русские земли.

Собирание земли закончилось при Иване III и его сыне Василии. Иван III уже почувствовал себя настолько сильным, что перестал платить дань татарам. К этому времени «Золотая Орда» распалась, от нее отделились ханства Казанское и Крымское. Но все же татарский хан, владетель «Золотой Орды», не захотел стерпеть неповиновение Ивана III, пошел на него походом. Встретились две рати—московская и татарская на речке Угре в 1480 году, постояли друг перед другом на разных берегах реки и не решились начать бой. Несколько месяцев так стояли; но настала зима, и увел хан свои полчища. Так кончилось владычество татар, хотя разбойничьи нападения на русские земли, прилегавшие к степи, на русские окраины—«украйны», продолжались еще очень долго, целых двести лет.

Иван III, собирая под свою руку все русские земли, должен был столкнуться с богатым и вольным Новгородом. Огромные новгородские владения охватывали с севера, востока и запада полукольцом земли московского князя. Ведь Новгороду принадлежал вятский, пермский край; побережье Белого моря; мурманский берег Ледовитого океана; Озерная область (Обонежская пятина); нынешняя Петроградская губерния (Водь-

ская пятина). Этот северный край был не так густо заселен, как московские земли, но он был несметно богат пушным зверем, птицей, рыбой, дикими пчелами. Давно уже смотрели с завистью московские князья на все эти богатства и стремились подчинить себе Новгород, завладеть его землями. Новгород не мог управлять хорошо такими огромными владениями, тем более, что внутри все время шла борьба между богатыми боярами—«вящими людьми» и «черным людом»—беднотой.

Когда Иван III пошел походом на Новгород, с ним вместе шли уже и вятские полки и Псков, называвшийся тогда «младшим братом Великого Новгорода». Но хуже всего для новгородцев при их столкновениях с Москвой было то, что московский князь сейчас же приостанавливал подвоз хлеба из своих владений, и в Новгороде начинался голод. Все это и решило судьбу вольного города: Иван III дважды ходил против него походом и, наконец, завладел им и присоединил к Москве. Отменено было вече; вечевой колокол, созывавший новгородцев, был снят и увезен в Москву. Потом расправился Иван III с непокорными боярами новгородскими, вывел их из новгородских земель в свои московские владения, а их земли роздал своим боярам и, в угоду купцам московским, закрыл в Новгороде торговый двор. Один Псков оставался неприсоединенным к Москве, но только потому, что не выходил из повиновения у московского князя, который уже называл себя «великим князем всея Руси».

Иван III и держаться стал соответственно своему новому титулу: окружил себя большой пышностью; овдовев, женился вторым браком на греческой царевне Софье. По жене он стал считать себя преемником власти византийских императоров, род которых пресекся к этому времени, и сама Византия взята была турками. Софья приехала в Москву уже из Италии и привезла с собой свиту из греков. Приехали с нею и итальянцы. Греки, приехавшие в Москву, старались всячески льстить Ивану III, писали о том, что власть его от Бога, что все поэтому должны ему повиноваться. Даже герб греческий—двуглавого орла переняла Москва у греков.

Увеличив свою власть и богатство, стал великий князь украшать московский Кремль. Для этого выписал он иноземных мастеров, которых москвичи называли мастерами «фряж-

скими» (франкскими). Эти мастера обнесли Кремль новыми каменными стенами и башнями итальянского образца, перестроили заново кремлевские соборы, выстроили Грановитую палату.

Появились в Москве не только мастера иноземные, появились и послы европейских стран. Послов этих принимали по особому чину. Приезжавшие с посольством иностранцы оставили свои записки о Московии, которая их поражала своим богатством, но вместе с тем и своей некультурностью.

Конечно, страна вся в целом жила прежней жизнью: большую часть населения составляли крестьяне по деревням и посадский черный люд по городам. Вся масса населения была безграмотна даже и священников приходилось поставлять безграмотных, заучивших службу наизусть, с голоса.

Иностранные товары по-прежнему покупали только богатые бояре, купцы, епископы, а вся страна продолжала добывать себе все необходимое натурой: со своего поля ела хлеб, со своего огорода овощи и одежду носили из своего льна, из шерсти своих домашних овец.

И все же понемногу, хотя и очень медленно, в торговлю втягивается и черный люд: множатся торжки и ярмарки, скупщики-купцы закупают по деревням холсты и деревянные изделия, приготовленные крестьянами в зимнее время у себя же в избах. Городские ремесленники не только выменивают свои изделия на хлеб, но продают их на торгу за деньги. Деньги начинают понемногу распространяться шире, чем прежде.

25. Московское боярство и служилые дворяне.

Чем обширнее становились владения московского государства, чем труднее было охранять границу, которая все больше и больше растягивалась. Отовсюду можно было ждать нападения: татары нападали на степную «украйну»; с запада нападали немцы, литовцы, шведы. Для того, чтобы стеречь границу, нужно было много войска. Но такого постоянного, обученного войска, какое имеется теперь у нас и во всех странах, на Руси тогда не было. К началу шестнадцатого века войско состояло из служилых бояр, которые, как мы уже говорили, являлись по призыву великого князя «конно, людно и оружно» и отпра-

влялись вместе с ним в поход. Многие из этих бояр были прежде сами удельными князьями. Но, кроме бояр, были и другие служилые люди, называвшиеся «дворянами». Их набирали из разного люда, годного для военного, «ратного» дела. За их участие в походах и за охрану границы они получали плату землями, с которых они должны были прокормить себя и семью и завести себе ратное снаряжение и коня. Князь расселял этих дворян на всех землях, какие захватывал в свое распоряжение, как тогда говорили «испомещал», и потому земли эти, данные служилым дворянам, и назывались — «поместьями». Их не следует смешивать с землями родовыми, «вотчинными», о которых у нас была уже беседа. Вотчинными землями владели наследственно, получали их от отцов, потому и название — «вотчина» или отчина, а поместье жаловал князь за службу и отбирал, если дворянин нес службу неисправно; или наоборот, за военные заслуги, менял поместье поплоше на лучшее, более доходное, расположенное ближе к Москве. На чью же службу мог великий князь вернее рассчитывать: на службу ли родовитых бояр, еще не забывших того времени, когда они или их отцы сами были владетельными, удельными князьями, или на службу тех дворян, которых служба выводила в люди, давала им возможность отличиться, выслужиться, получить получше поместье? Конечно, на дворян великий князь скорее мог опереться, в особенности, когда он задумал сломить боярскую спесь, заставить бояр забыть их прежнюю силу и власть.

Шлемы-мистюрки и прильбицы (XIV—XVII в.в.).

А бояре не только кичились своей родовитостью, они спорили друг с другом, кто знатнее и родовитее. О знатности родов боярских велись особые книги и со степенью знатности приходилось считаться при назначении боярина на ту или иную должность. Даже на пиру у князя бояре рассаживались в порядке своей родовитости, своего старшинства. И тут тоже не обходилось дело без спора. Иногда боярин отказывался сидеть ниже своего соседа и доходило до того, что упрямца силой сажали по приказу князя за обеденный стол. Он же бранил в это время всячески своего соседа и зачастую доводил дело до того, что его выволакивали прочь из обеденной палаты. Сейчас нам кажется очень странной такая несговорчивость, ведь за нее иногда жестоко платились княжеской немилостью—«опалой» и все-таки не соглашались на умаление своего рода. В чем же было дело? Да именно в том, что умалялся весь род: если боярин соглашался занять должность или даже сесть за стол ниже своего соперника, менее родовитого, то тем самым он наносил ущерб—«потерьку» всему своему роду. Уж и сын его становился младше сына обидчика.

Теперь посмотрим, как же этот обычай «местничества», спора из-за мест, должен был отражаться на делах военных? Конечно, очень плохо: ведь самый родовитый боярин мог быть самым неспособным, неумным, а должен был занимать самое высокое, значит, и самое ответственное место. В походе он должен был командовать самым главным полком и мог, значит, по своей неспособности все дело портить. То же и при управлении областями, куда назначались бояре наместниками князя. Родовитый боярин зачастую был алчным, кичливым и жестоким правителем, народ терпел от него притеснения и занимал он место не по заслугам, а только за знатность рода. От обычая считаться со знатностью рода терпел не только народ—это было помехой и для великого князя. Со знатными боярами начал борьбу еще Иван III, но самым крутым образом расправлялся с ними внук его—Иван IV, прозванный за это «Грозным».

26. Борьба Ивана Грозного с боярством.

Не одними только доходами со своих огромных вотчин богатели бояре. Они получали от князя области и города в «кормление». Из самого слова видно, что за управление областью

боярин получал не жалованье от князя, а право кормиться, т.-е. получать натурой все, что требуется для него и его мелких служащих—«подьячих». Требовалось для такого боярина очень много. Когда мы теперь читаем по старым документам, что собиралось с населения: хлебом, мясом, рыбой, салом и всякой другой снедью, нам это кажется невероятным. Но «кормиться» боярину в московские времена не значило питаться, а—богатеть, наживаться, даже разоряя население своей алчностью.

Особенное раздолье было боярам, когда стали они, за малолетством князя Ивана IV, осиротевшего малым ребенком, править всей страной и расхватывать себе на «корм» самые доходные области. Обидам и притеснениям не было границ.

Из-за доходных мест княжата и бояре между собой перессорились: убивали друг друга и сажали своих противников по тюрьмам. Вся эта драка шла на глазах у подраставшего Ивана. На ребенка никто не обращал внимания, даже не заботились о том, чтобы во-время его накормить. Сцены жестокой расправы с его родственниками происходили у него на глазах. Все это сделало ребенка скрытным, озлобленным, жестоким. Но от природы Иван был способный: ученье ему давалось легко и он рано пристрастился к чтению. И в книгах, главным образом, духовных, он вычитывал про царскую власть, про ее божественное происхождение.

На семнадцатом году Иван, неожиданно для бояр, объявил себя совершеннолетним и потребовал, чтобы его венчали на царство. Он уже стал называться не великим князем, а царем (от латинского слова «цесарь»). Сразу стал молодой царь приближать к себе людей незнатных и недоверчиво относиться к боярам. Население со всех сторон слало царю жалобы на бояр-кормленщиков, на их нестерпимые поборы, доводившие местами народ до открытых столкновений с притеснителями. Дело кончилось народным бунтом, вспыхнувшим в Москве летом 1547 года, через несколько месяцев после коронации. Начался бунт с пожара, истребившего почти все деревянные постройки столицы. В поджоге народ обвинял бояр и жестоко расправился с теми, кого особенно ненавидели за притесненья. Молодого царя все это заставило обратить внимание на поступки бояр, раздражавших народ. Хотя зачинщики бунта были казнены, но Иван в то

же время приступил к таким мерам, которыми он хотел ослабить боярство: по челобитным (прошениям) с мест стал он разрешать выбирать от населения «губных старост», которым поручался суд и поимка разбойников, чем прежде ведали бояре-кормленщики. Губных старост хотя выбирали все жители уезда, даже и крестьяне, но должны были выбирать непременно из служилых людей, из поместных дворян, о которых мы уже говорили в прошлой беседе. На этих служилых людей и опирался Иван Грозный в течение всего своего царствования в своей борьбе с родовитым вотчинным боярством. Он отнимал у бояр их вотчины, выселял их в отдаленные области, а их родовые земли отдавал служилым дворянам. Зачем же он это делал? Конечно, затем, чтобы убрать родовитого князя боярина из тех мест, где он прежде по своим предкам считался государем. Иван Грозный, казня бояр, вместе с ними истреблял и черный люд, попадавший под руки его палачам. Казнено и перебито было столько, что и сам царь, имевший обыкновение записывать на поминание за упокой свои жертвы, не мог всех перечислить и писал «имена же их ты, Господи, веси». Особенно жестокой была расправа с Новгородом, где погибло до полуторы тысячи человек.

27. Торговля с иноземцами.

Хотя русские люди в шестнадцатом веке смотрели на иноземцев, как на поганых еретиков, и общение с ними считали грехом, но все же мастеров иностранных: врачей, архитекторов, знатоков горного дела, выписывали из разных стран. При Грозном для жительства иноземцам был уже отведен целый пригород Москвы, называвшийся «Немецкой слободой». Сам Грозный, человек умный и для своего времени образованный, всеми силами стремился завязать торговые сношения с Европой; он знал, что Европа мастерством опередила его страну и что мастеров и товары оттуда можно получать такие, каких в Москве нет. Поэтому он очень обрадовался, когда к берегам Белого моря бурей прибило английский корабль с разными товарами. Капитана Чанслера царь пригласил в Москву, принял очень приветливо, разрешил беспошлинно торговать по всем городам. После этого в Англии возникла торговая компания для торговли с Москвой. Члены этой торговой компании старались хорошо ознакомиться

со всеми порядками Московии: составляли записи об ее городах, о торговле, о хозяйстве вообще. Сам Чанслер тоже оставил записки о Московском государстве. По этим запискам можно судить, что больше всего поражало иноземцев у нас на Руси. Их поражало природное богатство страны, склонность русских людей к торговле, обилие торжков и множество лавок в торговых рядах Москвы. Поражала их также выносливость русского войска: ратные люди обходились в походе одним толокном, спали без палаток. Не с одними англичанами торговала Москва, привозили свои товары и голландцы, и немцы, и даже персидские купцы привозили с Востока ковры, шелка, жемчуг, бирюзу.

Бочки с порохом под стенами осажденной крепости по старому рисунку.

Но торговле с Востоком мешали татарские города на Волге — Казань и Астрахань. Иван Грозный завоевал Казань; взял этот укрепленный город при помощи подкопов, взорвав порохом часть стены. Тут впервые был пущен в подрывное дело порох, заимствованный русскими от иноземцев. Это новшество так поразило народное воображение, что в былине про взятие Казани Грозным говорится о бочках с порохом и о «пушкарях». Вскоре Астрахань тоже была взята и по Волге беспрепятственно стали плавать русские и иноземные купцы с товарами из далеких восточных стран.

Но сношения с Западом, с Европой, были все-таки важнее, и Грозный, по примеру своего деда Ивана III, стремился утвердиться на берегах Балтийского моря. Но, чтобы пробиться к удобным портам, ему пришлось вести войну со шведами и немцами, ливонскими рыцарями, которые утвердились на этих

берегах еще с тринадцатого века и всегда старались не пропускать русских людей в Европу, чтобы не выпустить из рук выгодную торговлю с Москвой и Новгородом.

Война за Ливонию тянулась двадцать четыре года, стоила Московскому государству страшных жертв людьми и деньгами и кончилась неудачей, хотя в начале войны сам Грозный и его воеводы взяли много немецких городов в Ливонии и между ними портовый город Нарву. В этот портовый город стало стекаться столько иноземных купцов с товарами, что товары им приходилось продавать наперебой друг перед другом по очень низким ценам. А вообще-то иноземные купцы старались держать высокие цены на свои товары, ради этого и добивались для себя привилегий, т.-е. права торговать без соперников, без конкуренции, как мы теперь говорим. Через Нарву и русские купцы могли плыть в другие страны за товарами и продавать там русское сырье, т.-е. кожи, сало, меха. Но недолго владели русские ливонскими городами: в войну вступились поляки, вторглись в русские области; отняли Полоцк, осадили Псков, и пришлось Грозному заключить мир, по которому отошла вся Ливония, из-за которой он столько лет воевал. Через год заключил он мир со шведами, которые к этому времени отняли у русских берега Финского залива (Водьскую пятину Великого Новгорода).

Удобный морской выход для иноземной торговли был снова потерян, вернула его себе Россия только через сто сорок лет.

Грозный умер спустя год, оставив после себя слабого и неспособного сына Федора, так как старшего своего сына Ивана он убил собственноручно в пылу гнева. Но в былине, которая об этом сложилась, царевич, вопреки действительности, остается жив. Эта былина и другие народные предания показывают нам, что народ сохранил о Грозном лучшую память, чем образованные его современники—бояре и духовенство. Но ведь и сам Грозный опалялся, налагал «опалу» на бояр и на духовенство за их стремление восстановить старые удельные порядки и умалить самодержавную власть, за которую Грозный так крепко держался.

28. Смутное время.

В прошлой беседе мы уже говорили о том, что иноземцев, посетивших Московское государство в шестнадцатом веке, поразило обилие торжков по всей стране и торговые ряды в самой Москве. Москва в ту пору была уже узлом торговых гужевых путей, расходившихся от нее лучами во все стороны. Англичане в своих записках о Москве рассказывают, что из одного Ярославского края ежедневно двигалось по гужевой дороге на Москву до восьмисот возов с хлебом в зерне. Уже это нам показывает, какая шла бойкая торговля хлебом. Зимой на льду Москвы-реки шел торг мясом, стояли на льду замороженные туши в огромном количестве.

Все это бросилось в глаза иностранцам. Значит, торговля сильно развилась в шестнадцатом веке и не только торговля с иностранцами, о которой мы говорили в прошлой беседе, но и торговля внутренняя. Появились и деньги в гораздо большем количестве, чем раньше. Многие платежи, вносившиеся прежде продуктами—«натурой», стали взыскиваться деньгами. Казна стала брать с населения деньги на порох, на выкуп пленных и на другие расходы. Богатые купцы и крупные землевладельцы, богатевшие от торговли хлебом, могли платить, но с чего же было платить крестьянам? С чего было им богатеть? Им, конечно богатеть было не с чего. Их трудом богатели другие, значит, трудиться им приходилось больше прежнего, а богатства взять было неоткуда. Ведь работали крестьяне не на своей земле: все свободные земли давно были захвачены монастырями, казной и помещиками, которым казна за военную и вообще за всякую государеву службу раздавала земли. Крестьяне за пользование землей должны были платить оброк или отрабатывать помещику. Должны были заработать и на подать казне.

Так как крестьянам и приступиться к работе было не с чем: у них не было ни орудий, ни семян, ни хлеба, чтобы прокормить семью до нового урожая, то приходилось им одолжаться у помещика или у монастыря, на земле которого они поселялись работать. За такую «подмогу» крестьянин подряжался отработать или заплатить. Платить приходилось с процентами, а проценты насчитывались высокие—трудно было крестьянину распла-

титься; не расплатясь, не мог он перейти к другому помещику. Богатые помещики все-таки сманивали к себе крестьян: сами за них уплачивали старые долги да проценты и записывали все это снова за ними в долг. Таким образом, крестьянин, и переезжая на новое место, только менял заимодавца, а от платежей не избавлялся, и проценты все росли и все больше закабаляли. Если невтерпежь становилось крестьянину платить долги и налоги, бросал он арендованный участок и тайком бежал на степную украйну, где можно было еще захватывать вольные земли, или просто воевать с татарами, с турками вольным «казаком». Туда же бежали и холопы, недовольные своими слишком строгими владельцами.

Холопам от роста торговли тоже становилось не лучше, а хуже. Могли ли они принимать участие в торговле? Конечно, нет. Торговали купцы, бояре, монастыри, вообще, все крупные землевладельцы, у которых был избыток хлеба на продажу, а холопы должны были даром подневольно работать на своих владельцев, и если те им и поручали торговать, то только как приказчикам, а барыши-то брали себе хозяева. Холопий труд стал тяжелее с ростом «денежного» хозяйства, т.-е. такого хозяйства, когда уже многое покупается и продается за деньги. Почему же? Да потому, что их владельцам стало выгодно сеять как можно больше хлеба, разводить скот, раз все продукты сельского хозяйства находили себе сбыт в разбогатевших городах.

Прежде холопы и крестьяне должны были прокормить только самого землевладельца и его семью, а с ростом торговли надо было наработать еще и на продажу. Сеет хлеб холоп на барской пашне, жнет, молотит, а зерно отвозит в Москву или на ярмарку в Нижний-Новгород. Работать его заставляют все больше и больше, чтобы росли хозяйские барыши.

От непосильной работы, от чрезмерной «эксплоатации», как мы теперь говорим, и бежали холопы от своих господ в степи, пополняли ряды вольного казачества.

Не одним холопам и крестьянам становилось трудно с ростом торговли и вообще с ростом государства. Мы уже выяснили в прошлой беседе, какой дорогой ценой покупал Иван Грозный расширение иноземной торговли: двадцать четыре года войны за ливонские города, за порты торговые на Балтийском море.

Служилое дворянство все это время было оторвано от своих поместий, от хозяйства. Служить приходилось поголовно всем, начиная с пятнадцати лет и до старости, до полного увечья. Конечно, на войне можно было и выслужиться и лучшее получить поместье, но хозяйством-то заниматься было некогда; с поместья дворянин норовил сорвать все, что можно, поскорее, хоть и в разор его привести, благо можно было выпросить новое. Побеги крестьян и «своз» их, сманивание богатыми боярами, было очень разорительно для мелких помещиков. Земли их, «запустошивались», лежали впусте,—некому было их обрабатывать. Помещики жаловались царю на такую помеху своему хозяйству, и царь запрещал богатым боярам и крупным помещикам сманивать крестьян у мелких. Но указы царские мало помогали, «своз» крестьян продолжался, потому что рабочих рук не хватало с ростом государства, с ростом торговли.

Как мы видим, много было недовольных в Московском государстве, хотя с виду оно росло и богатело; родовитые бояре были недовольны царем за то, что он больше мирволил служилому дворянству; служилое дворянство было недовольно тем, что монастыри и богатые бояре сманивают, «свозят» крестьян на свои земли; крестьяне не могли сносить поборы помещиков и государства, а поборы все росли. Холопы стонали, изнемогая от чрезмерной работы.

Вот от этого всеобщего недовольства и началась смута в Московском государстве в самом конце шестнадцатого века. Тут еще как раз пресеклась династия Рюриковичей. Сын Грозного, Федор Иванович, умер, не оставив потомства. Так как он был болезненный, неспособный, то за него и при жизни правил брат его жены, боярин Борис Годунов. После смерти Федора Ивановича Бориса Годунова избрали царем. Он так же, как и Грозный, дорожил больше служилым дворянством, чем родовитыми боярами, и бояре ему в отместку обвинили его в убийстве младшего сына Грозного, царевича Димитрия. Царевич, действительно, был кем-то убит еще при жизни Федора Ивановича, но кто был виновником этого убийства, так и не удалось установить.

Когда Борис Годунов уже был царем, боярин Василий Шуйский объявил, что царевич Димитрий вовсе не убит, а спасся

от убийц, подосланных Борисом, они убили подставного ребенка. Шуйский все это объявил в то время, когда действительно появился человек, называвший себя сыном Грозного—царевичем Димитрием. Кто был этот Лжедимитрий, тоже до сих пор неизвестно. Сам он, повидимому, искренно верил в то, что он сын Грозного. В России он появился во главе отряда польских войск, а также в сопровождении казаков и мелкого служилого люда, «приборных» людей, как их тогда называли.

Борис Годунов выслал войска против Лжедимитрия, но сам в это время внезапно умер. Войско перешло на сторону Лжедимитрия. Он торжественно вступил в Москву и воцарился под именем Димитрия Первого. Он процарствовал всего одиннадцать месяцев. Бояре его не взлюбили за то, что он их совершенно отдалил от престола и вообще стал проявлять полное нежелание считаться со старинными обычаями. Бояре его убили.

Царем стал Василий Шуйский [1]), тот самый, который несколько раз менял свои показания об убийстве царевича Димитрия. Шуйского поставили на царство бояре и при этом взяли с него обещанье, клятву, что он не будет с ними расправляться без суда, накладывать опалу и отбирать имущество всех родных, как это делали московские цари.

С воцареним Шуйского смута не кончилась, наоборот, она разлилась еще шире. Даже в самой Москве Шуйский чувствовал себя так неспокойно, что вынужден был запереться в Кремле: черный люд посадский не хотел верить, что царь Димитрий убит, и, собираясь толпами, грозился разгромить бояр с их боярским царем.

В других же городах против Шуйского поднялся и мелкий служилый люд, и беглые холопы. Атаманом их сделался беглый холоп Болотников. Он вел свои отряды по городам, хватал там «воевод, сажал их в темницы, грабил их дома и животы». Так описывает его поход летопись.

Царь пошел сам с большим войском против Болотникова, осадил его в Туле и, когда город сдался, расправился очень жестоко с Болотниковым и его отрядом: много людей было пото-

---

[1]) Сторонники Шуйского подстроили его избрание толпой москвичей на Красной площади, через два дня после убийства Лжедимитрия.

плено, много брошено в тюрьмы. Холопам и крестьянам после этого стало еще хуже: изданы были указы, выгодные для дворян, усилившие холопью неволю.

Но не успел царь расправиться с одним, как поднялись другие. На этот раз опять объявился новый Димитрий, но уж этот намеренно принял имя Димитрия, чтобы поднять народ. Он подступил к самой Москве, остановился в 12 верстах, раскинул лагерь в селе Тушине, почему и был прозван «тушинским вором». В тушинском лагере собралось до семидесяти тысяч человек: были там и казаки, и поляки. Самозванец почти окружил Москву своими войсками. Многие города ему передались. К нему стали переходить и знатные бояре, видя, что Шуйскому не справиться с самозванцем. Бояр он принимал и награждал из награбленной казны. В Тушине даже оказался свой патриарх—захваченный самозванцем митрополит ростовский Филарет принял сан патриарха.

Смутой поспешили воспользоваться и соседние государства: Швеция и Польша. Шведы заняли Новгород, поляки осадили Смоленск. Видя такую беду кругом, москвичи свергли Шуйского и насильно постригли его в монахи, а в Москве стали править бояре до избрания нового царя. Всего процарствовал Шуйский 4 года.

Новым царем бояре избрали сына польского короля, королевича Владислава. За ним снарядили посольство в тысячу человек. Поляки, помогавшие раньше тушинскому самозванцу, вступили в Москву по приглашению бояр-правителей, расположились даже в Кремле и стали всем распоряжаться.

А польский король уже не соглашался отпустить сына, сам хотел царствовать в Москве. Тушинский самозванец был тем временем убит своим же товарищем, как сообщает об этом летопись.

29. Конец смуты. Новая династия.

В прошлой беседе мы выяснили, что смуту вызвало тяжелое положение крестьян и холопов, вынужденных покидать родные места и уходить в казаки. Оттуда, с казацкой украины, они стремились вернуться назад и расправиться со своими притеснителями.

Мы видели, что в смутное время поместные дворяне боролись с боярами-вотчинниками. То тем, то другим удавалось выбрать своего царя, от которого они и ожидали всяких для себя преимуществ. Выбирали царей не только из русского боярства, но даже из иноземных королевичей, в расчете на то, что иноземцы, поляки и шведы, помогут справиться с казаками и беглыми холопами, с которыми сами бояре справиться не могли. Но иноземцы недаром обещали поддержку: королевич Владислав за малолетством в Москву не приезжал после своего избрания боярами и дворянами, а его отец, король польский, уже стал раздавать поместья вокруг Москвы, и даже на далеком севере, своим приближенным и русским боярам, сумевшим снискать его милость. А на севере большинство земель принадлежало еще в ту пору «черносошным» крестьянам, таким, которые платили только казне, над которыми не было еще помещиков (хлеба там сеяли мало, больше занимались промыслами). Не по душе было этому северному крепкому крестьянству попадать в руки польских вельмож и дворян. Крестьяне эти и стали ополчаться на защиту русских земель против чужеземцев.

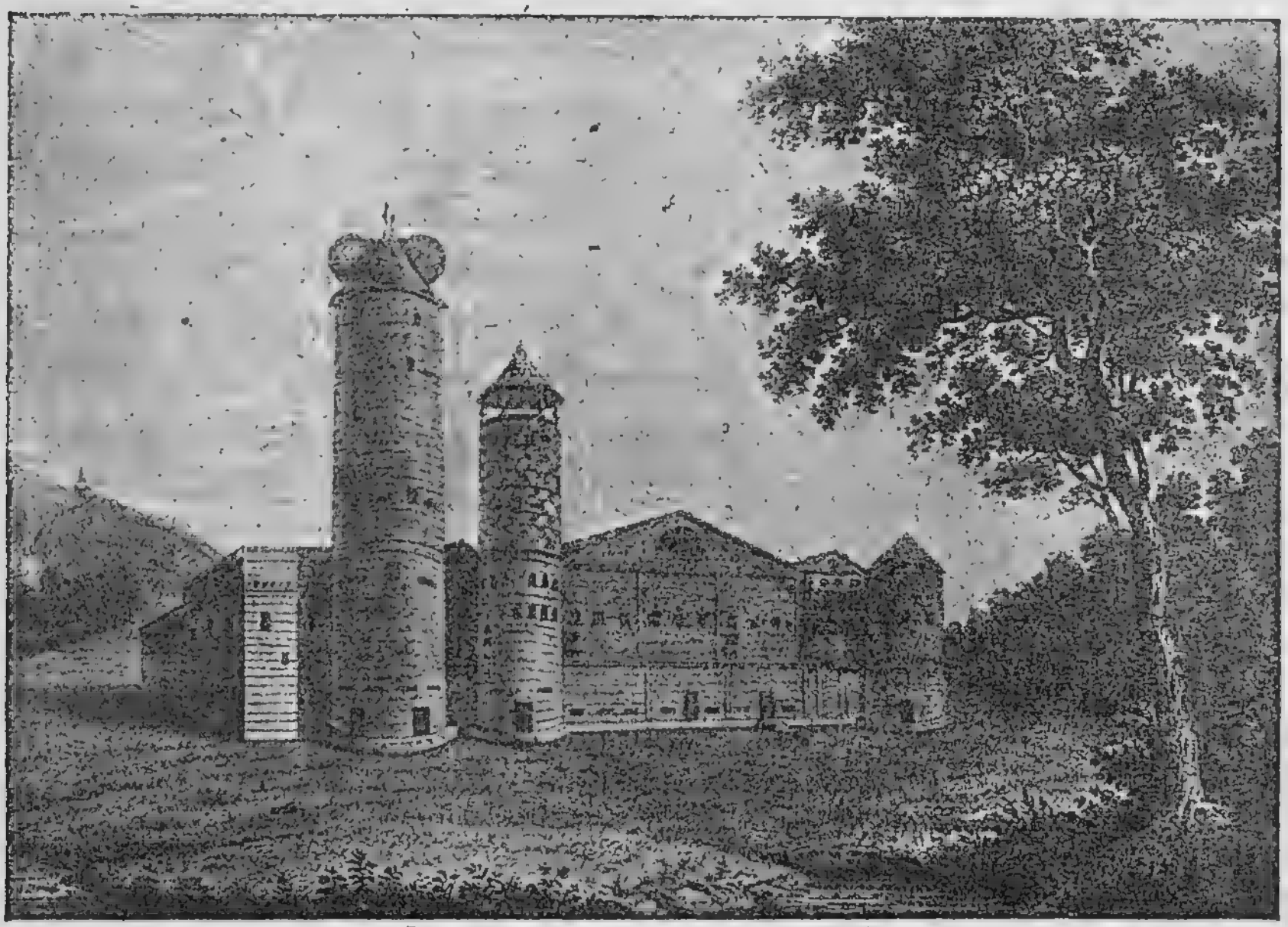
Опасны были чужеземцы и русскому купечеству, в шестнадцатом веке сильно разбогатевшему. Оно само, как мы видели при Грозном, стремилось возить свои товары за границу, променивать их там на иноземные. Купцам невыгодно было вторжение в Московию иноземцев, которые норовили захватить всю торговлю в свои руки. Потому-то купечество первое стало созывать ратных людей, нанимать их за большие деньги в свое ополчение, посланное против поляков, засевших в Москве.

Поляков из Москвы удалось выбить, в этом помогали за хорошее вознаграждение и казацкие атаманы.

После освобождения Москвы от поляков приступили к избранию нового царя. В начале 1613 года собрались в Москву представители от 50 городов. Больше всего было служилых и посадских людей, но были и представители казаков. Выбор пал на пятнадцатилетнего боярина Михаила Романова, сына патриарха Филарета, того самого, которого сделали патриархом в тушинском лагере. Сам Филарет был в Польше в плену, но казаки поддержали его сына.

Бояре согласились выбрать Михаила потому, что он был молод и очень недалек: они рассчитывали при нем влиять на дела государства в своих интересах.

Но с новой династией выдвинулись новые люди, новая знать: прежде всего, конечно, родственники царя. В большом почете было и купечество. К богатым купцам Строгановым царь, например, прямо обращался за помощью, просил их давать взаймы



Вид дома Строгановых в Сольвычегодске.

«для христианского покою и тишины: денег, хлеба, рыбы, сала, сукон и всяких товаров, что можно дать ратным людям».

Только крестьяне и холопы, вообще вся беднота, больше всего ожидавшая от смуты, ничего не выиграла. Села и деревни после всех боев стояли разоренные, сожженные, взяться за обработку земли было не с чем: поневоле приходилось брать «подмогу» у помещика или у монастыря, а потом отрабатывать с процентами.

Земли так запустели, крестьян осталось так мало, что помещики стали все больше и больше стеснять их переход. Это им удалось потому, что крестьяне из нужды сами соглашались

в своих «порядных записях» вносить такие слова: «а господину моему крепок до веку». Такими словами свободный человек сам делал себя крепостным, хотя толкала его на это нужда.

Холопий труд тоже был очень тяжел—ведь надо было поскорее исправлять разруху, причиненную смутным временем. Исправлять ее, конечно, приходилось крестьянам и холопам. Они не только не добыли себе воли, но еще пуще прежнего закабалились (Самое слово «кабала» значило на старинном русском языке—заемная запись).

А тут еще пришлось новому царю вести войну и с Польшей, и со Швецией, короли которых все еще заявляли притязания на московский престол. На войну всегда нужны большие средства, и всегда поборы казны всей тяжестью ложатся на массы, на беднейшие слои населения. Туго приходилось и мелкому посадскому люду. Горожане занимались ремеслами да мелкой торговлей и за это несли «тягло»—платили в казну много денег. А богатые помещики и духовенство селили в пригородных слободах своих крестьян и холопов, поручали им торговать, конечно, не в их пользу, а в пользу хозяев. Это делало подрыв торговле мелкого посадского люда, разоряло его. Посадские жители подавали царю челобитные или просто сами шли добровольно в холопы, чтобы вести торговлю от хозяина, помещика или монастыря, не платя за это в казну.

Дворяне, помещики несли военную службу, но от всяких податей были свободны. Этими своими военными слугами новый царь хоть и дорожил, но при нем опять стали забирать силу воеводы, наместники, с которыми так беспощадно боролся еще Грозный. Этим воеводам и крупным купцам доставались все барыши, а остальным — тяжелая работа. Восстановлены были даже «кормы» для воевод и наместников, отмененные, как мы знаем, при Грозном.

Усилилось еще при новой династии значение духовенства. После заключения перемирия с поляками в 1619 году вернулся из плена патриарх Филарет и стал как бы вторым царем при своем сыне Михаиле. По свидетельству современников, «сам царь его боялся, так он был властителен».

Михаил, процарствовав 32 года, умер в 1645 году, оставя царство своему 16-летнему сыну, Алексею Михайловичу.

30. Соборное Уложение царя Алексея.

Царь Алексей больше всего любил соколиную охоту. Вступил он ведь на престол 16-летним юношей и заниматься государственными делами ему было трудно. Управлять государством стал его воспитатель, боярин Борис Иванович Морозов. Он женил молодого царя на боярышне Марии Ильиничне Милославской, а сам женился на ее сестре и таким образом еще и породнился со своим питомцем. Отец царицы, Милославский, вместе с Морозовым стал вершать все дела. Были у них приближенные дьяки—Плещеев, Чистой.

Дьяки в ту пору были самыми образованными людьми в Московской Руси. Они учились в духовных школах, так как других школ еще не было. Но они были хорошо знакомы с летописями и разными документами, взятыми из Греции. Они хорошо знали все обычаи, все законы: были опытны в делах управления. Но вместе с тем они старались все эти знания употребить в свою пользу; пользовались народной темнотой и обижали народ взятками, всякими незаконными поборами, донимали судебной волокитой.

Плещеев и Чистой были особенно ненавистны москвичам за свою ненасытную алчность. Жалобы на них до царя не доходили, бояре не допускали челобитчиков, да и царь не интересовался делами. Раз летом, в 1648 году, во время крестного хода, в котором участвовал царь, народ попытался подать челобитную на бояр и на дьяков, но бояре, не передав ее царю, разорвали на глазах у толпы. Тогда разъяренная толпа бросилась к дому боярина Морозова и разгромила его до тла. То же сделали и с домом дьяка Чистого. Самого дьяка убили. Морозов и дьяк Плещеев спрятались от толпы в царском дворце. Народ с угрозами подступал ко дворцу, и царь вынужден был выдать Плещеева. Своего любимца, боярина Морозова, царь не выдал, упросил народ его помиловать и сослал в монастырь. Чтобы успокоить народный гнев, решено было созвать в 1649 году Земский Собор из людей всех чинов. В Москву съехались выборные от 130 городов. Отправляя их в Москву, им давали наказы, т.-е. наказывали, чего добиваться на Соборе.

Во всех наказах были жалобы на поборы воевод и дьяков с подъячими, на неправду в суде. Все жаловались также на тяжесть платежей и просили их сбавить. Но, кроме того, служилые дворяне просили прикрепить к их землям тех крестьян, которые на них работали, и запретить всем другим владеть землей и крестьянами. Посадские люди просили запретить всем другим, кроме них, заниматься ремеслом. Царь поручил князю Одоевскому с помощниками собирать все заявления, принимать их, как советы, если они оказывались подходящими. Потом были составлены новые законы и прочитаны на Земском Соборе и обнародованы под именем «Соборного Уложения».

Уложение в угоду дворянам, действительно, запретило крестьянам уходить от помещиков—сделало их «крепкими», крепостными. Но оно только узаконило то, что жизнью введено было раньше, помещики и без того уже и раньше закрепостили крестьян, пользуясь их хозяйственной беспомощностью и нуждой.

По Уложению вообще никто не смел уходить из своего тягла (своих повинностей), от своей службы. Дети от отцов наследовали тягло и службу. Установился, как мы теперь говорим, крепостной порядок, крепостной строй. В Уложении много глав было посвящено суду. Суд должен был вестись уже не так, как в древней Руси, когда пострадавшие сами приводили обидчика. Судья по Уложению сам вел розыск, собирал улики.

Наказания по Уложению были очень суровые: за многие преступления грозила смертная казнь, за многое—битье батогами на торговой площади.

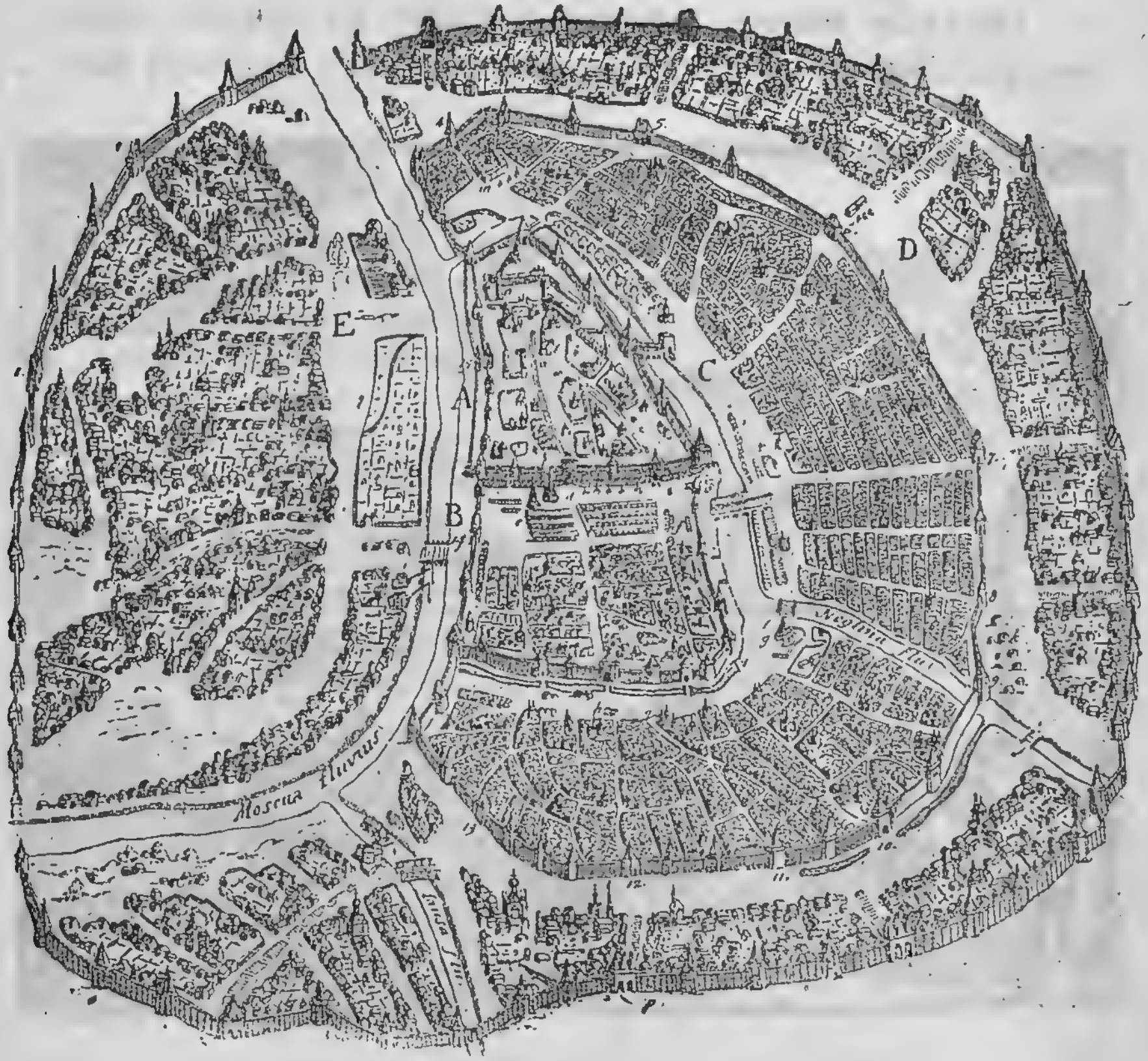
Новое Уложение не изменило, впрочем, прежних порядков: дьяки и подьячие продолжали вымогать взятки, притеснять народ, у которого оставалось одно средство борьбы—бунты и волнения.

31. Москва семнадцатого века.

Сожженная в смутное время Москва очень быстро обстроилась. Приезжим иностранцам издали она казалась необычайно живописной со своими бесчисленными церквами и теремами. А как подъедешь поближе—сплошное торжище. От торгового центра, от Красной площади, тянутся ряды. Общим счетом

до семидесяти различных рядов: иконный, шапочный, горшечный, лоскутный, сафьянный, пряничный, мясной, рыбный и др.

Торгуют все, начиная с царя и бояр и кончая уличным разносчиком. Крупные оптовые склады в Новом «Гостином»



План Москвы XVII в., по рисунку Олеария. A—Кремль, B—Китай-город, C—Белый город. D—Скородом (Земляной город). E—Замоскворечье, стрелецкие слободы.

дворе—двухэтажном каменном здании. Там лавки богатых купцов, ведущих торговлю с иноземцами. Такие богатые купцы назывались «гостями». Выезжали они за товарами в Архангельский порт, куда приставали корабли английские, голландские; привозили сукна и разные заграничные изделия, каких русские мастера еще не умели делать.

Но, кроме богатства торговой Москвы, бросались в глаза иностранцам грязь и пыль на площадях и немощеных улицах. Бросалось в глаза особенно потому, что тут же рядом, в Немецкой слободе, улицы были аккуратно вымощены, сор подметен, подле домов разбиты палисадники.

Поражало всякого приезжего в Москву, с какой пышностью выезжал боярин, особенно боярыня: возок или колымага была

Московская улица (из Олеария).

запряжена тройкой лошадей цугом, рядом и позади возка бежали холопы, оконца возка были завешены шелковой занавеской вплотную, чтобы никто не мог увидеть боярыню,—почли бы за великое бесчестье ее мужу, если бы кто увидел лицо его жены.

Переняв восточный обычай, закрывали лица и прятались только знатные и богатые женщины. Простые горожанки ходили открыто, а торговки сидели на площади, торговали и бранились не хуже мужчин.

Наблюдать уличную жизнь столицы могли только иноземные купцы, а те иностранцы, которые приезжали послами к царю, были очень стеснены бесконечными церемониями, которыми сопровождался их приезд, выезд и пребывание в Москве в особом

Лавка в городе в XVII в. по рисунку Олеария.

Посольском дворе. Прием у царя был обставлен сказочной пышностью. Царь сидел на троне; принимая иноземного посла, протягивал ему руку для поцелуя, а затем тут же, на глазах посольства, мыл руку над золотой лоханью, так как поцелуй иноверного человека считался оскверняющим. Нам теперь кажется очень невежливым такое обхождение с чужестранцами,

а тогда это никого из русских людей не удивляло—таков был придворный обычай.

Но уже сам-то царь Алексей Михайлович не считал европейцев погаными, не боялся иметь с ними дело. Он много перенял из иноземных обычаев, хотя за это его упрекало духовенство.

Царь велел даже построить театр «Комедийную храмину» и смотрел со своими близкими театральные представления, что, конечно, считалось церковными людьми делом «бесовским».

Богатые бояре жили в Москве в своих усадьбах, построенных в самом городе, обнесенных стенами. В глубине двора стоял боярский дом, сложенный из дубовых бревен: на подклети, двухэтажный, со светелками в верхнем этаже для боярышень, для всей женской половины. Двор был окружен службами: амбарами, сараями, скотным двором. Все припасы доставлялись боярину из сел, деревень его холопами и крепостными крестьянами. Зимой везли целый обоз хлеба, рыбы, птицы, поросят. Если что-нибудь казалось боярину плохим, он приказывал своему приказчику бить палками (батогами) того крестьянина, который осмелился послать плохого поросенка или гуся к столу боярскому. Конечно, приказчик, пользуясь случаем, брал с крестьян не только для барского стола, но и себя не забывал. От поборов кряхтели мужики, иногда убегали, побросав дома и животы, становились «гулящими» людьми или пробирались на вольные земли к казакам, на Дон.

Управы на богатых людей и при Алексее Михайловиче нельзя было найти, хотя слыл он царем благочестивым, богомольным: оделял по праздникам нищую братию щедрой милостынью. Был он человеком мягким и умным, но бороться с алчностью своих бояр не мог, и при нем народ, доведенный до отчаяния, подымался открытым бунтом не раз.

Летом 1662 года в самой Москве вспыхнул «денежный бунт». Дело вышло из-за медных денег, за шесть лет перед тем введенных в обиход наравне с серебряной монетой. Деньги медные казна ввела для того, чтобы покрыть расходы по войнам, которые приходилось вести и при Алексее Михайловиче с Польшей и со Швецией. Но городская молва винила бояр в том, что они чеканят монету и в свою пользу, и оттого ее появилось чересчур

много. Казна прекратила размен на серебро.. Медные деньги так подешевели, что серебряный рубль стал стоить 15 медных.

На медь никто не хотел продавать хлеб, и жителям Москвы приходилось голодать. Появились в городе листки, в которых вся вина за медные деньги взваливалась на тестя царя, боярина

Одежда москвичей XVII века по рисунку иностранца.

Милославского, и на Ртищева и «гостя» Шорина. Так как люди эти пользовались дурной славой, то народ поверил обвинениям, повалил толпами к царю в летний его дворец в село Коломенское. Когда царь вышел из церкви, где он слушал обедню, к нему подступил весь черный посадский люд, хватали его за полы одежды и в гневных выражениях требовали расправы с ненавистными боярами.

Кончилось тем, что царь приказал подоспевшим стрельцам расправиться с толпой. Расправа была такова, что пострадало семь тысяч человек. Медные деньги все-таки пришлось отменить.

32. Восстание Степана Разина.

Через Волгу и Каспийское море шла торговля Москвы с Персией, откуда вывозились шелка и самоцветные камни. Целые караваны купеческих судов спускались вниз с товарами московскими и подымались вверх с товарами восточными. Весь приволжский край быстро заселился, возникли города, раскинулись кругом дворянские усадьбы. Рабочих рук не хватало, и потому крестьянам и холопам приходилось нести непосильный труд: тяжела была крепостная неволя. На волжских пристанях скоплялось много рабочего люда—грузчиков, бурлаков, которым тоже нелегко давался кусок хлеба. Это была неспокойная голытьба, и потому неудивительно, что весь волжский народ толпами повалил к атаману Степану Разину, когда тот переправился с Дона на Волгу и стал подымать крестьян на восстание против помещиков, царских воевод, дьяков, против купцов богатых. Перед тем Разин со своими казаками грабил персидских купцов на Каспийском море и вывез оттуда много шелков и всяких драгоценностей. Слава о нем пронеслась по всей Волге. И когда он стал по волжским городам рассылать свои «прелестные» листки, как тогда назывались обращенные к народу воззвания, и прельщать холопов и крепостных крестьян волею, то перед ним не устояли волжские города. Хотя и были эти города вооружены пушками, не палили пушки против атамана, объявлявшего, что «надо, чтобы на Руси всяк всякому был равен».

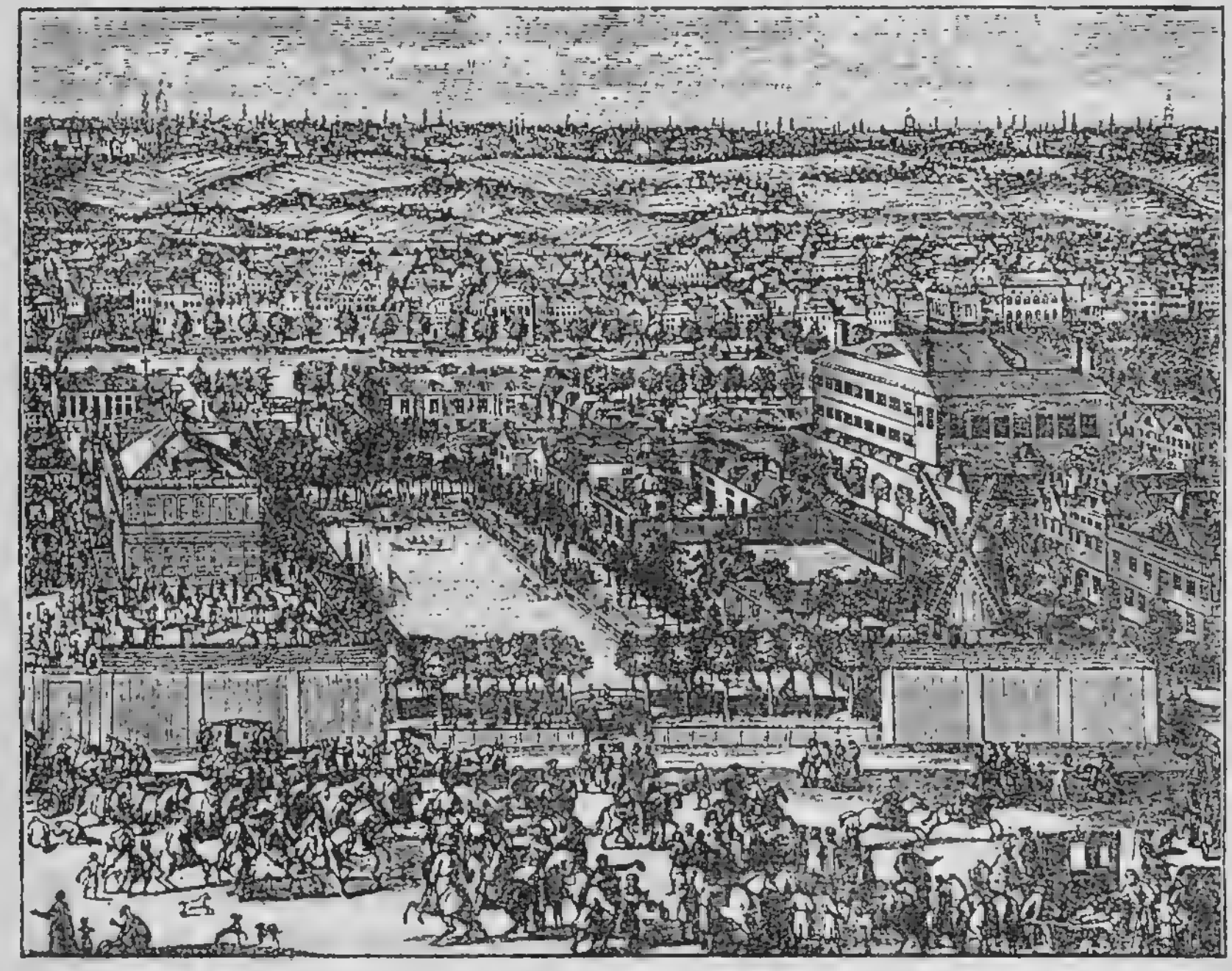
Разин взял Астрахань, Царицын, Саратов, Самару. Поднялись черемисы, мордва, которых русское духовенство старалось против воли обратить в христианство. По городам поднимались приборные—мелкий военный люд и посадские, по деревням—крепостные и холопы; жгли и грабили усадьбы, а по городам убивали богатых купцов. Жестоко расправлялся Разин с воеводами и помещиками: вешал, сжигал, сбрасывал с колоколен.

Выслал царь против Разина большое войско, полки, обученные иноземному строю. Под Симбирском казаки были разбиты, ушли на Дон, но там домовитые казаки, получающие из Москвы жалованье, выдали Степана, и он был казнен в Москве.

Но в народе не изгладилась память о Степане Разине, сложили волжане о нем песни и предания.

33. Детство и юность Петра I Алексеевича.

Царь Алексей Михайлович умер не старым, всего 46 лет от роду, и оставил после себя большое семейство: полный терем царевен, трех царевичей и молодую вдову Наталию Кирилловну, урожденную Нарышкину, на которой он женился после смерти своей первой жены—Милославской.



Немецкая слобода в Москве Петровского времени.

Из трех царевичей только один, самый младший, четырехлетний Петр, сын Наталии Кирилловны, был здоровым и крепким ребенком, двое старших были больные, хилые. При дворе, как водится, толпилась родня покойной и живой царицы, Милославские, Нарышкины, стремясь пристроиться к власти.

Царствовать стал старший царевич, четырнадцатилетний Федор Алексеевич, и возвысилась, конечно, его родня—Мило-

славские, а царицу Наталью оттерли. Но Федор умер через шесть лет, когда Петру было всего десять. Царевич Иван был постарше, но совсем слабоумный, а Петр, наоборот, был необычайно живым и одаренным ребенком. Сначала на царство и был поставлен Петр, а мать его, Наталия Нарышкина, сделалась правительницей до совершеннолетия сына. Но Милославские оттеснили царицу Наталию, и правительницей стала царевна София, дочь Алексея Михайловича от первой жены. Царями хотя и числились оба мальчика—Иван и Петр, но царица Наталия с Петром жила в подмосковном селе Преображенском, и Петр проводил время совсем не по-царски: он жил привольной жизнью, набирал себе из дворцовых конюхов сверстников для игр и потех. Однако, все его потехи сводились к игре в войну. Из своих «потешных» ребят он собрал целых два полка, обучал их военному строю под руководством опытных военных людей, приглашенных из немецкой слободы. Петр вообще очень рано начал дружить с иностранцами. С детства учили Петра плохо, по-старинному подьячий Зотов долбил с ним часослов и другие книги священного писания. Хоть начали ученье с пяти лет, но дальше церковных книг не пошло дело. Природная любознательность повела все же к тому, что Петр, уже будучи пятнадцатилетним подростком, сам взялся за свое образование: добыл себе учителей в немецкой слободе и стал учиться арифметике и геометрии. Изучал он также и военные науки. Ему хотелось все знать: и постройку крепостей, и артиллерийскую стрельбу.

К тому же он был прирожденным страстным моряком. Из отцовских складов в Кремле извлек он старый ботик и принялся плавать по озерам под парусом во всякую погоду. Позднее он, не довольствуясь поездками по озеру, стал плавать по Белому морю и сделался действительно одним из лучших моряков в России.

Но боярские интриги при дворе не оставляли Петра в покое. Сестра его, царевна Софья, не хотела примириться с ролью правительницы, она опять при помощи стрельцов попыталась стать настоящей царицей. Новый стрелецкий бунт произвел на юного Петра такое потрясающее впечатление, что он на всю жизнь остался нервнобольным, у него сделалось нервное подергивание—«голову запрометывал», как говорили современники.

Однако, ему удалось победить сестру при помощи своих потешных и заточить ее в монастырь. Брат Иван вскоре умер; Петр стал царем полновластным.

Делами государства он сразу не стал заниматься, а продолжал свои маневры с потешными, ныне уже заправскими полками, Семеновским и Преображенским, окруженный товарищами и собутыльниками: бомбардиром «Алексашкой» Меньшиковым, сыном придворного конюха, женевцем Лефортом, «дебошаном французским», как аттестует его князь Куракин, свояк Петра. Тут же был и Ромодановский, начальник застенка для пыток, «собою видом, как монстра, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян по вся дни».

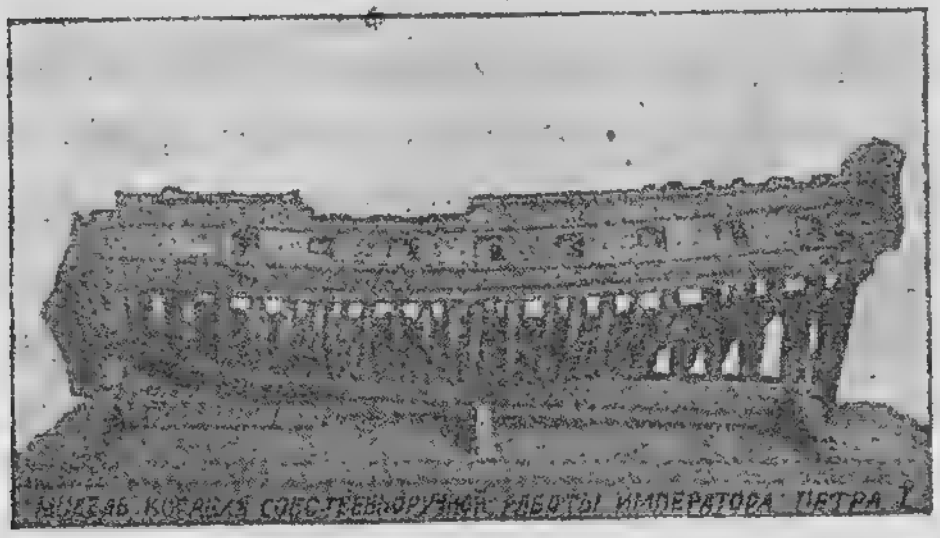
Чтобы обуздать Петра и приохотить его к дому, царица Наталья женила его очень рано, но это не помогло—Петр не взлюбил свою жену, Евдокию Лопухину, глупую, вздорную, суеверную женщину, и из дому стал отлучаться еще чаще: то в Немецкую слободу на пирушки, то на морские или сухопутные маневры. Такая жизнь продолжалась до двадцати четырех лет.

34. Заграничное путешествие Петра.

В 1697 году произошло небывалое и неслыханное на Руси событие—царь Петр покинул страну и на целые полтора года уехал за границу. Снаряжено было для этого великое посольство, которому надлежало объехать европейские дворы и найти союзников для борьбы с Турцией, у которой за год перед тем Петр отнял Азов. Царь ехал с посольством тайно, назвавшись простым дворянином Петром Михайловым.

Эта поездка была для двадцатипятилетнего Петра высшей школой, которую он сам себе придумал. Он хотел решительно всему научиться и не по наслышке, а непременно практически. В Голландии он работал топором на верфи, как простой плотник, и действительно выучился срубить деревянный корабль. Потом он поплыл в Англию доучиваться корабельному делу и там работал на верфях адмиралтейства. При этом царь и его спутники не бросили своей московской привычки бражничать в свободное время и закатывали такие пирушки и так портили хороший дом, который им отвели для жилья, что королю английскому пришлось принять дорогой ремонт дома на свой счет: вся мебель была пере-

ломана, обои и полы испорчены рвотой и всяческой нечистоплотностью. Для нас это интересно потому, что показывает, как плохо были воспитаны русские люди на пороге восемнадцатого века и как сам царь не отличался от других в этом смысле.



Модель корабля собственноручной работы Петра.

Впрочем, Петр, удивлявший всех в Европе своими причудами, вел себя очень скромно у императора австрийского. Можно думать, что полуторагодовое пребывание за границей его пообтесало, но тут могла быть и другая причина: Петр был убежденным сторонником царской власти—«самодержавства» и старался выразить свое преклонение перед самым величественным государем того времени, которого он к тому же хотел уговорить на то, чтобы сообща выгнать турок совсем из Европы. Но уговорить австрийского императора ему не удалось.

Зато сблизился Петр с королем польским, курфюрстом саксонским, у которого тоже были всякие широкие замыслы и с которым он сговорился вместе напасть на Швецию. Петр носился с той же мыслью, что и прежние цари—пробиться к портам Балтийского моря, столь нужным для иноземной торговли, для установления водного пути с востока, с Каспия, в европейские страны.

Стрелец по рис. Мейерберга.

Для этой предстоящей войны вывез Петр из своего путешествия всяких мастеров-специалистов, сам тоже присмотрелся ко всякому мастерству, ко всяким наукам и твердо решил пересадить все эти мастерства и науки и к себе в Россию. Вернуться из путешествия Петру

пришлось раньше, чем он предполагал, так как в Москве опять вспыхнул стрелецкий бунт.

Петр расправился со стрельцами страшно жестоко: две тысячи человек было казнено, и царь дошел до такого ожесточения, что собственноручно рубил стрельцам головы.

35. Великая северная война и реформы Петра.

По возвращении из-за границы Петр поспешил заключить мир с Турцией, так как понял, что помощи от других европейских государств ждать не приходится. Но сейчас же объявил Петр войну Швеции. Эту войну он начинал в союзе с Данией и Польшей, которым тоже Швеция затрудняла торговлю на Балтийском море. Швеция в ту пору была могущественной военной державой. У шведов было закаленное в боях, хорошо обученное войско и флот. Но Петр поспешил воспользоваться тем, что в Швеции умер король и вступил на престол 16-летний Карл XII, которого все считали легкомысленным юношей. Но шведы очень быстро расправились с Данией, принудили ее к миру и ударили на русские войска, стоявшие под Нарвой. Тут войско Петра потерпело страшное поражение, потеряло все пушки. Но Петра не смутила первая неудача: он начал с лихорадочной поспешностью готовиться к продолжению войны. Колокола с церквей приказывал снимать и переливать на пушки, стал набирать солдат из всех слоев населения и обучать их по-европейски военному строю. К ружьям, из которых прежде можно было только стрелять, приделал штыки для рукопашного боя. Даже у шведов еще не было штыков. По счастью для Петра, Карл увел свои полки в Польшу, чтобы расправиться с ней, как расправился с Данией. Поляков-то он, действительно, победил, но русские за это время настолько оправились, что в решительной битве при Полтаве, в 1709 году, через девять лет после Нарвы, Петр совершенно разбил шведское войско, и Карлу пришлось спасаться бегством.

С таким же успехом действовал Петр и на море. Пока Карл воевал в Польше, русские заняли берега Невы, прежде принадлежавшие, как мы знаем, Водьской пятине Великого Новгорода, но потом отнятые шведами. На берегу Невы Петр заложил город Петербург с Петропавловской крепостью, а на

острове Котлине, неподалеку от Петербурга, крепость Кронштадт. На Неве построил Петр верфи для кораблей и в несколько лет создал свой Балтийский флот. Первое время командовали судами иностранные адмиралы, но и сам Петр обучился вести в бой свои корабли и даже одержал над шведами большую победу при мысе Гангуте. Война тянулась еще очень долго, до 1721 года—в общем 21 год—и стоила народу страшных жертв людьми и деньгами.

Петр принадлежал к числу людей, которые ни перед чем не останавливаются для достижения намеченной цели. А цель его была пробиться к морю, прорубить «окно в Европу».

Чтобы закончить успешно великую северную войну, Петру пришлось многое переделывать в России, отставшей от европейских государств в промышленности и в просвещении. Он очень хорошо заметил эту отсталость во время своего путешествия. В Англии он видел большие мануфактуры, на которых множество рабочих выделывало различные товары. А у нас в России в это время еще только начинались первые попытки перевести ремесленное производство в общие большие помещения, где работает много людей сообща.

Работа на мануфактурах (так назывались эти заведения, с ручным производством, без паровых машин, еще не изобретенных) шла скорее, чем на домашнем станке, а, главное, в такой общей мастерской можно было поставить широкие станки хотя бы для тканья холстов и парусины; дома, по избам, у крестьян стояли станки небольшие, узкие [1]).

Петру были нужны широкие паруса, сукно солдатское, ружья, пушки и множество разных вещей для того, чтобы воевать. Для войны требовалось также очень много денег. Петр видел, разъезжая вдоль и поперек по России, как велики ее природные

---

[1]) Мануфактура, по словам великого ученого Карла Маркса, «есть производительный механизм, органы которого—люди». Он приводит такой пример мануфактуры: карета была прежде общим продуктом трудов значительного числа независимых ремесленников: каретника, седельщика, портного, слесаря, медника, токаря, позументщика, стекольщика, красильщика, лакировщика, золотильщика и т. д. На каретной мануфактуре все эти различные ремесленники были соединены в одном в том же рабочем здании для того, чтобы взаимно помогать друг другу своим одновременным

богатства и как они мало использованы благодаря неумелости и отсталости; он понял, что надо, как мы теперь говорим, поднять производительность народного труда, т.-е. сделать так, чтобы труд не пропадал даром, давал бы больше богатства стране.

Мы уже в прежних беседах говорили, что в земледельческой Руси не умели вести правильно и сельское хозяйство—добывать с земли возможно большие урожаи. Петр на это обратил внимание. Он заботился о том, чтобы из недр земли добывать побольше железа и других металлов. А, главное, он хотел, чтобы русское сырье, которое всегда вывозилось заграницу невыделанное, выделывалось бы и у нас в России. То, чего хотел Петр, было так огромно, что многое и до сих пор, двести лет спустя, не удалось полностью осуществить: а он стремился ввести все немедленно. Он был в этом страшно нетерпелив и требователен—надрывал силы народа. Когда он задумывал проводить дороги, рыть каналы, строить города, он не останавливался перед тем, что гибло на этой работе уйма народа Недаром же сложилась поговорка: «Питерскую топь царь костями забутил». Но Петр и сам был неутомимым работником: вставал с рассветом и трудился большую часть дня. У него создалась потребность всегда что-нибудь мастерить, он в свободные минуты сидел в своей токарной мастерской, которая замечательна была еще тем, что там он расправлялся своей дубинкой с ленивыми и вороватыми своими сотрудниками. Битье палкой было у Петра своеобразной милостью: он колотил только тех, кто был ему особенно дорог по своим способностям, остальных он отдавал под суд и жестоко казнил, если накрывал на краже и плутнях. Частенько приходилось Петру расправляться со своим любимцем, «Алексашкой» Меньшиковым, которого он сделал князем и осыпал почестями за его способность все быстро схватывать

трудом. Конечно, нельзя золотить кареты прежде, чем она сделана, но когда много карет изготовляется одновременно, то всегда можно устроить дело таким образом, что одна партия карет будет постоянно золотиться, другая будет подготовляться к золочению.

Чем больше в мануфактурном производстве сложное дело распределяется между различными работниками, из которых каждый исполняет только то, что назначено на его долю, тем лучше и скорее идет производство и тем менее теряется труда и времени.

и выполнять самые трудные поручения. Петр, как в былое время Грозный, любил возвышать незнатных людей, потому что они были более гибки, податливы на всякое новшество, а старая знать тянула к старине.

В своей борьбе со стариной Петр доходил до чудачества. Как только он вернулся из заграницы, сейчас же начал резать полы боярских кафтанов и насильно стричь боярские бороды. Этим он вызывал сильное раздражение среди сторонников старины. Конечно, и сейчас это кажется грубым приемом и взбалмошным. Но это все происходило от нетерпеливого желания привить России европейскую культуру и привить немедленно. Внешность играет при этом большую роль: с платья обыкновенно начинают, а затем перенимают и весь обиход.

Перенять у европейцев Петр хотел устройство армии, устройство управления страной. Вместо прежних московских приказов, в которых все было перемешано, и сбор податей, и заведывание судом и войском, Петр распределил государственные дела между коллегиями (по шведскому образцу), образовал 10 коллегий; из них большинство для заведывания хозяйственными делами: берг-коллегия (горным делом), мануфактур-коллегия (фабричным делом), коммерц-коллегия (торговлей).

Торговое дело было особенно дорого Петру: он старался устраивать торговые компании, предоставлял всякие льготы людям, занимающимся торговлей. Даже от рекрутского набора торговые люди могли откупаться. Городские дела он передавал в руки купечества. Купечество и служилое дворянство пользовались наибольшим вниманием Петра. Дворяне при нем тоже служили поголовно и пожизненно, как и прежде. Только служили по полкам гвардии, где они начинали службу с солдата (Вспомним при этом, что и сам Петр в юности начал службу в своих потешных полках с простого барабанщика). Дворян делал Петр офицерами во всех других полках, давал им всевозможные поручения. На его взгляд офицер-дворянин должен быть годен на все.

Со времени Петра в деревенской России начинают распоряжаться помещики-дворяне, несшие военную и гражданскую службу, собиравшие подати и недоимки. Петр хотел сделать дворян по преимуществу людьми образованными, посылал их

заграницу учиться всяким наукам, главным образом, навигацким наукам (мореплаванию). Но посланные за границу дворянские сынки учились плохо, думали только об одном—как бы им всеми правдами и неправдами попасть скорее обратно домой. Иногда случалось, что крепостной слуга, посланный со своим молодым барином, выносил больше из поездки за границу, чем его ленивый господин. Если Петр это узнавал, он не задумывался возвысить и дворового человека. На знатность рода он не смотрел. Даже сам женился вторым браком на простой крестьянке из Ливонии, услав свою первую жену в монастырь. Так что будущая царица Екатерина I была самого незнатного рода, это была его походная жена-солдатка, умевшая и выпить в веселой компании, и жить в походной палатке.

Солдат Петровского времени (ружье со штыком).

Казалось бы, за такую простоту, за равнодушие к знатности народ должен бы был любить Петра, прозванного Великим за его удачные войны, но Петра любили только его солдаты, с которыми он делил все опасности походной жизни, и небольшой круг его ближайших сотрудников. Народ не любил Петра за те тяготы, которые приходилось нести: за рекрутские наборы, производившиеся иногда по два и по три раза в год (за Северную войну было 39 наборов), а, главное,—за введенную при нем «подушину», т.-е. подушную подать, которая заменила подворный налог.

Подушную народ должен был платить за всех мужчин, начиная с грудных младенцев и кончая дряхлыми стариками. Морили народ и всякими натуральными повинностями: заставляли строить дороги, каналы, города, осушать болота. Введены были налоги на пиво, на мед, даже на бани. Народ говорил про Петра: что он «мир переел». Хотя сам царь был необыкновенно скуп на личные расходы, зато вельмож своих и двор царицы он обставлял пышностью, чтобы не отстать от иноземных дворов и поддержать императорский титул, который ему был поднесен после победы над шведами.

Восстановляло народ против царя-преобразователя и духовенство, к которому Петр был тоже строг за приверженность к старине.

Суеверное, невежественное духовенство распространяло в народе слух, что Петр—антихрист. Даже сам патриарх Адриан, враг иноземных новшеств, говорил с амвона в соборе, что «в аду будет кипеть всякий, кто носит усы и бреет бороду».

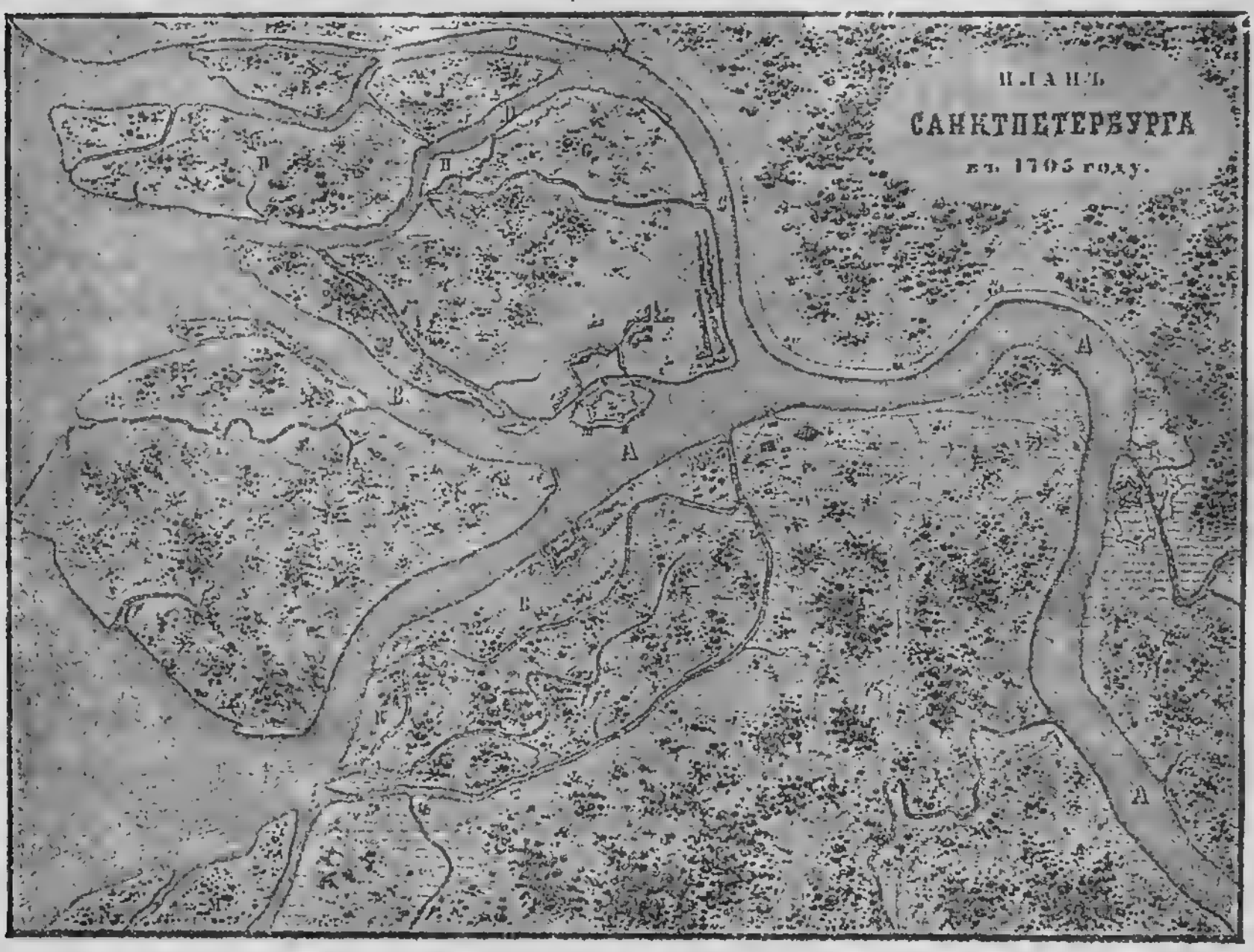
Петр стремился сломить влияние духовенства, отменил патриаршество и подчинил церковное управление синоду на манер других коллегий, со светским лицом во главе.

36. Петербург Петровского времени.

Петербург был заложен Петром в 1703 году. Вот что говорит об этом современная запись: «Господин капитан бомбардирской изволил осматривать близ к морю удобное место для здания новой фортеции и потом в скором времени изволили обыскать единый остров, зело удобный положением места, на котором вскоре, а именно мая в шестнадцатый день, в неделю пятидесятницы, фортецию заложили и нарекли имя оной Санкт-Питербурх».

Капитан бомбардирский—это, конечно, сам Петр, который постепенно проходил все военные чины. Крепость Петропавловская заложена была на Заячьем острове. Город первое время обстраивался налегке только деревянными постройками, так как шла тяжелая борьба со шведами и было не до построек. Но после Полтавской победы, в 1709 году, когда сам Петр писал адмиралу Апраксину: «ныне уже совершенно камень в основание С.-Петербурха положен» начали строить и каменные дома. Так как в ту пору в России было мало каменщиков, то с 1714 года

Петр издал указ, которым запрещались все каменные работы по всей России. Это для того, чтобы всех каменщиков стянуть на постройку новой столицы. Петр сам с 1712 года перебрался окончательно в Петербург, перевел правительственные места—коллегии—и заставил переехать туда всех придворных, министров, генералов, высшее духовенство. Всем было приказано строиться в новой столице, которую Петр в своем увлечении называл «парадизом», благо она совсем не была похожа на постылую



для него Москву, тянувшую к старине. В Петербурге все было по-новому: прямые, правильно распланированные улицы, широкая Нева со своими притоками. Петр страстно любил воду, ему еще мало казалось притоков и рукавов Невы, он хотел украсить свой новый город целой сетью каналов на манер голландских городов, которые ему так приглянулись во время первого путешествия заграницу. Но воды в новой столице было и без того достаточно, и сырость, туманы, наводнения приводили в отчаяние всех невольных переселенцев. Даже знатные и богатые люди проклинали судьбу, оторвавшую их от привычной дедовской

жизни в Москве, где и подмосковные именья были под боком и в самой Москве обжитые, удобные усадьбы совсем не располагали к отъезду. Но крут был нравом царь, и ослушаться никто не смел,—с горем, а все-таки строились, по указанному плану, на указанных местах.

Но еще горше было рабочему люду, тем, кто вел земляные работы, осушал болота: среди этих, согнанных со всей России, землекопов, каменщиков, плотников смертность была необычайно велика. Жить им приходилось в плохих жилищах, даже голодать, потому что хлеба было очень мало у соседних крестьян, подвоз был труден, хлебородные места далеко.

И все-таки город обстраивался со сказочной быстротой. Переселял Петр и торговых людей, и посадских. Еще в 1714 году приказал он переселить насильно 300 человек из московских гостинных сотен и столько же из черных слобод. Но главной утехой Петра было то, что еще в 1703 году в только что заложенный город приплыл первый торговый корабль из Голландии, с грузом вина и соли. Шкиперу этого корабля Петр подарил 500 червонцев и торжественно отпраздновал прибытие первого заморского гостя. Голландские купцы, приплывавшие со своими товарами в Петербург, зачастую были лично знакомы с царем Питером, как они его по-голландски называли, познакомились во время его пребывания в Голландии. Петр обходился с ними запросто: часто он выезжал на лодке навстречу голландским купцам, вел их судно, как простой лоцман, в устье Невы, минуя мели.

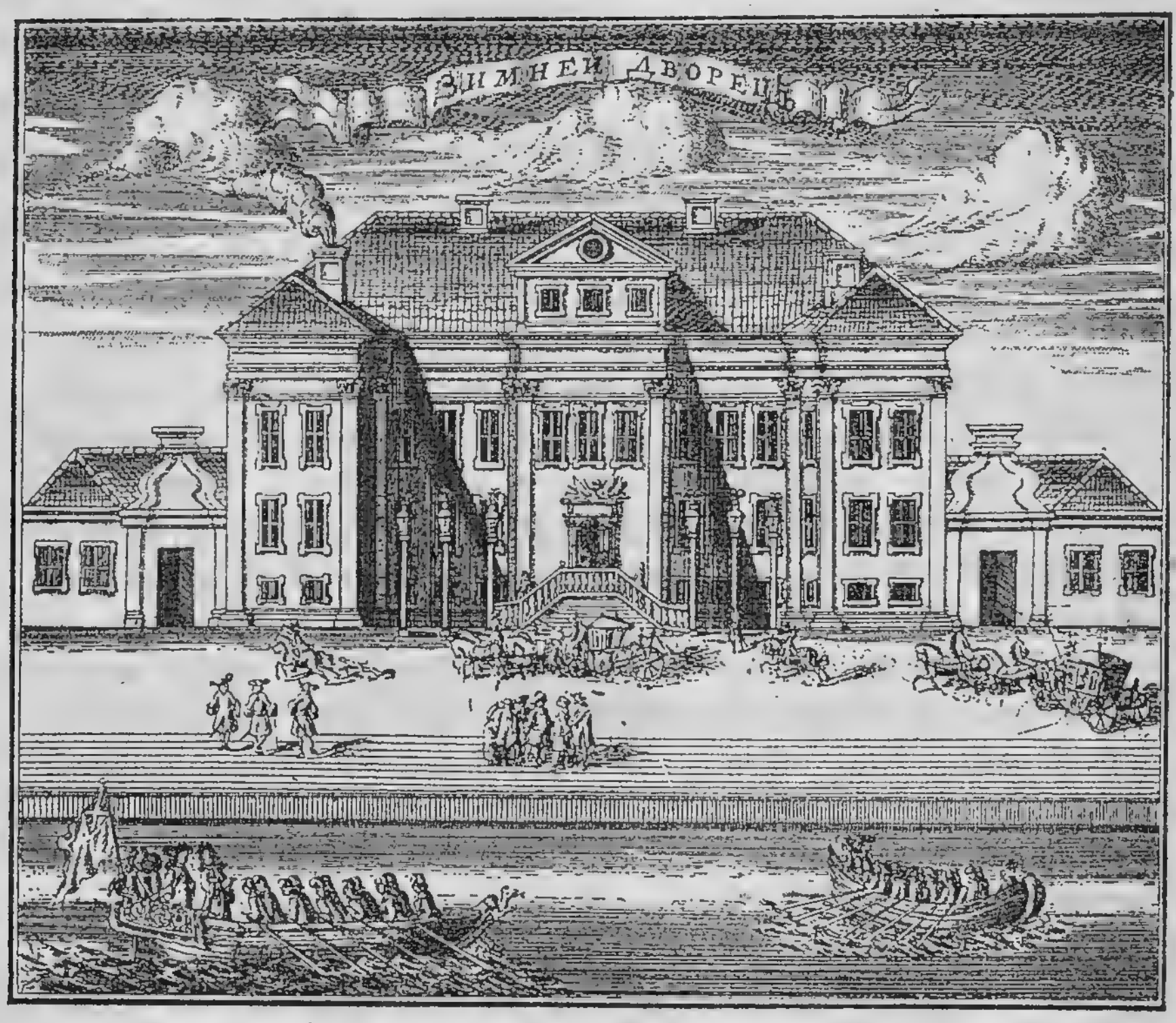
Не одни голландцы торговали в новой столице, приплывали суда изо всех стран, и Петербург рос и богател от этой торговли, тем более, что Архангельскому порту Петр разрешал торговать только одной пенькой.

К концу Петрова царствования в его новой столице было около ста тысяч жителей, что, по тому времени, равняло ее с самыми большими городами Европы. Приезжие иностранцы очень лестно отзывались о внешнем виде города, раскинувшегося по берегам величественной Невы. Петербург вырос с такой сказочной быстротой, что финны, жившие прежде вперемежку с русскими крестьянами в поселках, разбросанных у устья Невы, сложили легенду о богатыре, который среди болот, погло-

щавших все прежние города, какие пытались люди строить, сковал город на руках и потом уже готовым опустил его на болото. Топь и не смогла поглотить создание великана.

А собственные родственники Петра шипели под шумок: «быть ему пусту, проклятому городу».

Петр в своей новой столице завел совсем иной жизненный обиход, чем жизнь двора при его отце. Тогда все было чинно, раз-



Дворец Меньшикова с гравюры Петровских времен.

меренно: стремились к благолепию и торжественности, чтобы поднять значение самодержавного московского государя «всея Руси».

В петровском Петербурге все было наоборот: общество, окружавшее Петра, было чрезвычайно смешанное. Старая знать растворялась в общей дворянской массе, так как служили все одинаково в гвардейских полках. Среди военных было много иноземцев, из них многие были сделаны новой знатью—князьями,

графами. Были и русские князья из конюхов и свинопасов, как Меньшиков, Ягужинский. Было много иностранных инженеров, архитекторов, мастеров, управлявших вновь заведенными фабриками и заводами. Все они, вышедшие в люди при Петре, конечно, чувствовали себя в новой столице хорошо. Их связывала, при всей их разношерстности, служба, объединял сам Петр, во все лично входивший, требовавший от всех, чтобы работе отдавались целиком. И короткий досуг свой эти люди проводили под наблюдением царя, который и веселиться всех заставлял по-своему.

В веселье у него был тоже богатырский размах: пить—так уж так, чтобы на ногах не держаться, кататься на лодках—так уж не взирая на ветер и бурю. Случалось, что он подвергал смертельной опасности даже собственную семью, катаясь в бурю по Неве и взморью. Вследствие своего гигантского роста и огромной физической силы Петр сам ничего не боялся и требовал такой же отваги от всех окружающих. Нравы в ту пору были еще очень грубы, груб был и Петр, и часто веселье обращалось в мучительство: в Летнем саду собирал он гостей и, случалось, запирал все выходы и заставлял пить водку всех присутствующих—мужчин и женщин, многих против воли.

И все-таки, будучи сам таким грубым, Петр хотел приучить своих подданных к «людскости и политесу», как это тогда говорилось, т.-е. обучить их вежливости и общительности. Конечно, и тут все было грубо: напечатана была в то время книжонка, называвшаяся «Юности честное зерцало», в которой дворянину давались советы обходиться заносчиво со слугами, но вместе с тем в этой книжке говорилось, что за столом надо сидеть смирно и «руками, ногами не колобродить». По одним этим советам видно, до какой степени некультурны были люди.

«Людскость» у Петра, как и все, вводилась по указу. В 1718 г. появился указ об ассамблеях, в котором было сказано, что «ассамблея слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно: обстоятельно сказать—вольное в котором доме собрание или съезд. Делается и не только для забавы, но и для дела, ибо тут можно друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, при том же и забава. А каким образом оные ассамблеи отпра-

влять, определяется ниже сего пунктом, покамест в обычай не войдет».

Пункты объясняли: «В котором доме ассамблея имеет быть, то надлежит письмом или иным знаком объявить людям, куда вольно всякому прийти, как мужскому, так и женскому.

«Ранее пяти или четырех не начинается, а долее десяти пополудни не продолжается.

Вид от Летнего сада на крепость. С гравюры 1727.

«Хозяин не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни подчевать... но только повинен несколько покоев очистить, столы, свечи, питье, употребляемое в жажду, кто просит, игры на столах употребляемые.

«Во время бытия на ассамблеях вольно сидеть, ходить, играть, и в том никто другому прешкодить или унимать, также церемонии делать вставанием, провожанием и прочим, отнюдь да не дерзает под штрафом, но только при приезде и отъезде почтить поклоном должно».

Нам сейчас очень странно, что все предусмотрено в этом указе, даже как себя вести на вечере, но это показывает, как еще

чужда была «людскость» и как спешил ее привить Петр, чтобы и в этом нагнать Европу.

На некультурность и грубость нравов указывает масса шутов и шутих у тогдашней знати, множество уродов и карликов.

Шутовская свадьба карликов.

Петр сам устраивал даже шутовские свадьбы с настоящим венчанием в церкви и с парадным обедом. Мы видим, что при Петре старое, дедовское причудливо переплеталось с новизной.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

37. Преемники Петра. Дворянская культура XVIII века.

Петр умер в 1725 г., никому не завещав престола, хотя сам издал указ о том, что царь волен завещать престол, кому вздумает.

Сын Петра, царевич Алексей, погиб в Петропавловской крепости, заподозренный отцом в измене. Остались после Петра две дочери: Елизавета, незамужняя, и Анна, выданная уже замуж за голштинского принца. Остался еще десятилетний внук, сын убитого царевича Алексея. Близкие к Петру люди, особенно его любимец, Александр Меньшиков, поспешили при помощи гвардейских полков объявить царицей Екатерину, вдову Петра.

Эта безграмотная женщина, конечно, не могла сама управлять государством, и потому власть должна была остаться в руках тех, кто выдвигал ее царицей. Екатерина I прожила, впрочем, всего два года. Она все время проводила в попойках с офицерами и от этого умерла.

Внук Петра I, Петр II, процарствовал всего три года и умер от оспы в 1730 г. Тогда «Верховный Тайный Совет», учрежденный еще при Екатерине I,—«верховники», как их тогда называли, решили призвать на царство племянницу Петра I, дочь его старшего брата Ивана, Анну Ивановну, вдову курляндского герцога.

За ней в Курляндию «верховники» послали посольство, которое должно было отобрать от Анны подписку в том, что она не выйдет вторично замуж, наследника себе сама не назначит, будет править страной с согласия «верховников», которые сами будут избирать членов своего Совета и замещать важнейшие должности; они же будут командовать войсками и гвардией.

Анна в Курляндии эти «кондиции», условия, подписала, а, приехав в Москву, разорвала при всех подписанную ею грамоту и стала царствовать самовластно, как о том ее просили гвардейские офицеры-дворяне, напуганные, что, «вместо одного самодержца воцарится десять самовластных сильных фамилий».

Но Анна привезла с собой в Россию своего любимца, «фаворита», как тогда говорили,—камергера Бирона, бывшего конюха. Он проводил на все высшие должности курляндских немцев, которые грабили, притесняли народ и вообще вели себя, как в завоеванной стране.

Десять лет царствования Анны и остались памятны народу под названием «бироновщины».

По всей стране разосланы были команды гвардейских солдат взыскивать скопившиеся недоимки. Самих воевод брали под стражу, подьячих сажали на цепь до тех пор, пока не будет взыскано дочиста все с торгового и посадского люда.

Воеводы сперепугу посылали своих людей выколачивать недоимки. Все имущество отбирали в казну у неисправных плательщиков, а если еще не хватало, ставили «на правеж»—босыми ногами на мерзлую землю и колотили палками.

Но тяжелее всех приходилось крестьянам: год был голодный, неурожайный; люди пухли и умирали от голода, а тут еще появились команды для сбора недоимок. Кто успевал—бежал в лес. Целыми деревнями уходили крестьяне; прятались в чаще, уводя с собой скот и лошадей. Кто не успевал уйти, подвергался избиению плетьми. Всех подозревали в сокрытии добра. Последнюю скотину сводили со двора, уносили последний скарб.

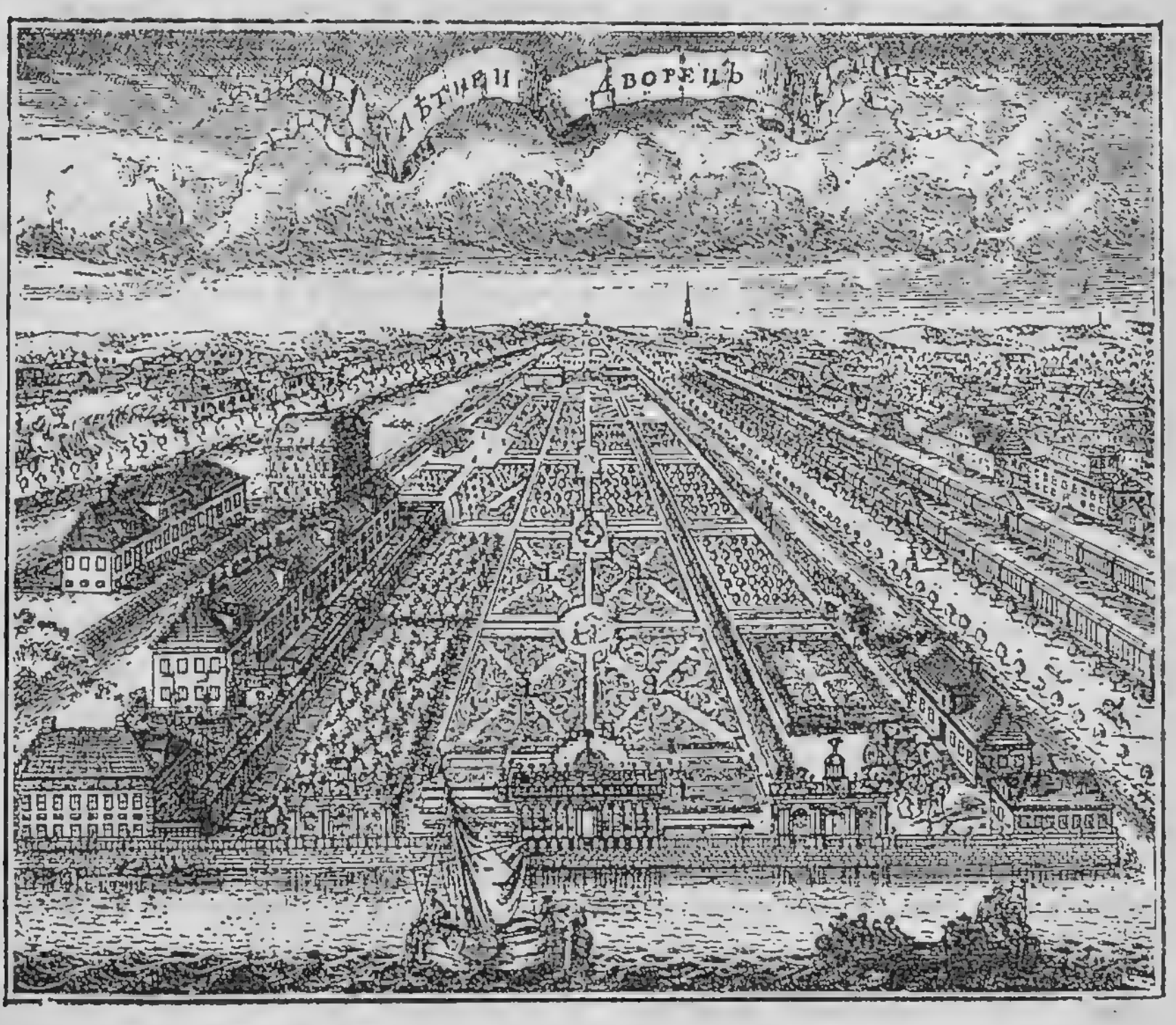
Через год удалось таким образом выколотить половину недоимки, зато многие деревни навсегда запустели—народ бежал на Дон, в Башкирию,—куда глаза глядят.

Бироновским немцам все это было безразлично. Английский посол так описывал царствование Анны: «Нельзя вообразить себе, до какого великолепия дошел русский двор в настоящее царствование, несмотря на то, что в казне нет ни гроша и денег никому не платят».

Анна, умирая, оставила наследником своего племянника, Ивана Антоновича Брауншвейгского, а правительницей —его мать, так как сам он был новорожденным младенцем.

Но вся эта Брауншвейгская фамилия была низвергнута гвардейским офицерством, возведшим на престол младшую дочь Петра I Елизавету Петровну.

Эта царица была тоже совершенно неспособна к управлению страной. Она была взбалмошной, ленивой женщиной; любила наряжаться, веселиться.



Летний дворец.

При ней в большую моду вошел театр. Елизавета собственноручно убирала в коронные бриллианты кадет, когда они играли во дворце пьесы писателя Сумарокова. Женские роли исполняли тоже юноши. В кадетском, «шляхетском», т.-е. дворянском корпусе обучали не только наукам, но и искусствам.

Придворная жизнь при Елизавете была полна блеска; строились роскошные дворцы для царицы, ее любимцев, из которых главным был Алексей Разумовский, украинец родом, быв-

щий придворный певчий. Для него построен был Аничковский дворец в Петербурге.

Дворцы строились лучшими архитекторами не только России, но и Европы. Но во дворцах Елизаветы был один комплект мебели, которую возили за ней всюду. Вообще во всей жизни двора царил невообразимый беспорядок. Елизавета не знала разницы между своим кошельком и казной. Забирала себе деньги отовсюду, где только можно было взять, и проматывала их на свои прихоти и наряды. Казна всегда была пуста.

Дворянство при Елизавете играло большую роль. Оно приобрело уже внешний лоск; подражало иностранцам не по принуждению, как при Петре, а по собственной охоте.

Конечно, вся эта придворная роскошь и мотовство стоили очень дорого крепостными крестьянами, из которых выколачивали «барщиной» и «оброками» те средства, которые были нужны дворянству для светской жизни.

Внешний лоск не делал, однако, людей менее грубыми в обхождении с крепостными.

И все-таки жизнь шла вперед: уже при Елизавете просвещение начинает делать некоторые успехи, хотя и очень слабые. В Москве был основан университет в 1755 г. В Петербурге еще при Екатерине I, по проекту Петра, была открыта Академия Наук и при ней академическая гимназия. Но профессорами в петербургской академии были сначала одни иностранцы; гимназия при ней была очень плоха: учителя, в большинстве невежественные, «бо обучение российского языка мало знали», часто «при своем деле были пьяны».

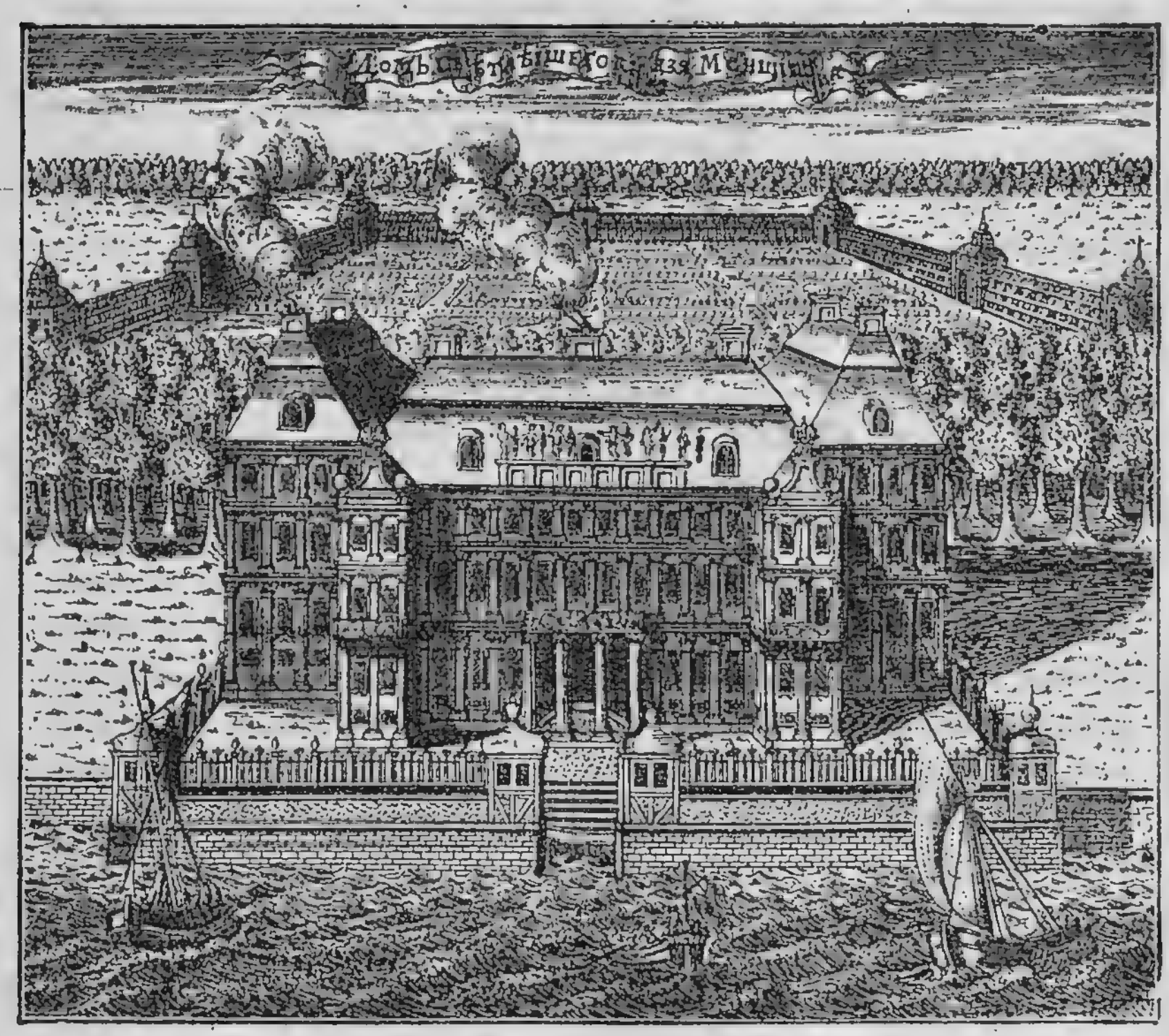
Профессором петербургской академии стал и Ломоносов, первый русский ученый, родом крестьянин Архангельской губернии.

Ломоносов принял участие, вместе с Ив. Ив. Шуваловым, и в устройстве Московского университета. В нем некоторые новые профессора стали читать свой курс на русском языке. Для подготовки в университет открыты были две гимназии: одна в Москве, другая в Казани. В каждой из них одна половина для дворян, другая для разночинцев. Но на науку еще смотрели, как на что-то никому ненужное. Даже высокие сановники гово-

рили: «Куда с учеными деваться?» Электрическая машина считалась «дерзким испытанием сил природы».

Ломоносов, умирая, боялся, что все его «полезные намерения для приращения наук» исчезнут вместе с ним—так шатко еще было положение науки в России.

Елизавета царствовала двадцать лет. С самого своего воцарения задумалась она над тем, кого сделать своим наследником,



Зимний дворец.

и решила выписать из Голштинии своего четырнадцатилетнего племянника, Петра-Ульриха, сына ее умершей сестры Анны Петровны. Мальчик был вывезен из Голштинии, где он правил, как герцог, за смертью отца и матери, и объявлен наследником русского престола под именем Петра Федоровича. Оказался он совершенно нелепым юношей. Вследствие плохого воспитания, он совершенно не развился умственно. Когда ему минуло сем-

надцать лет, его женили на бедной немецкой принцессе Софии-Августе, принявшей в православии имя Екатерины Алексеевны. Такую невесту Елизавета выбрала, ожидая от нее благонравия и почтительности. Екатерина действительно была очень обходительна со всеми, старалась ко всем подладиться. Только со своим мужем не смогла она установить сносных отношений. Он и после женитьбы вел себя самым несолидным образом: играл в игрушечных солдатиков, вешал крыс, как государственных преступников, с женой обходился грубо.

Елизавета очень скоро поняла, что ее племянник и наследник никуда не годится. Когда, через девять лет после свадьбы, у Екатерины родился сын Павел, Елизавета не оставила его у матери, а забрала к себе во дворец и хотела из него воспитать себе будущего наследника. Но это ей не удалось. Она умерла в 1761 г., когда Павлу было всего семь лет. Так и не успела Елизавета сменить своего наследника Петра.

Он вступил на престол под именем Петра III, процарствовал всего несколько месяцев и был свергнут своей женой Екатериной. Эта чужеземка оказалась очень ловкой и хитрой. Хотя в Россию она была привезена шестнадцатилетней девушкой, выдана замуж за нелепого, сумасбродного мальчишку, который всегда старался чем-нибудь обидеть и унизить ее, Екатерина все-таки не потерялась. Она сумела присмотреться ко всему, что делалось вокруг, сумела составить заговор против мужа, воспользовавшись тем, что его не любили гвардейцы.

Мы уже знаем из прошлых бесед, что гвардия с самой смерти Петра I все время вмешивалась в дела о престолонаследии и возводила на трон угодных ей кандидатов.

Петра III гвардейцы не любили за его приверженность к немцам, боялись новой «бироновщины» и за то, что он решил начать войну с Данией, которая будто посягала на его голштинское княжество. Гвардейское офицерство совершило вместе с Екатериной дворцовый переворот 1762 г. и возвело ее на престол под именем Екатерины II. Петр III был арестован и вскоре убит любимцем Екатерины, Орловым.

Став царицей, Екатерина не осталась в долгу у дворянства. Гвардейцы, как мы уже знаем, и были представителями дворянства, потому что дворянство со времени Петра I служило в гвар-

дейских полках даже рядовыми солдатами. Царствование Екатерины было полным торжеством дворянства. Все делалось в угоду этому привилегированному сословию. В чем же были его привилегии, «преимущества» перед другими?

Еще при Елизавете было установлено, что только дворяне могут владеть имениями с крепостными крестьянами и что в дворянстве надлежит считать только потомственных дворян, «благородных»—родившихся в дворянском роду.

Неудачливый Петр III успел все же за свое полугодовое царствование издать манифест 18 февраля 1762 г., которым даровал вольность дворянству—служить или не служить. При этом необходимо вспомнить, что крестьяне были, еще по Уложению Алексея Михайловича, в 1649 г. сделаны крепостными и должны были кормить дворян именно за то, что те пожизненно служили. Однако; крестьяне после 1762 г. еще ровно девяносто девять лет оставались крепостными и кормили уже, значит, дворян за одно только их «благородное» происхождение.

Трудом крепостных создалась дворянская культура XVIII в. Именно потому так низко стоит культура современной деревни: крестьяне плохо обрабатывают землю, совсем не знакомы с наукой, даже зачастую безграмотны, потому что слишком долго их трудом кормилось и богатело дворянство.

При Елизавете и Екатерине II созданы были дворцы, парки, барские особняки, в которых жили придворные вельможи; все эти памятники искусства показывают, что у дворян XVIII в. развился вкус к художественным вещам и была возможность окружить себя такой роскошью и красотой, какой позднее и цари себя не умели окружать, как мы увидим [1]).

38. Комиссия для составления нового Уложения.

Еще при Петре I делались попытки составить новый свод законов, которых сам Петр издавал очень много. Но так и не удалось довести этого дела до конца не только Петру, но и его

---

[1]) Если мы, проходя время Александра III, посетим «исторические комнаты» Аничкова дворца, сохраненные в том самом виде, в каком они были при двух последних царях, то нам станет ясно, насколько роскошнее, изящнее жили вельможи XVIII века. О жизни их нам много скажут особняки – Строгановский, Шуваловский и другие.

преемникам, хотя за составление нового свода брались при Анне и при Елизавете. Екатерина тоже решила созвать *Комиссию* для составления проекта новых законов. Она считала, что старые плохие, собирать не стоит, а надо написать новые. Так как она много читала за те 18 лет, что ей пришлось ждать своего воцарения и скучать в тяжелом замужестве, она успела ознакомиться с тем, что писали тогда в других странах: во Франции, в Швейцарии, в Италии самые передовые, просвещенные люди. Когда она стала писать Наказ для *Комиссии*, она взяла его почти целиком от этих писателей: Вольтера, Монтескье, Беккариа.

Посылая прусскому королю свой Наказ, она сама писала: «Вы увидите, что я, как ворона в басне, нарядилась в павлиньи перья: в этом сочинении мне принадлежит лишь расположение материала да кое-где одна строчка, одно слово».

В Наказе Екатерины много хороших слов, которые никогда не применялись на деле. В нем даже говорится о рабстве, о положении крепостных крестьян. Но это не значит, что от этого крестьянам стало легче,—наоборот, крестьянам стало хуже при Екатерине, потому что по многим местам, особенно в Поволжье, откуда при Екатерине усилился вывоз хлеба, помещики заставляли крестьян, вместо трех дней в неделю, работать на барщине все 6 и даже 7 дней, а со своих полос убирать хлеб по ночам. Кроме того, Екатерина очень щедро раздавала земли своим вельможам, фаворитам, и прежние казенные крестьяне становились помещичьими. Таких новых крепостных она закрепостила около миллиона. Она никогда не забывала, что троном обязана дворянской гвардии, и при ней крепостное право превратилось в полное право дворянской собственности на человека, как на вещь, как на рабочий скот. И помещики-дворяне грубо злоупотребляли этим правом. Работа Комиссии, созванной Екатериной, ничем не кончилась. Собранные изо всех городов и со всех концов России депутаты проработали больше года, а затем были распущены.

Уложения составить не удалось. От Комиссии остались только интересные наказы (их всего полторы тысячи), которые привезли с собой депутаты из провинции. В них купцы просят, чтобы фабрики, «лавки и постоялые дворы иметь единому купечеству», никому больше не разрешать купеческими делами

заниматься. Крестьяне казенные просят льгот для себя и рисуют свою беспросветную нужду. А дворяне требуют только себе всех преимуществ и прав, а стеснений для всех остальных обывателей.

39. Восстание Пугачева.

Екатерининские войска вели успешно войну с Турцией, завоевали Черноморское побережье, торговые порты для сбыта русского хлеба за границу. А в то же время неспокойно было внутри страны.

В семидесятых годах, ровно через сто лет после восстания Степана Разина, поднял восстание на Яике (Урале) и Волге донской казак Емельян Пугачев. К Пугачеву примкнули и заводские рабочие, и заводские крестьяне с Уральских заводов, где делались пушки и ядра. Оттуда получил Пугачев орудия и начал настоящую войну с высланными против него войсками.

Пугачев, подымая на восстание уральских казаков, назвался царем Петром III, будто бы спасшимся от заговора жены. Но народ шел за ним не потому, что верил его самозванству, а потому, что был доведен до отчаяния непомерной тяготой крепостного права.

Восстание охватило все Поволжье с низовья до самой Казани. Екатерина посылала против самозванца одного генерала за другим. Им иногда удавалось отогнать Пугачева на Урал, но потом он снова появлялся на Волге. Только через три года восстание подавили со страшной жестокостью. Пугачев был казнен в Москве. А генералы продолжали «сбривать» целые деревни пушечным огнем.

Крестьянам не стало легче после этого восстания,—наоборот, Екатерина завела капитан-исправников из дворян, которые стали настоящими хозяевами в провинции.

В последние годы царствования Екатерина II перестала уже и на словах сочувствовать крестьянам и за сочувствие им жестоко расправилась с Радищевым, который написал книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» и в ней описал все ужасы крестьянской нищеты и бесправия. Его присудили к смертной казни, замененной потом десятилетней каторгой.

Екатерина была напугана не только пугачевским восстанием. В 1789 году началась во Франции *Великая Французская Революция.*

Революцией называется коренной, насильственный переворот, после которого новый слой общества оказывается у власти. Во Франции, также как и в России, в XVIII веке господствовало дворянство, окружавшее самодержавного короля. Но к концу века усилились, разбогатев от торговли, горожане, «буржуа», как это говорится по-французски. Буржуазия и свергла дворянского короля во время французской революции, казнила его и королеву, провозгласила во Франции республику, в которой и стала распоряжаться всеми делами в стране. Свержение короля было совершено руками рабочих и вообще парижской бедноты, но плодами революции воспользовались, главным образом, имущие, состоятельные горожане.

40. Время Павла.

Екатерина II умерла внезапно и не успела лишить престола своего сына Павла, с которым у ней всю жизнь были очень плохие отношения. Себе в наследники она прочила своего старшего внука Александра. Павел это знал, жил всегда под страхом участи Петра III и от того стал нервно-больным человеком— у него развилась мания преследования, все поступки его стали до крайности сумасбродными.

В Петербурге, например, через день после его вступления на престол на всех углах были полицией расклеены объявления, в которых запрещалось носить фраки с отложными воротничками, жилеты, башмаки с бантами и круглые шляпы, а также «увертывать шею безмерно платками».

Предписывалось всем одеть немецкие кафтаны, под ними камзолы, башмаки с простыми пряжками, а шеи повязывать без «излишней толстоты». К напудренным парикам надо было привесить мужчинам косы установленной длины.

Объявление было совсем не шуткой. Сотни полицейских носились по улицам, срывали с прохожих круглые шляпы, распарывали жилеты и отрывали отложные воротнички.

Это сумасбродное распоряжение Павла было вызвано страхом перед французской революцией, стремлением совершенно

прекратить влияние Франции, искоренив французские моды. Сношения с Францией были совершенно воспрещены. Вообще был запрещен всем русским выезд за границу. Воспрещен был также ввоз иностранных книг и нот в Россию; закрыты были все типографии, кроме казенных, и установлена была строжайшая цензура, т.-е. все книги должны были поступать на просмотр особым чиновникам-цензорам, иначе их не разрешалось читать.

Для того, чтобы укрепить уважение к царской власти, Павел приказывал всем, кто попадался ему на улице, отдавать глубокий поклон, выходя из экипажей и скидывая шубы. За нарушение этих правил людей хватала полиция, арестовывала, била палками.

Чтобы искоренить все установившееся при Екатерине, при которой принято было поздно ложиться и поздно вставать, Павел сам вставал в пять часов утра и всем приказывал делать то же. Ложился в восемь часов вечера и в это время ни в одном окне у жителей Петербурга не должно было светиться огня.

Но хуже всех пришлось гвардейцам, избалованным Екатериной. Они привыкли вести веселую жизнь, развлекаться по театрам и балам столицы или наслаждаться деревенской тишиной по своим усадьбам. Павел вернул всех отпускных гвардейцев в трехдневный срок в Петербург. А самую службу превратил в настоящую пытку для офицеров и для солдат.

Одели всех в неудобные немецкие мундиры, заставляли всех маршировать, вытягивая носки, делая ровно семьдесят пять шагов в минуту—ни шагу меньше ни шагу больше.

Сам Павел ежедневно присутствовал на «вахтпараде» и за малейшую оплошность заколачивал палками солдат, а офицеров прямо с парада угонял в Сибирь в ссылку. Понятно, что такого безумца ненавидели и боялись, и сам он все время боялся заговора. Процарствовать ему пришлось недолго, всего четыре года. Мы уже из прежних бесед знаем, что дворянская гвардия за восемнадцатый век привыкла возводить и низвергать русских самодержцев. Павел явно задевал дворянство. Он даже издал указ о том, что помещики не могут гонять на барщину крестьян больше трех раз в неделю. Он это сделал, боясь новой «пугачевщины», так как и при нем крестьянские волнения не прекращались.

Дворяне не хотели терпеть умаления своих преимуществ, тяготились тяжелой службой, и потому против Павла составился заговор среди гвардейских офицеров, и они убили Павла ночью в его Михайловском замке 11 марта 1801 года.

41. Двенадцатый год.

Когда по Петербургу разнеслась весть о смерти Павла, началось всеобщее ликование: гвардейские офицеры устраивали пирушки. Все спешили одеться в запрещенные костюмы, появиться на улицах в запрещенных при Павле для офицеров каретах и парадных выездах.

Военным людям казалось, что навсегда миновали мрачные времена, наступает светлая полоса с воцарением молодого Александра I. Это был любимый внук Екатерины II, очень заботливо ею воспитанный. Ему шел всего двадцать пятый год, он был красив и обаятелен своим светским обхождением. Но под этой привлекательной внешностью таился скрытный, избалованный, непостоянный в своих симпатиях человек, привыкший с детства носить личину. Ему ведь приходилось все время лавировать, хитрить между бабушкой и отцом. Он старался угодить и ей, и ему. При Павле четыре года его царствования Александр провел в непрестанной тревоге, ожидая мести со стороны отца за то, что был любимец бабушки, которая и прочила его на трон помимо отца. Когда составился заговор против Павла, Александр не мог об этом не знать, а, следовательно, хоть и не участвовал лично в убийстве, но на престол вступил через труп отца. Это тоже наложило на Александра отпечаток неуверенности, сделало его двуличным, вероломным. Среди молодого офицерства у него были друзья детства, они при нем без стеснения обсуждали тягостное положение солдат на двадцатипятилетней военной службе, где царила кулачная расправа, битье палками, всякие жестокости. Но Александр, выслушивая все это, не находил нужным уволить Аракчеева, военного министра павловских времен, так как доверял он не своим юным друзьям, а этому непреклонному, жестокому человеку, невежественному, грубому.

Вступая на престол, Александр I обещал сохранять мир, дать отдых войскам, утомленным тяжелыми войнами при Екатерине и при Павле. Но не прошло и пяти лет как вспых-

нула война с Францией, где после революции выдвинутый ею генерал Наполеон Бонапарт, упразднив республику, объявил себя императором. Наполеон был замечательным полководцем, у него в руках была прекрасная армия, закаленная в боях, в тех победоносных войнах, которые революционная Франция сначала вела с соседними королевствами.

Войска Наполеона разбили русские войска, и Александр I заключил в 1807 году мир с Наполеоном, заклятым врагом Англии, дав ему обещание не торговать с Англией, не посылать туда русское сырье, в котором богатая промышленная Англия очень нуждалась. Для ее промышленности, быстро развившейся, уже не хватало своего сырья.

Но русским торговцам было выгодно торговать с Англией, куда шли русская пенька, лен, кожа и даже хлеб. (Мы знаем, что уже со времен Грозного русские купцы охотно торговали с Англией.) Русским помещикам было выгодно продавать за границу хлеб. Поэтому обещание Александра I, данное Наполеону, осталось не выполненным: потихоньку Россия продолжала торговать с Англией, и это поддерживало англичан в борьбе с Наполеоном, который, победив всех европейских государей, только Англию не мог завоевать и хотел взять измором.

Конечно, Наполеон узнал, что Россия нарушает договор, и снова началась война между Россией и Францией в 1812 году.

Наполеон, желая расправиться с Россией, вторгся в ее пределы с шестисоттысячной армией. Русские войска отступали перед французскими до самой Москвы. Уже недалеко от нее, подле деревни Бородино, произошла битва, в которой с обеих сторон погибло до ста тысяч человек. Русские и французы от этой чудовищной бойни так обессилили, что должны были прекратить сражение. Потом каждая сторона приписывала себе победу. Русские все же отступили и отдали Москву, из которой предварительно все сколько-нибудь состоятельные люди разбежались.

В покинутом городе во многих местах начались пожары. Город почти совсем выгорел. Наполеон со своим войском провел месяц в разоренной Москве. Но наступила глухая осень, французы страдали от холода и голода, ему пришлось отступать обратно; возвращаться той же разоренной дорогой в зимнюю

стужу. Снежные заносы, совсем незнакомые южанам-французам, добили армию Наполеона. Он вывез из России не больше двадцати тысяч солдат, остальные погибли или попали в плен. Пленным французам пришлось много претерпеть, так как невежественное сельское духовенство призывало народ истреблять «антихриста», как оно называло Наполеона, и его воинство. И темный народ действительно иногда избивал пленных, полузамерзших солдат, не думая о том, что это такие же крестьяне, загнанные в чужую сторону военной дисциплиной, волей начальства.

Русским крестьянам тоже была тяжела непомерно эта война двенадцатого года.

Помещики-дворяне взялись составить ополчение для подкрепления регулярной армии и уже тут, конечно, сведены были счеты со всеми теми из крепостных, кто не угодил барину или приказчику, управляющему.

Отправляли в ополчение и всех убогих, которых помещику невыгодно было кормить, как плохих работников, и все это под видом патриотического подвига [1]).

Купечество, жертвовавшее на войну деньги, наверстывало свои взносы на высоких ценах на все товары, объясняя непомерное вздутие цен гибелью Москвы с ее гостиными рядами и складами и отсутствием подвоза из-за границы.

Конечно, при этом никто не разъяснял народу, что и сама-то война велась на пользу купцам, ведшим заграничную торговлю с Англией и другими странами, торговлю, которой мешал Наполеон, стремившийся покорить все страны на пользу французских торговцев и промышленников, французской «буржуазии», о которой мы уже говорили в прошлых беседах.

42. Восстание декабристов.

Двенадцатым годом не кончилась война с Наполеоном: русские войска по приказанию Александра I вместе с войсками прусскими и австрийскими отправились за границу добивать

---

[1]) Патриотический от французского «патри»—родина, будто на пользу родины.

Наполеона. Он, действительно, был разбит и свергнут с французского престола; потом он умер в изгнании.

Таким образом, русские войска провели два года за границей, побывали в разных странах, насмотрелись, как там идет жизнь.

Они вернулись в Россию гораздо образованнее, чем пошли туда; по возвращении им бросилась в глаза грубость начальства. Даже сам Александр I мог у всех на глазах бросаться с обнаженной шпагой на простого крестьянина за то, что тот не во время перешел через улицу. Александр же грозил, что хоть трупами покроет всю дорогу от Петербурга до Чудова, но сохранит Аракчеевские «военные поселения», где из нескольких тысяч казенных крестьян поделали наследственных солдат и мучили их, пожалуй, больше, чем помещики своих крепостных.

Лицемерие Александра I выразилось еще в том, что он, получив за свою успешную борьбу с Наполеоном почти всю Польшу, дал ей представительный образ правления—«конституцию». По особой «учредительной»—конституционной грамоте царство Польское получило право иметь свой «сейм», куда съезжались выборные от населения и решали государственные дела. В самой России никакой «конституции» попрежнему не было, и царь оставался самодержцем, правя, как хотел, даже ни с кем не советуясь. Многим это тогда казалось несправедливым. Даже гостинодворские купцы в Петербурге говорили о том, что Россия не хуже Польши, можно бы дать и России конституцию. Торговцы вообще были недовольны «стеснительными для торговли постановлениями» самодержавного русского правительства.

Недовольна, конечно, была и образованная молодежь, среди которых больше всего было военных. Дворянская молодежь в войну 12 года и 13, 14 годов вся поголовно служила в войсках; а дворяне, как мы уже знаем из прежних бесед, были тогда самыми образованными. Их еще Петр I посылал за границу учиться; для них уже при Елизавете существовал «шляхетский» дворянский корпус, а при Екатерине II—дворянские гимназии.

Эта образованная дворянская молодежь при Александре I в 1816 году составила «тайное общество», которое должно было стремиться переменить порядки в России, добиться введения

народного представительства и распространения просвещения, а также освобождения крестьян. Последние годы царствования Александра I особенно раздражали военную молодежь, потому что тупой, необразованный Аракчеев, любимец Александра, распоряжался в войсках, как хотел.

Александр видел недовольство, ждал заговора, восстания. Но восстание вспыхнуло уже после его смерти. Это восстание не было всенародным и потому оказалось неудачным. Вот как оно произошло.

Когда умер Александр I, на престол должен был вступить его старший брат, Константин Павлович, так как у самого Александра детей не было. Войска уже успели присягнуть (поклясться в верности) Константину, когда стало известно, что Константин отрекся от престола и царствовать будет следующий за ним брат, Николай Павлович. Произошло замешательство; этим воспользовались заговорщики и в день новой присяги Николаю I, 14 декабря 1825 года, офицеры Московского полка вывели своих солдат на Сенатскую площадь и старались криками: «Ура! Константин!» взбунтовать и остальные военные части. К ним примкнул Гвардейский Флотский Экипаж и часть Гренадерского полка. В общем собралось на площади до двух тысяч человек. Начать нападение на нового царя, на его дворец, не решились. С десяти утра до четырех часов дня простояли войска на площади при 8° мороза, стреляя только по тем, кто подъезжал их уговаривать. Наконец, Николай распорядился рассеять восставших картечью. Привезли пушки и расстреляли восставших солдат и всех, кто попал под выстрелы, направленные вслед бегущим. Многих офицеров и солдат арестовали на улицах и по домам. Расправа с ними была очень жестокая.

Так как восстание это происходило 14 декабря, то участников его, членов «тайного общества», стали называть *декабристами*.

Восстание их кончилось неудачей, потому что не все военные люди к нему примкнули. Оставшиеся на стороне Николая I расстреляли восставших. Народ, который тоже сбегался на Сенатскую площадь и на ближайшие улицы, почти не принимал участия в деле. Только рабочие строившегося тогда Исаакиевского собора, разобрав поленницу дров, бросали ими в Николая I,

когда он подъезжал к площади. Об этом он сам рассказывает в своих записках.

Почему же народ не поддержал восставших? Потому, что был еще очень темен, плохо разбирался в том, что нужно для его собственного блага. А декабристы, члены тайного общества, искали поддержки только в солдатах,—восстания народа, «черни», как тогда говорили, они сами боялись.

Они хотели освободить крестьян от крепостной зависимости, но предусматривали, что «освобождение сие не должно произвести волнений и беспорядков в государстве, для чего беспощадную строгость употреблять против нарушителей спокойствия». Ведь мы уже знаем, что декабристы были в большинстве помещики-дворяне, у них еще живы были воспоминания о Пугачеве. Лучший русский поэт Пушкин, близкий декабристам, оставил замечательное описание пугачевского восстания в своей повести «Капитанская дочка», где оно описано так, как представлялось лучшим среди дворян.

На освобождение крестьян декабристы-дворяне тоже смотрели по-своему. В записках одного из декабристов, Якушкина, очень хорошо описан его разговор с крестьянами, которых он хотел освободить без земли, обработанной их дедами и прадедами.

Якушкин пишет: «Я собрал крестьян и долго с ними толковал; они слушали меня со вниманием и, наконец, спросили: «Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?». Я им отвечал, что земля будет принадлежать мне, но они будут властны ее нанимать у меня.—«Ну, так, батюшка, оставайся все по-старому; мы ваши, а земля наша». Напрасно я старался им объяснить всю выгоду независимости, которую им доставит освобождение».

Такая несговорчивость удивляла тогда помещика Якушкина, а теперь каждый крестьянский подросток поймет, что крестьяне, освобожденные без земли, становились нищими. Ведь с самим Якушкиным могло что-нибудь случиться и кто нибудь из его родственников или даже совсем чужой человек взял бы с крестьян за наем земли столько денег или столько дней работы, что они замучились бы хуже крепостных, имевших свою пашню. Да и сам Якушкин мог потом, поссорившись с крестьянами, лишить их аренды.

Хотя Якушкин был добрым и просвещенным человеком, но он смотрел на дело так, как мог смотреть на него дворянин-помещик, считавший землю своей собственностью, даже и ту, которую обрабатывали крестьяне.

Декабристы сделали попытку восстания не только в Петербурге, но также и на юге, близ Киева, где стояла южная армия.

Там тоже были члены тайного общества, гораздо более решительные, чем петербуржцы. Они хотели не ограничить царя «конституцией», а совсем его свергнуть и объявить в России республику.

Самым замечательным человеком среди южных декабристов был полковник Пестель, после которого остался проект переустройства государства, под названием «Русская Правда» [1]).

Когда оба восстания в столице и на юге были подавлены, началось следствие над арестованными. В нем принимал участие сам Николай I. Он поступал предательски с заключенными, умело обольщал их и запутывал, сам предписал заранее приговор верховному суду, по которому пять человек: Пестель, Бестужев-Рюмин, Каховский, Муравьев-Апостол, поэт Рылеев, были повешены; остальные сосланы в Сибирь на каторгу, где большинство из них погибло. Жизнь декабристов на каторге описана в поэме Некрасова «Русские женщины».

---

[1]) «Не может долее в России существовать позволение одному человеку иметь и называть другого своим крепостным. Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми... Гражданское общество составлено для возможного благоденствия всех и каждого. Сие благоденствие достигается разными средствами и действиями, в числе коих находится необходимость и подати собирать. А поелику все члены имеют равное право на благоденствие, то все члены имеют равную обязанность содействовать водворению оного. Сверх того, одно только злонравие может все тягости возлагать на одних, а других всеми выгодами осыпать. Честный человек без угрызения совести не может пользоваться трудами и пожертвованиями ближних без всякого со своей стороны возмездия или соучастия. А потому и не может дворянство от податей быть освобождаемо. Оно должно со всеми прочими россиянами разделять не только все государственные выгоды, но равным образом и все государственные тягости»...

Вот что писал, между прочим, Пестель в своей «Русской Правде».

43. Развитие фабричной промышленности.

Еще в Петровское время стали возникать в России работавшие вручную фабрики—мануфактуры. Петр всеми силами старался насаждать фабричную промышленность. Так как для нее не хватало рабочих рук, то он незадолго до своей смерти разрешил фабрикантам покупать и получать от казны крепостных крестьян, которые и приписывались к фабрикам. При Петре возникло более 200 фабрик.

На крепостной фабрике XVIII века, конечно, для рабочего была не работа, а каторга. Работать приходилось в грязном, холодном помещении. Недаром отдавали на фабрику и преступников, приговоренных к каторжным работам. Жить приходилось впроголодь, одеваться в лохмотья и за каждый изъян в работе получать побои кнутом или батогами. Понятно, что на такой подневольной работе никто не старался сделать на совесть, а только бы сбыть с рук. Да и условия работы сами были помехой. Уж на что старался и Петр и после него все правительство, чтобы изготовлялось хорошее сукно для солдатских мундиров и шинелей, а оно всегда выходило буграми, в желваках и потому едва хватало на один поход. Все оттого, что крыши фабричных корпусов были дырявые и мусор валился на станки, портя работу. Да и работать приходилось в полутьме.

При таких условиях фабричная промышленность не могла развиваться, даже работа кустаря-крестьянина, приготовлявшего пряжу у себя в избе из полученного от фабриканта материала, была лучше, выгоднее продавалась. И потому фабричная промышленность глохла.

Только в начале XIX века оживилась русская промышленность, особенно с тех пор, как Александр I, по договору с Наполеоном, прекратил было обмен товарами с Англией. Когда не стало английских тканей, в России быстро народились фабрики, изготовлявшие только что вошедшие тогда в моду бумажные ткани. Раньше их в России почти совсем не выделывали.

Когда сношения с Англией возобновились, правительству пришлось ввести высокие пошлины на привозные из Англии ткани, потому что русские фабриканты этого непременно добивались. Конечно, привоз товаров от этого из Англии не прекра-

тился совсем, но значительно сократился, и товары вздорожали. А главное, англичане должны были привозить в Россию не готовые бумажные материи, а пряжу для их изготовления. Тканьем занялись уже русские фабрики. Русский ситец стали приготовлять из русской пряжи.

На этих ситцевых фабриках работали уже вольнонаемные рабочие. Фабриканты поняли, что подневольный труд невыгоден, и стали рабочих нанимать, особенно, когда ввели машины, требующие внимания, бережного отношения.

Только вот нанимать-то приходилось помещичьих крепостных, отпущенных барином на оброк. Такой крепостной рабочий из своего заработка должен был уделять значительную долю своему помещику за то, что тот его отпускал на работу. Это и называлось «оброком». Но помещик мог и отозвать своего крепостного с фабрики и не соглашаться получать оброк. Он так и делал, когда задумывал сам у себя завести такое же производство и ему нужен был обученный рабочий, мастер своего дела. Фабриканту это было совсем неудобно—обучится у него рабочий и уйдет.

Было в крепостном праве еще одно неудобство для русского фабриканта: ситцы свои он должен был продавать крестьянам, чтобы иметь настоящую выгоду, потому что крестьян было много, а городских жителей в первой половине XIX века было только 6% всего населения. Но крепостной крестьянин был плохим покупателем: из него барин выколачивал все, что мог, и на покупку ситцев и шелков у него ничего не оставалось. Он сам и его семья поневоле ходили в домотканной холстине, ситец считался для них недосягаемой роскошью.

Приходилось русскому ситцу пробиваться на какие-нибудь иноземные рынки. В Европе были свои фабрики, лучше наших, но Николай I успешно воевал с Персией, сначала и с Турцией, и все для того, чтобы проложить «вооруженной рукой российской торговле новые пути». И действительно, в Персии, отсталой, необразованной стране, наши русские ткани нашли себе сбыт.

Из-за Турции вспыхнула вторично тяжелая война, в которую вмешались европейские государства, тоже стремившиеся безраздельно господствовать и торговать в этой отсталой стране. Они послали свой флот в Черное море.

Война эта, длившаяся почти три года, кончилась для России неудачей, хотя русские войска в Севастополе, осажденном французами и англичанами, проявили много мужества и выносливости. Осада Севастополя длилась почти год, и город был покинут защитниками только тогда, когда от обстрела европейцев превратился уже в развалины.

44. Падение крепостного права.

Крепостное право мешало не только развитию промышленности, оно вообще задерживало развитие хозяйства в России.

Сельское хозяйство в первой половине XIX в. велось самым устарелым способом. Земля истощалась посевом одних хлебов, плохо удобрялась, так как у крестьян не хватало навоза; искусственных удобрений не было и в помине. Когда земля выпахивалась до того, что не давала никакого урожая, ее оставляли отдыхать, и она заростала сорными травами, что, конечно, не способствует отдыху почвы.

Только немногие помещики перенимали у европейцев лучшие способы обработки земли: разделяли ее на несколько полей и поочереди, после хлеба, сеяли такие растения, которые не только не истощают земли, но даже удобряют ее для нового посева хлебов. Она при таком правильном «плодосмене» не должна пустовать для отдыха.

Просвещенные, образованные помещики заводили много скота, кормили его корнеплодами и от этого имели много молока, масла, сыра, а также и много навоза для удобрений полей и огородов. Корнеплоды, как давно уже было установлено наукой, тоже дают почве хороший отдых после хлебов. Для обработки земли заводили также хорошие плуги; для сбора урожая жатки, косилки, молотилки, вместо стародавних серпов, кос и цепов, которые только мучают, заставляют страдать человека, а работают гораздо хуже машин. (Недаром летние полевые работы с ручными косами и серпами всегда назывались и называются у наших крестьян до сих пор «страдою».)

Но таких помещиков, которые вводили у себя улучшенное хозяйство, было мало. И для ведения такого разумного хозяйства они предпочитали не пользоваться трудом своих крепостных, а нанимали вольных рабочих из отпущенных на волю

совсем или из тех, которые другими помещиками выпускались на оброк, на отхожие заработки.

Понятно, что в улучшенном, разумно поставленном сельском хозяйстве нужны свободные рабочие, нанятые по вольному найму. Машины, применяемые в сельском хозяйстве, требуют внимательного отношения, а забитый, отупелый крепостной работник только портил машину и калечил себя неумелым с нею обращением. Но свободных рабочих рук в крепостной России было мало, не хватало их, как мы знаем из прошлой беседы, и для фабрик, не хватало также и для улучшенного сельского хозяйства.

Значит, таким улучшенным хозяйством трудно было разрастаться при крепостном праве. Их рост был задержан еще и потому, что помещики вообще были, за немногим исключением, совсем не просвещенными людьми и не были в массе богатыми настолько, чтобы завести нужные машины. Они не улучшали хозяйства, главным образом, оттого, что с детства привыкали к мысли, что заботиться им не о чем—крепостные их прокормят.

Но все-таки понемногу улучшения вводились, потому что хлеб выгодно стало продавать и, значит, стоило его добывать больше. По мере того, как европейские страны, особенно Англия, развивали у себя фабричную промышленность, они все больше нуждались в привозном хлебе и покупали этот хлеб в России.

Значит, выгодная торговля хлебом толкала самих помещиков на улучшение хозяйства, а, следовательно, и на уничтожение крепостного права. Но далеко не все помещики это сознавали. Они запутывались в долгах, закладывали свои имения и крепостных, а перемен продолжали бояться; не знали, как будут жить без привычного дарового труда.

Крестьяне, конечно, очень тяготились крепостной неволей, но они были темные, неграмотные, сговориться все вместе никак не могли. Россия, при своей огромности и при плохих дорогах, всегда жила вразброд. Крестьяне одной губернии не знали, что делается в другой. Но все-таки от крепостной неволи им приходилось настолько плохо, что бунты в царствование Николая I не прекращались. Все это вместе—и задержка в развитии промышленности и сельского хозяйства, и бунты крестьян—заставляло Николая I задумываться над необходимостью отменить

крепостное право. Он над этим и думал всю жизнь, но умер во время неудачной Крымской кампании, ничего для помещичьих крестьян не сделав.

Реформу, перемену в положении крепостных, провел его сын Александр II, вступивший на престол в 1855 году.

Александр II вначале тоже колебался. Через год после своего воцарения, во время коронации, он сказал в одной речи, обращенной к дворянам: «Слухи носятся, что я хочу объявить освобождение крепостного состояния... Это несправедливо... Вы можете сказать это всем, направо и налево... Я не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого; мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы со мной одного мнения; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу».

Из этих слов мы видим, что Александр II боялся, что крестьяне поднимут восстание и сами себя освободят, как они и пытались это сделать при Пугачеве. Александр II знал, что крестьяне живут так плохо, что даже прирост населения остановился среди них. (Значит, умирало больше, чем рождалось.) Это всегда указывает на очень плохое состояние народа.

После долгих колебаний Александр II решил все-таки крепостное право отменить, о чем и было объявлено манифестом 19 февраля 1861 года.

Крестьяне были освобождены с землей. Земельные наделы были различны в разных частях России. Но крестьяне не получили всей земли, которую раньше обрабатывали. Их наделы не лежали в одном месте; поля были отдалены иногда друг от друга помещичьей землей. От этого образовалась «чересполосица».

За землю крестьяне должны были уплатить довольно дорого, местами гораздо дороже, чем стоила земля в вольной продаже [1]).

---

[1]) Всемирно известный революционный писатель П. Кропоткин писал в своих «Записках революционера»: «Для многих помещиков освобождение крестьян оказалось в сущности выгодной сделкой. Так, например, та земля, которую мой отец, предвидя освобождение, продавал участками по одиннадцать руб. за десятину, крестьянам ставилась по сорок рублей, т.-е. в $3^1/_2$ раза больше. Так было везде в нашей округе. В Тамбовском же степном имении отца мир снял всю землю на двенадцать лет, и отец получил вдвое больше, чем прежде, когда землю обрабатывали ему крепостные».

Эти «выкупные платежи» казна с крестьян взыскивала много лет. А помещикам за выкуп земли, отданной крестьянам, государство уплатило сразу.

Крестьяне, после отмены крепостного права, были соединены в сельские общества с выборным старостой. Эти общества, за круговой порукой, должны были уплачивать подати в казну. Если кто-нибудь из односельчан не платил своей доли, за него должен был сообща платить весь «мир», все общество. Поэтому общество очень неохотно выпускало из деревни отдельных плательщиков. Это делало крестьян не совсем свободными. От помещика крестьяне продолжали зависеть, потому что им приходилось у него снимать покосы, выгоны, пашню, если им надельной земли не хватало. За все это они платили помещикам «отработкой», которая очень напоминала прежнюю барщину, или «испольщиной», т.-е. отдавали половину урожая с арендованной полосы или покоса. Все это стесняло крестьян в их хозяйстве, и потому они и после 1861 года продолжали волноваться.

В селе Бездне, Казанской губернии, даже при самом объявлении об отмене крепостного права произошло волнение. Там крестьяне, как и в других деревнях, не хотели верить, что они не сразу получают волю и не вся земля им отходит. Нашелся среди них грамотный старик Антон Петров, который стал толковать «Положение» об освобождении крестьян так, будто воля дана уже с 1858 года.

К нему стекались толпы народа из соседних деревень.

Хотя народ не выступал против помещиков, но те испугались, призвали военную часть, и она залпами разогнала крестьян, при чем пострадало до 300 человек. Антона Петрова схватили и расстреляли—только за то, что неправильно читал манифест.

45. Образование и просвещение.

С образованием на Руси всегда было плохо. Образование в других странах начиналось с городов, где были школы, университеты, академии. А в нашей сельской Руси городов было мало, народ жил бедно, напрягая все силы на то, чтобы содержать разросшееся государство. И чем больше оно расширялось и крепло, тем больше трудящиеся массы народа хирели и истощались. Им было не до того, чтобы образовать свой ум. Ино-

странцы еще в XVII веке писали о Московии: «Здесь умы у народа тупы и косны». Так же пишет о своих сородичах дьяк Котошихин, убежавший из Москвы заграницу: «Российского государства люди породою своею спесивы и необычны во всякому делу, понеже в государстве своем научения никакого доброго не имеют и не приемлют».

Котошихин правильно заметил, что «не приемлют». В допетровской Руси дело образования и просвещения было целиком

В древне-русской школе. С рисунка в букваре 1701 года.

в руках суеверного духовенства. Школы были только духовные. Грамота была церковно-славянская. А духовенство считало, что «богомерзостен всяк, любяй геометрию». В древнерусской школе приходилось детям учиться «со многим трудом и биением». Розга считалась самым лучшим вразумителем. Розгу старые книги воспевают в стихах:

Розгою Дух Святой детище бити велит.
Розга убо ниже мало здоровию вредит,
Розга разум во главу детям вгоняет...

Учитель сам знал очень немного, избегал что-нибудь детям объяснять, заставляя их только долбить склады, а потом Часо-

слов, Псалтирь. Понятно, что такое «книжное научение» не могло образовать ум, не могло просветить человека. А ведь и в такие-то школы попадали очень немногие. Даже священники бывали неграмотны и служили наизусть, заучив всю службу с голоса.

При Петре появилась в Москве школа «математических и навигацких, т.-е. мореходных, хитростно искусств учения». Так назвал он ее в своем указе. Петр сам, как мы уже знаем, был самоучкой. Учили его по старинке и потому он всю жизнь даже писал безграмотно. Но науки он ценил необычайно, придавал огромное значение образованию.

Только со своим обычным нетерпением он и науки хотел вколотить насильно и немедленно своим подданным. За непосещение «навигацкой математической» школы били плетьми, гоняли сквозь строй. По указу Петра за побег из школы грозила смертная казнь. Петр был очень груб и любил все свои указы украшать такими угрозами. В этой математической школе тоже мало объясняли, а долбить наизусть приходилось изрядно. Заучивались, например, такие определения: «Арифметика или числительница есть художество честное, независтное и всем удобопонятное, многонужнейшее и многохвальнейшее, от древних же и новейших в разные времена явлшихся изряднейших арифметиков изображенное и изложенное».

Конечно, внушать уважение и доверие к арифметике приходилось, так как москвичи были уверены, что в математической школе учат молодежь чернокнижники, немецкие колдуны, которые смотрят в небо через дьявольские, бесовские трубы.

Петр сам был еще очень суеверен: при нем все время судили и мучили людей, заподозренных в колдовстве; но он всеми силами стремился приобщить Россию к европейской науке, поднять в России просвещение. Сознавал он и свое несовершенство, про себя он писал: «аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую», хотя и был в то же время человеком самомнительным, считал себя и хирургом, и зубным врачом, потому что выучился щипцами дергать зубы.

Чтобы сделать книги доступнее, Петр приказывал печатать их на разговорном языке и сам придумал форму для гражданской азбуки, которая и заменила прежнюю церковно-славян-

скую. При Петре открылись «цыфирные» школы, где учили читать, писать и считать. Но для школ этих не хватало учителей и мало было желающих учиться.

Дворянскую молодежь, как мы уже знаем, Петр посылал учиться за границу.

Екатерина II открыла несколько гимназий; в некоторых городах уездные училища, а также закрытые учебные заведения, «институты» и «корпуса» для дворянских детей.

При ней высший слой дворянства позаимствовал из европейских стран уже не только моды, как при Петре, или искусство, как при Елизавете, но и серьезные книги.

Вельможи Екатерины любили читать просвещенных французских писателей, появившихся во Франции перед Великой Французской Революцией, которыми увлекалась сама императрица, хотя это заимствованное чтение не меняло русских нравов и мало распространялось вширь и вглубь.

Но все-таки при Екатерине появился писатель Радищев, о котором мы уже беседовали; появился еще издатель Новиков, который путем «сатиры», насмешки, старался высмеять пороки дворянского общества и царских чиновников, за что и был заточен Екатериною II в крепость.

При Александре I, как мы уже видели, будущие «декабристы» были людьми для своего времени просвещенными, но их было очень мало, и, после жестокой расправы с ними Николая I, свободная мысль как будто замерла в России.

Но Николай I, поддерживая русскую промышленность, заботился о сборе податей, стремился поэтому увеличить число грамотных мастеров, «десятников» и «старост» для деревни; с этой целью открывал школы «уездные» и «приходские».

Для разросшейся промышленности, вводившей машинное производство, нужны были инженеры, которые могли бы руководить производством, и потому при Николае I были основаны Технологический институт и «реальные» гимназии, где преподавали, главным образом, математику, физику, естествознание.

В николаевское время в московском университете появились замечательные профессора, привлекавшие на свои лекции массу молодежи.

Но в то же время министерство народного просвещения, еще в 1817 году соединенное с духовным ведомством, заботилось прежде всего, чтобы «христианское благочестие» не пострадало от «лжеумствования». Вольнодумством считалось решительно все,—и университеты и печать терпели гонения. Правительство боялось «тонкого яда неверия и ненависти к законным властям» и ради этого изгоняло свободную мысль отовсюду.

Но жизнь нельзя остановить, и, несмотря на все стеснения, число образованных людей росло среди лиц разного чина—«разночинцев», как их называли в отличие от дворян, которые до XIX века почти одни исключительно пользовались образованием и просвещением, т.-е. читали книги, слушали лекции, ездили учиться за границу. Сократить число учащихся в университете старались, определив комплект в 300 человек студентов на каждый университет, чтобы не всякий мог в студенты попасть.

При Александре II министр народного просвещения граф Д. А. Толстой все гимназии сделал такими, что в них обучали, главным образом, греческому и латинскому языкам, а естественные науки найдены были вредными. Д. А. Толстой считал, что реальное образование развивает вредные взгляды и «самомнение».

Но все же при Александре II, после падения крепостного права, образование пошло вширь: открыто было много народных школ в городах и в селах. Для подготовки учителей и учительниц были открыты учительские семинарии и женские курсы. В народе стала распространяться грамотность. А то освобожденные крестьяне не могли даже прочесть «Положение»—закон об отмене крепостного права, потому что были поголовно безграмотны. Они при этом сознавали все-таки, что господа не обучали их нарочно—«для того, чтобы они не могли написать себе подложных паспортов и убежать из деревни».

В шестидесятых годах XIX века оживилось не только школьное дело, но и просвещение вообще; появилось много новых журналов, книг, открылись библиотеки, стали возникать вечерние классы для взрослых.

46. Народники и народовольцы.

После отмены крепостного права последовали и другие перемены, «реформы». России надо было догонять европейские

страны, где раньше развилась промышленность и где отменены уже были устарелые порядки. Александр II и его сотрудники реформировали суд. Вместо прежнего бумажного производства и заочного решения введен был гласный разбор дела. На суде обвиняемый мог защищаться с помощью защитника. Виновен человек или нет—решали присяжные, люди, призванные в суд из всех жителей и совершенно со стороны, к судебному ведомству не принадлежащие.

Позднее заменен был рекрутский набор всеобщей воинской повинностью.

Введено было земское самоуправление, которое ведало дорогами, школами, врачебной помощью. В земстве было гораздо больше выборных от дворян-помещиков, чем от крестьян. Вместе с выборными от торгово-промышленного населения дворяне составляли подавляющее большинство в земских собраниях. Таким образом, крестьяне не могли иметь влияния на земские дела, хотя на них легли новые платежи на земские нужды. Земства должны были нести расходы также и на полицию, на расквартирование войск, кроме своих школ и больниц, мостов и дорог.

Крестьяне тяготились платежами, смутно чувствовали, что не избыли опеки барина, что попрежнему их бьет грубый полицейский и порют в волости. Но защищать свои человеческие права крестьяне не умели и с большим недоверием относились ко всякому чужому человеку, особенно если этот человек похож был на «барина».

Тяжелое положение крестьян, которые и после освобождения от крепостной зависимости не были уравнены с помещиками и вообще с людьми богатыми, бросалось в глаза учащейся разночинной молодежи. Как в первой половине XIX века военная дворянская молодежь в лице декабристов возмущалась несправедливостями в государственном устройстве, жестокостью военных приемов Аракчеева, так разночинная молодежь второй половины XIX века возмущалась приниженным положением крестьянина, его бедностью, его темнотой, тяжелой, беспросветной работой, которая выпадала ему на долю. Декабристы знакомились с европейскими порядками после Великой Французской Революции и читали иностранные книги во время своих походов против Наполеона. Учащаяся молодежь 60 и 70 годов

знакомилась с иностранной литературой, уезжая из России в заграничные университеты. Во Франции пережита была в это время уже революция 1848 года, в которой принимали участие рабочие; они были разбиты, не добились улучшения своей жизни. Но зато пробудилось сознание, что необходимо бороться с богатыми, захватившими себе все жизненные блага. Об этом писали передовые писатели в Европе; писали и русские образованные, интеллигентные люди, желавшие изменить несправедливое устройство общества, устройство, при котором одни пользуются всем и богатеют, а другие только трудятся и за это ничего не имеют, кроме куска хлеба, чтобы не умереть с голода. Но таких писателей в России преследовали, ссылали на каторгу. Сослан был писатель Чернышевский. Другим приходилось, во избежание ссылки, покидать Россию, становиться изгнанниками, эмигрантами и писать уже за границей. Эмигрантами стали писатели Герцен, а потом Лавров, Кропоткин. Но писатели эти не давали еще молодежи прямых указаний, как бороться с несправедливым устройством общества. Молодежь сама искала путей, хотела ближе подойти к народу,—от трудящегося люда ближе узнать о его нуждах и, по возможности, внушить ему необходимость борьбы. В чем должна была выразиться эта борьба, для молодежи еще не было ясно. Но молодежь решила все-таки «итти в народ». В 1873, особенно в 1874 году сотни юношей и девушек, переодеваясь в крестьянское платье, отправлялись по деревням, стараясь найти какую-нибудь возможность близкого общения с крестьянами. Это удавалось очень немногим. Крестьяне, запуганные полицией, не решались вступать с неизвестными людьми в какие-нибудь рассуждения. Полиция старалась скорее переловить переодетых «смутьянов» и пускала даже в народе слух, что это помещики, недовольные отменой крепостного права, мутят крестьян, чтобы снова их закрепостить. Не прошло и года, как почти вся молодежь была переловлена, привезена в Петербург, рассажена по тюрьмам. Расправа была чрезвычайно суровой: за мирное «хождение в народ» отправляли в каторжные работы. До суда приходилось сидеть в тюрьме года по два и больше.

Видя, что мирным путем ничего не добьешься, часть народников, составлявших уже тайное общество «Земля и Воля»

составила другое тайное общество—«Народная Воля», во главе которого стали Желябов и Перовская [1]). Это общество решило,

---

[1]) Вот что говорит П. Кропоткин о Перовской: «Софья Перовская была «народницей» до глубины души, и в то же время революционеркой и бойцом чистейшего закала. Ей не было надобности украшать рабочих и крестьян вымышленными добродетелями, чтобы полюбить их и работать для них. Она брала их такими, как они есть, и раз, помню, сказала мне: «Мы затеяли большое дело. Быть может, двум поколениям придется лечь на нем, но сделать его надо»... Известный портрет Перовской очень похож на нее. Он очень хорошо передает ее сознательное мужество, ее открытый здравый ум и любящую душу».

М. Н. Покровский описывает Желябова так: «То была самая крупная личность всей народнической революции. Сын крепостного крестьянина, хорошо помнивший крепостное право,—воля пришла, когда Желябову было уже 11 лет,—в период «движения в народ» он большой роли не играл, но, как организатор заговора, он сразу стал на первое место... Желябов был, однако, гораздо больше чем простым заговорщиком. Он придавал рабочему движению такое значение, как очень немногие народники... Его постоянно можно было видеть в рабочих кружках. Он основал «Рабочую Газету» и составил вместе с некоторыми товарищами программу рабочих членов партии «Народной Воли». В этой программе определенно говорилось: «царская власть в России заменяется народоправством», «вся земля переходит в руки рабочего народа и считается народной собственностью».

Еще до Желябова в 1862 г. в России появился листок, напечатанный в тайной типографии под заглавием «Молодая Россия». В этом листке были выставлены требования, которые осуществляются только теперь, т.-е. ровно 60 лет спустя. «Молодая Россия» требовала «изменения деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей». Она требовала «общественных фабрик, управлять которыми должны лица, выбранные от общества». Требовала «заведения общественных лавок, в которых продавались бы товары по той цене, которой они действительно стоят, а не по той, которую заблагорассудится назначить торговцу для своего обогащения».

Листок этот начинался словами: «Россия вступает в революционный период своего существования»... В ту пору это многим казалось неверным, даже смешным, и только теперь, оглядываясь назад, мы видим, что тогда молодежь угадала: действительно, наша современная революция зародилась тогда и зрела и крепла в умах целые полвека.

Обращаясь к императорской власти, «Молодая Россия» спрашивала: «Думаете ли вы остановить революцию? Думаете ли запугать революционеров? Или до сих пор вы не поняли, что все эти ссылки, аресты, расстреливания, засечения на смерть мужиков ведут к собственному же вашему вреду, усиливают ненависть к вам и заставляют теснее и теснее смыкаться наши ряды?»...

И в этом «Молодая Россия» оказалась права—правительству не удалось запугать тех, кто начал борьбу против отжившего устройства общества.

что для свободного общения с народом необходимо прежде всего свергнуть самодержавное правительство. Народовольцы думали свергнуть его путем политических убийств, путем устрашения—«террора» (от латинского слова террор—страх).

Они стали убивать полицейских, губернаторов, а потом, 1 марта 1881 года, убили и самого Александра II.

Но после этого полицейские преследования стали еще строже, и народовольцы были почти совсем уничтожены: казнены и заперты по тюрьмам. Казнены были Желябов и Перовская.

47. Железные дороги. Фабрики. Начало рабочего движения.

Во второй половине XIX века в России начали строиться железные дороги, которых до того у нас не было. Железнодорожная сеть в двадцать тысяч верст была построена очень быстро. Это дало возможность развозить товары на далекое расстояние. Возить товары на лошадях гораздо дольше и дороже, чем по железной дороге. Очень усилился и вывоз русского хлеба заграницу. Но цена на наш хлеб заграницей от этого только падала, тем более, что в Европу стало поступать очень много хлеба из Америки.

Падение цен на хлеб тяжелее всего отразилось на русских крестьянах, потому что и помещики, и купцы перекладывали все свои убытки на них, страшно повышая арендную плату за землю. А мы уже знаем из прошлых бесед, что крестьяне при падении крепостного права получили не всю землю, которую обрабатывали раньше. В общем, они потеряли одну пятую из своих наделов, а местами, в черноземной полосе, где земля была дорога, до тридцати процентов, т.-е. почти треть надельной земли у них была отрезана. «Отрезки» приходилось арендовать, и это обременяло крестьян. При падении цен на хлеб крестьянину приходилось платить, например, три пуда ржи за ту десятину, которую он прежде арендовал у помещика за один пуд.

В восьмидесятых годах стало уже ясно, что крестьяне разоряются, так как появилось множество безлошадных крестьянских хозяйств. А без лошади уж какое хозяйство на земле: ни земли не вспахать, ни сена не вывезти. Разорившиеся крестьяне бросали хозяйства и уходили в город, поступали в большом количестве на фабрику. Это давало возможность расширить фабрич-

ную промышленность. Она расширялась и крепла во второй половине XIX века еще и потому, что в угоду фабрикантам правительство облагало иностранные изделия высокими пошлинами. Эти изделия дорожали, и русская промышленность могла, таким образом, соперничать, конкурировать с иноземной. Иностранцы—французы, немцы, бельгийцы—стали тоже вкладывать свои капиталы в русскую промышленность, приносящую большие доходы.

В семидесятых годах Александр II вел удачные войны на востоке, присоединены были к России Закаспийская область и Туркестан, и таким образом Россия получила свой хлопок. Это растение, требующее жаркого климата, в Туркестане разводилось в большом количестве. Московские ситцевые фабрики стали с тех пор работать не только с английским, но и с русским хлопком. Это имело очень большое значение для русской промышленности.

Промышленность развивалась: открывалось много новых фабрик и заводов, скоплявших в стенах своих множество рабочих. Но каково же жилось этим рабочим, из которых многие недавно только покинули деревню? Им жилось очень плохо. Трудно даже представить себе, как могли люди жить в таких условиях. Например, на московских ткацких фабриках в начале 80 годов рабочие почти всегда спали на своих ткацких станках. Не имели не только своей комнаты, но даже своей кровати. Если ткач был семейный, то на станке, длиною в $2^1/_2$ аршина и шириною в два аршина, с ним вместе ютилась и вся его семья. Если рабочие жили в казарме, то полагалась одна маленькая комната на две семьи. Питались плохо, работали по 14 часов в сутки. Здоровье рабочего вовсе не было охранено; увечья, например, получала большая половина рабочих, занятых в слесарных и токарных мастерских. Фабриканты донимали рабочих невозможными штрафами и доводили их этим до стачек. Тогда все по уговору бросали работу, и производство поневоле приходилось приостанавливать.

Мы уже видели из прошлых бесед, что крестьянам было очень трудно бороться за улучшение своей жизни потому, что они были разорены, каждый привык думать только о себе, работая сам на своем наделе.

А рабочих объединяла работа совместная в одной мастерской, поэтому им легче было начать сообща бороться с притеснявшими и обиравшими их фабрикантами.

Народническая молодежь, о которой мы говорили в прошлой беседе, обращала свои взоры, главным образом, на крестьян, ждала от них отпора правительству; но работа среди фабричных рабочих шла гораздо успешнее, чем среди крестьян

Та учащаяся молодежь, которая поступала на фабрики или вела на фабриках занятия с фабричным людом, находила среди него стойких товарищей. Многие рабочие уже привлекались к суду вместе с курсистками и студентами за распространение листков, призывающих к борьбе, к бунту.

В 1876 году учащаяся молодежь вместе с рабочими вышла впервые на Казанскую площадь, чтобы показать, «демонстрировать» свои силы. В этой первой демонстрации участвовало всего 200 человек, но для того времени это было много. Молодой студент Г. В. Плеханов, ставший потом известным писателем и вождем рабочих, тут впервые произнес речь и развернул красное знамя. Демонстрацию очень быстро рассеяла полиция, но потом, уже в XX веке много раз студенты и рабочие собирались на этой площади, делая смотр своим силам.

Для чего же нужно было рабочим учитывать свои силы? На какую борьбу они готовились?

Они готовились бороться за коренные изменения в устройстве человеческого общества и не только у нас в России, но и во всем свете. За эту борьбу брались не только русские рабочие, но и рабочие всех стран, не только взрослые, но и подростки.

Ученые писатели второй половины XIX века, изучавшие устройство общества в разные времена, пришли к убеждению, что человеческое общество развивается по определенным законам; можно изучить эти законы и, проследив все прежние перемены, предвидеть, как изменится в дальнейшем общество. Сейчас оно делится на классы: на людей имущих и неимущих. Богатые, скопившие деньги торговлей, открывают фабрики и заводы, нанимают рабочих и дают им заработную плату, чтобы рабочие могли прокормиться. Все, что сработано, фабриканты продают с барышом. Но этим барышом никогда не делятся с рабочими, а только богатеют сами, строют все больше фабрик и заводов.

Когда товаров изготовлено столько, что их некому купить, фабриканты и заводчики—«капиталисты» побуждают правительство завоевывать другие страны, еще отсталые, где меньше развита промышленность и где можно найти сбыт товарам, не продающимся у себя. Из-за этого все время происходят войны. Эти войны выгодны только для капиталистов, рабочие же и крестьяне должны итти на войну, покидать семьи на голод и нищету и сами умирать ради выгод капиталистов. Но так не может продолжаться всегда. Чем больше развивается промышленность, тем больше становится рабочих, сплоченных общими интересами, потому что всем им тяжело работать для обогащения других и жить всегда в бедности, стеснении и в зависимости от капиталистов. Рабочие начинают сознавать свой общий интерес, и не только рабочие отдельных стран стараются сплотиться, но и трудящиеся всего мира стремятся сговориться между собой и произвести коренной переворот в устройстве нынешнего «капиталистического общества» [1]), чтобы построить жизнь на основах науки, уничтожить «классовое» разделение на имущих и неимущих и начать всем сообща бороться с природой, не уничтожая друг друга. Это учение о нынешнем обществе и о переменах, которые должны в нем произойти в результате рабочего движения и рабочей революции, лучше всего было изложено в книгах немецкого ученого Карла Маркса (умершего в 1883 году), и потому стало называться «марксизмом».

У нас, в России, самыми выдающимися марксистскими писателями были: Георгий Валентинович *Плеханов* и Владимир Ильич *Ульянов*, писавший под именем *Н. Ленина*, под этим именем всем известный.

Оба они не только писали, но и вели пропаганду, т.-е. распространяли марксизм среди рабочих. За это приходилось сидеть в тюрьме и даже уехать, наконец, заграницу, так как царское правительство не переставало их преследовать, так же как и других марксистов, рабочих и писателей.

Но преследования не могли остановить начавшегося рабочего движения. В результате этого движения вспыхнула революция 1905 года, кончившаяся для рабочих и крестьян неудачей.

---

[1]) Капиталистического значит—такого общества, в котором верховодят, распоряжаются всем капиталисты.

48. Реакция при последних царях. Революция 1905 года.

После 1 марта 1881 года на престол вступил сын Александра II — Александр III. Его короткое тринадцатилетнее царствование было все проникнуто стремлением укрепить самодержавие, подавить всякое революционное движение.

Незавершенные реформы своего отца Александр III постарался изменить так, чтобы всюду—и в судах, и в земстве—усилить надзор правительства и снова усилить дворянство. Он хотел по возможности затормозить и даже повернуть обратно реформу государственного устройства. Такое стремление называется реакцией (в переводе точном—обратное действие). Но жизнь нельзя остановить и, тем более, повернуть обратно. При Александре III с виду, как будто все успокоилось, но революционное движение, как принято было говорить,—ушло в подполье, затаилось, хотя не переставало развиваться.

В 1891 и 92 годах Россию постиг страшный неурожай, вызвавший голод в деревне и повальные болезни. Некоторые писатели, марксисты, доказывали, что голодовки возможны только в бедной, отсталой стране, где хозяйство ведется неправильно: у крестьян нет запасов зерна, чтобы обернуться в неурожайные годы, и нет других заработков, кроме посева одного хлеба, истощающего выпаханную землю.

Таких писателей правительство преследовало, хотя всем было ясно, что они правы. Бедность русской деревни стала всем очевидна.

Марксисты, о которых мы говорили в прошлой беседе, между прочим и Ленин, писали всегда, что только революция, коренной переворот поможет крестьянам устранить окончательно остатки крепостного строя, разорительные для деревни, влекущие за собой отсталость и темноту крестьян.

В 1894 году вступил на престол Николай II, старший сын Александра III; он сразу выразил намерение следовать примеру своего отца: твердо и неуклонно охранять самодержавие.

И действительно, при Николае II продолжалась реакция такая упорная, что вызывала раздражение даже имущих классов общества, не говоря уже о крестьянах и рабочих.

При Николае II происходили крестьянские волнения в Воронежской, Харьковской, Курской губерниях; их усмиряли при помощи войск и после усмирения нещадно пороли крестьян.

В то же время и рабочее движение приняло грозный характер для самодержавия: прежние экономические стачки, которые устраивались рабочими для того, чтобы добиться повышения заработной платы, сменились стачками политическими, направленными против царской власти.

Политические стачки сопровождались манифестациями. Рабочие выходили на улицу со знаменами, на которых, кроме требования восьмичасового рабочего дня, стали появляться слова: «Долой самодержавие!». Рабочие поняли, что при самодержавной власти, лишавшей их свободы союзов, свободы собраний, закрывавшей рабочие газеты и преследовавшей за стачки, они не смогут бороться даже за улучшение своего экономического положения, т.-е. за сокращение часов работы и за увеличение заработной платы, а не только за переустройство всего общества, за уничтожение классового различия между людьми.

В девяностых годах возник в Петербурге «Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса». Он стал руководить рабочим движением: из него и из других таких же союзов развилась потом рабочая партия [1]).

---

[1]) Не легко давалась рабочим борьба с самодержавием: много жизней она унесла. Даже празднование первого мая мирной демонстрацией (шествием по улицам) не обходилось без кровопролития. Когда рабочие отказывались в свой майский праздник выходить на работу, полиция врывалась к ним на квартиры и тащила силой на завод. Конечно, рабочие не оставались спокойными—они осыпали полицию каменьями; иногда вступали в настоящий бой. Раз такой бой на Шлиссельбургском тракте в Петрограде продолжался девять часов. На помощь полиции были вызваны войска. Рабочие засели во дворе карточной фабрики и оттуда и из фабричных флигелей осыпали полицию камнями. Подростки много помогали старшим, выворачивая из мостовой камни для обороны.

Во время одной рабоче-студенческой демонстрации в свалке с полицией на Невском был ранен в голову шашкой мальчик 13 лет, служивший в меняльной лавке. Когда его вывели окровавленного из толпы и привели на перевязку, он с сияющим лицом вынул из-за пазухи сорванное с древка красное знамя. Его спросили: «Зачем ты его спрятал? Ведь за это полицейские могли тебя убить». Он ответил спокойно: «Не попадать же честному знамени в подлые руки».

Волновались не только рабочие и крестьяне; петербургское студенчество тоже требовало отмены запретов, какими была окружена жизнь университетов. Студенты не имели права соединяться даже в земляческие кружки, не имели права устраивать сходки. За каждый найденный у студента подпольный листок, «прокламацию», следовала высылка из столицы или тюрьма. Когда учащаяся молодежь начала волноваться и устраивать демонстрации, Николай II распорядился сдавать студентов в солдаты. Это еще больше раздражало молодежь и всю интеллигентную часть общества. Таким образом, все слои общества были возмущены, кроме самых отсталых реакционеров (одобрявших реакцию).

Фабриканты и заводчики терпели убытки из-за того, что разоренные крестьяне не могли покупать товары, изготовленные на русских фабриках, надо было искать сбыта товаров в других странах.

Царское правительство решило захватить на Дальнем Востоке китайскую провинцию Манчжурию и полуостров Корею.

Министр Плеве советовал Николаю II начать войну с Японией, которая тоже стремилась к захвату Кореи. Он думал, что маленькую Японию легко будет победить, а война сможет отвлечь внимание общества, разрядить революционное настроение, тем более, что во время войны все полицейские стеснения усиливались. А Плеве, так же как и сам Николай II, думал, что полицейскими преследованиями можно будет победить нарастающую революцию.

Но расчеты правительства не оправдались. Японская война была очень тяжела для России. Русские войска терпели поражения на суше, русский флот был истреблен японцами около острова Цусимы. Война показала неподготовленность правительства даже в военном и морском деле, на которые тратились очень широко народные деньги, выколоченные из крестьян тяжелыми податями, из рабочих налогами и чрезмерным трудом.

Неудачи в японской войне переполнили чашу терпения. Самые отсталые рабочие, которых еще правительству удавалось удерживать от революционной борьбы всякими ухищрениями, не захотели дольше терпеть.

9 января 1905 года, незатронутые марксистской пропагандой рабочие, главным образом, Путиловского завода, расположенного за Нарвской заставой в Петербурге, вышли на улицу с иконами, с царскими портретами и направились было к Зимнему дворцу, намереваясь подать Николаю II петицию (прошение), в которой они, обращаясь к нему, «как к отцу родному», просили вступиться за них и изменить порядки, угнетающие народ [1]). Они предприняли это шествие по совету священника Гапона, незадолго перед тем устроившего, с разрешения и даже на средства полиции, «Общество взаимопомощи» рабочих. Полиция нарочно открывала такие общества в Москве и Петербурге, чтобы отвлечь рабочих от вступления в рабочую партию.

Шествие 9 января было намеренно допущено правительством, чтобы расстрелами устрашить рабочую массу. Путиловцы еще у Нарвской заставы были встречены выстрелами солдатских частей, расположенных в засаде, но это их не удержало: они

---

[1]) Вот петиция путиловских рабочих, подписанная накануне 9 января 1905 года:

«Государь, мы, рабочие, дети наши, жены и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильными трудами, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкали все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества. Нас душит деспотизм и произвол—и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению: для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук». Дальше, перечисляя все, от сквозняков на фабриках до политического бесправия в стране, петиция требовала амнистии, свобод: собраний, слова, печати, союзов и стачек; отделения церкви от государства; восьмичасового рабочего дня, нормальной заработной платы и постепенной передачи земли народу. Петиция требовала созыва Учредительного Собрания на основе всеобщих равных выборов. Кончалась она словами:

«Вот, государь, главные наши нужды, с которыми мы пришли к тебе. Повели и поклянись исполнить их—и ты сделаешь Россию сильной и славной, запечатлеешь имя твое в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу—мы умрем здесь, на этой площади перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и незачем. У нас только два пути—или к свободе и счастью или в могилу. Укажи, государь, любой из них—мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы то и был путь к смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жалко этой жертвы, мы охотно принесем ее». (Л. Троцкий «1905 год»).

рассыпались и по-одиночке пробрались на Дворцовую площадь. Рабочие других заводов подоспели туда же. Тут произошла жестокая расправа с этими безоружными, все еще доверчиво и мирно настроенными людьми. По толпе, без предупреждения, было дано несколько залпов войсками, охранявшими пустой дворец (сам Николай II был в Царском).

Даже ребятишки, забравшиеся на деревья Александровского сада, чтобы удобнее наблюдать необычайное зрелище, были выстрелами сняты оттуда.

Толпа после нескольких залпов рассеялась, но еще до самого вечера конные войска носились по улицам и расстреливали прохожих.

Эта дикая расправа вразумила даже самых отсталых рабочих. Все поняли, что от царя ждать нечего, и с этого времени революционные выступления уже не прекращались.

Царское правительство поспешило заключить мир с Японией. Пыталось пойти на уступки обществу; разрешило студентам сходки в университете; даже соглашалось призвать выборных от населения (кроме рабочих, которые лишены были избирательного права), чтобы подавать советы правительству. Но все эти уступки не смогли остановить волнений, охвативших всю Россию.

В октябре вспыхнула всеобщая забастовка: рабочие прекратили движение поездов, остановили телеграф, почту, все производства, требуя перемены государственного устройства. На студенческих сходках, на рабочих собраниях речи сводились к одному: «Долой самодержавие». Царю пришлось пойти на еще большие уступки.

17 октября 1905 года Николай II издал манифест, в котором объявил, что «ни один закон не сможет восприять силу без одобрения Государственной Думы и Государственного Совета».

В эту Думу выборные от крестьян были допущены в меньшем количестве, чем от дворян и вообще от имущих классов (от буржуазии). Рабочие посылали в Думу незначительное число депутатов. Государственный Совет стал выборным только наполовину.

Законом о Государственной Думе осталась довольна буржуазия—имущие классы, а рабочие, ничего не получившие от

этого закона, продолжали волноваться. Они самостоятельно, по заводам, выбрали своих депутатов и создали свой первый «Совет Рабочих Депутатов», который должен был руководить всем рабочим движением. На заводах рабочие кончали работу после восьмичасового труда и с красными флагами, с пением рабочей Марсельезы и других запрещенных песен выходили на улицу. Полиция попрежнему разгоняла шествия, арестовывала отдельных рабочих и под конец арестовала даже весь «Совет Рабочих Депутатов». В декабре вспыхнуло восстание в Москве, но его усмирили при помощи артиллерии. Арестованные участники восстания были казнены.

Движение было подавлено потому, что рабочие остались одни: им никто не оказал поддержки. Буржуазные слои общества удовольствовались Государственной Думой и, кроме того, их пугала рабочая революция.

Имущие классы хотели ведь только перемены государственного устройства, а не перестройки всего общества и уничтожения классов, как того хотели рабочие, руководимые марксистами и чувствующие, что революция могла бы им дать освобождение от гнета тех, в чьих руках были фабрики, заводы и рудники.

Крестьяне, не получившие в 1905 году почти ничего, кроме отмены выкупных платежей, в сущности, давно уже выплаченных, вскоре отстали от рабочих, потому что не были сплочены, организованы и, по своей темноте, плохо понимали свои интересы.

49. Общеевропейская война и революция в России.

Мы уже говорили в одной из наших бесед, что с развитием крупной промышленности, с ростом фабрик и заводов, на которых ставятся все лучшие машины, все быстрее и совершеннее идет выработка товаров, товарам этим становится тесно у себя дома. Их сработано так много, что некому покупать, и приходится искать сбыта их в чужих странах.

Казалось бы, почему же фабрикант-капиталист (как его называет наука о народном хозяйстве) не прекратит выделку товаров, которых некому покупать, или не пустит их в продажу так дешево, чтобы всякий бедняк мог купить?

Капиталист не может этого сделать, потому что фабрика— его капитал, дающий ему доход. Он для этого ее и построил, чтобы получать доход. Как только он прекратит выделку товаров, он разорится, потому что пропадут те средства, которые он истратил на постройку фабрики и на покупку сырья; хлопка, кожи, железа.

Значит, пока общество устроено так, что рабочие продают свою рабочую силу, чтобы прокормиться, а капиталисты открывают фабрики, заводы, шахты, чтобы получать доход с товаров, сработанных этими рабочими,—всегда будет скопляться избыток товаров, которые надо сбывать куда-нибудь; а из-за сбыта товаров будет конкуренция, соперничество между отдельными странами. В Европе самой богатой страной до сих пор была Англия. Уже в конце XIX века у нее, например, на фабриках прядильной промышленности работало 44 миллиона веретен, тогда как в Германии было всего 5 миллионов веретен, а во Франции немного более пяти.

Если мы посмотрим на карте Европы Англию, мы увидим, что это совсем небольшая страна, величиною с одну нашу большую губернию.

Почему же она стала самой богатой и куда же она сбывает товары, выработанные на ее фабриках?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам надо взять карту всех частей света и посмотреть все английские колонии, все те страны, где Англия хозяйничает и где туземцы вынуждены покупать английские товары.

И не одна Англия обзавелась колониями, чтобы вести мировую торговлю, найти сбыт произведениям своей промышленности и получать для нее сырье. Это сделали все европейские страны. Колонии европейцев, как мы знаем из географии, раскинуты по всему свету. Но эти захваты колоний сильными европейскими державами, это стремление властвовать в мировой торговле—империализм, как теперь говорят (от латинского слова импero—властвовать), конечно, не способствовали мирным отношениям держав между собой. Из-за колоний и вообще из-за рынков для сбыта товаров шли непрерывные столкновения, а в промежутках между стычками все страны усиленно вооружались, готовясь к смертельной схватке.

Народам Европы приходилось и приходится нести страшные жертвы и людьми, которых забирали в солдаты, и деньгами, которые тратились на пушки и снаряды. Чтобы вести мировую торговлю и сноситься с колониями, европейцам нужно было держать не только торговый, но и военный флот, который мог бы охранять товарные и пассажирские пароходы. В конце XIX века появились гигантских размеров броненосцы—военные корабли, закованные в стальную броню. На этих дредноутах (как назвали их англичане) ставятся дальнобойные пушки, способные своими тяжелыми снарядами разрушить всякую морскую крепость, всякий порт.

Сила ума, изобретательность человеческая, все направлено на то, чтобы изобрести самые разрушительные взрывчатые вещества, от действия которых взлетали бы на воздух дома, города, деревни, погибало бы разом возможно больше людей.

Рабочим всех стран давно уже стало ясно, что бессмысленно уничтожать города и корабли, созданные тяжелым трудом самих рабочих. Еще с 1889 года, в котором Париж праздновал столетие Великой Французской революции, стали они съезжаться на свои рабочие съезды—конгрессы интернациональные (по-русски международные), названные так потому, что на них съезжались представители от рабочих всех стран. На этих съездах они решили бороться с войной. Первый же съезд в Париже 1889 года постановил, чтобы рабочие во всех странах праздновали первого мая свой рабочий праздник; сделали бы из него большую международную манифестацию в целях установления общего мира между народами.

А между тем имущие классы, буржуазия и правительства европейских государств, не переставали спешно готовиться к войне; заключать между собою союзы, чтобы, разделясь на два лагеря, напасть друг на друга в смертельной схватке.

Германия соединилась с Австрией и Италией. Россия сблизилась с Францией и Англией. Кроме стран далеких, европейским державам надо было как-то поделить Турцию, потому что она отстала в промышленности и в ней можно было найти сбыт своим товарам и некоторое сырье.

В июле 1914 года вспыхнула, наконец, общеевропейская война, самая крупная в истории человечества.

Почти весь мир разделился на две враждующие стороны. Италия перешла на сторону Франции, Англии и России; к ним же присоединилась Япония, а под конец войны Соединенные Штаты Америки.

Война эта принесла неисчислимый вред человечеству: целые области, плодородные, возделанные, обратились в пустыню; сады, виноградники были разрыты шрапнелями; весь верхний плодородный слой земли был снесен пушечным обстрелом, и вывороченные торчали наружу камни, известка, глина подпочвенных слоев. Города были разрушены до основания, сожжены редчайшие библиотеки. Как будто на Европу нагрянули какие-то дикари и постарались уничтожить все, что создано упорным трудом и наукой. Разорение несла за собою война даже и богатым странам, а каково же было России?

Что царская Россия на много беднее других держав, это было хорошо известно и союзникам, ссужавшим ее деньгами, и противникам.

Во время войны в 1915 году один английский журнал делал подсчет тем потерям и убыткам, какие несет человечество убитыми людьми. При этом люди, для удобства расчета, расценивались на деньги, как и все прочие убытки. Принято было в расчет, что могли бы эти убитые люди заработать, если бы остались живы, сколько могли бы скопить от различных доходов своих. И расценка получалась далеко не одинаковая. Тогда как англичанин расценивался (переведя на русские довоенные рубли) в 6 тысяч рублей, француз—в 5 тысяч рублей, немец в $4^1/_2$ тысячи, русский и турок—всего в 2.750 рублей за человека.

Такая низкая расценка была вызвана низким уровнем производительности труда в России, низкой заработной платой и незначительным размером скопленного богатства всей страны. По тому же расчету английского журнала, в Англии на человека приходилось: имущества—3.900 руб., годового дохода 490 руб. и сбережений в год 82 довоенных рубля; это, считая всех грудных младенцев. А в России имущества на голову приходилось—700 руб., годового дохода—88 руб., а сбережений 15 рублей.

Из этих цифр видно, что Россия была раз в пять беднее Англии, значит, и воевать ей было гораздо труднее; тем более, что правительство Николая II оказалось таким же неподготовлен-

ным к этой войне, как и всегда бывало прежде. Английские, французские, немецкие солдаты были хорошо одеты, накормлены и вооружены; русским же зачастую приходилось итти в бой разутыми, плохо одетыми, голодными и даже без ружьей, так как ружей не хватало для всех. Для пушек у русских тоже не хватало снарядов.

Все эти непорядки не могли не броситься в глаза солдатам. В начале войны, когда русские войска наступали, солдатам пришлось побывать заграницей. Они видели, что даже в неплодородной Пруссии люди живут совсем иначе, чем в России, хозяйство лучше поставлено, народ богаче и образованнее.

Калеки, разбредавшиеся по своим деревням, разнесли по всей крестьянской России сведения, добытые ими на войне, указывавшие ясно, что самодержавная власть не в силах устроить государство так, чтобы оно не отставало от других стран в хозяйстве и образованности. Несмотря на то, что во время войны цензурные строгости были усилены, что никто не смел писать о непригодности самодержавной власти, народ убеждался в этом сам на каждом шагу, и в особенности узнавали это солдаты, те самые покорные русские солдаты, которые прежде по приказу царя расстреливали своих же братьев рабочих во время волнений и стачек, пороли по деревням крестьян, усмиряя крестьянские бунты.

А Николай II по-прежнему был уверен, что можно управлять страной по-своему, не обращая внимания на недовольство всех слоев общества. Потому что после трех лет неудачной войны все, кроме небольшой кучки приближенных к царю, осыпанных его милостями, были недовольны правительством, вовсе не желавшим соблюдать даже обещаний, данных в манифесте 17 октября 1905 года. Государственная Дума, установленная этим манифестом, не имела никакого значения. Ее разгоняли, назначали новые выборы, прерывали ее занятия тогда, когда надо было издать какой-нибудь несправедливый закон без ее рассмотрения.

Общее недовольство правительством было так велико, что когда, из-за недостатка хлеба, в столице начались волнения, и появились на улице толпы рабочих, требовавших хлеба, даже казаки отказались разгонять народ нагайками, как они это делали прежде. Четыре дня продолжались схватки рабочих

с полицией. Наконец, 28 февраля 1917 года восставшие взяли верх. Солдаты давно уже начали переходить на сторону рабочих. Было выбрано «Временное правительство» Государственной Думой и «Советом Рабочих и Солдатских Депутатов», успевших сорганизоваться в первые же дни революции.

Николай II был низложен и подписал отречение от престола за себя и за сына.

Но и «Временное правительство» не удержалось у власти. Рабочие и солдаты, помня 1905 год, недоверчиво относились к буржуазии, стремившейся остановить революцию на переменах только в государственном устройстве. Но рабочим мало было свергнуть царя. Они стремились, также как и солдаты, и крестьяне, возможно скорее прекратить войну, измучившую народ, а затем изменить и самое устройство общества, уничтожить классовое его разделение. Крестьяне же кроме того стремились получить землю.

Вот что писал об этом Ленин 15 апреля 1917 года, обращаясь к солдатам в газете «Солдатская Правда»:

«Большинство солдат из крестьян. Всякий крестьянин знает, как угнетали и угнетают народ помещики. А в чем сила помещиков? В земле. У помещиков десятки миллионов десятин земли. Поэтому миллионам крестьянских семей ничего не остается как итти в кабалу помещикам. Никакие «свободы» не помогут крестьянам, пока помещики владеют десятками миллионов десятин земли.

Надо, чтобы все земли помещиков отошли к народу. Надо, чтобы все земли в государстве перешли в собственность всего народа. А распоряжаться землей должны местные Советы Крестьянских и Батрацких Депутатов.

Как добиться этого? Надо немедленно устраивать по всей России, в каждой без исключения деревне, Советы Крестьянских и Батрацких Депутатов, по образцу Советов Рабочих и Солдатских Депутатов в городах. Если сами крестьяне и батраки не объединятся, если сами не возьмут собственной судьбы в свои собственные руки, то никто в мире им не поможет, никто их не освободит от кабалы у помещиков.

А чтобы сами крестьяне на местах могли немедленно взять всю землю у помещиков и распорядиться ею правильно, соблю-

дая полный порядок, оберегая всякое имущество от порчи,— для этого надо, чтобы солдаты помогли крестьянам.

Крестьяне, солдаты, рабочие—огромное большинство в государстве. Эго большинство *хочет*, чтобы все земли немедленно перешли в руки Советов Крестьянских Депутатов. Никто не сможет помешать большинству, *если* оно хорошо организовано (сплочено, объединено), *если* оно сознательно, *если* оно вооружено.

Солдаты! Помогите объединению и вооружению всех рабочих и всех крестьян!

Солдаты! Объединяйтесь сами крепче и теснее сливайтесь с рабочими и крестьянами! Не давайте вооруженной силы отнять из ваших рук.

Тогда, и только тогда народ получит всю землю, народ избавится от кабалы у помещиков».

15 октября того же 1917 года произошел новый переворот. Временное правительство было арестовано, и власть перешла к «Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов», который и взял на себя руководство продолжающейся революцией. В Москве и во всей стране, по волостям, уездам и губерниям, возникли «Советы», и Россия из «империи Романовых» превратилась в «Советскую республику».

Указания для учителя.

Настоящий учебник, по техническим соображениям, приходится сжать до минимума. Это, конечно, отразилось на содержании (элементарный учебник не должен быть слишком кратким). Приходится дать только канву тех бесед, которые будут проводиться на уроках.

Для начинающего учителя даются ниже указания: как справляться с предложенным материалом, как добиваться прежде всего самостоятельной проработки учащимися той или иной темы, т.-е. как применить трудовой метод.

Первый урок о первобытном человеке лучше всего проработать на экскурсии, прогулке. В классе нельзя создать такого настроения, как в лесу. не сможет так работать детское воображение. Надо добиться, чтобы дети сами, перенесясь мысленно в девственный лес, окружавший первобытного человека, сделали вывод о тяжелых условиях его борьбы за существование, о чрезвычайной медленности прогресса вначале, когда человек не имел никакого досуга, весь поглощенный поисками пищи грубой, малопитательной, не способствующей развитию мозга. Подвести к выводу об огромном значении перемен в жизни человека, вызванных появлением огня в его обиходе. улучшенных орудий, возможных при разделении труда в человеческой орде. Показать, затем, в лесу хотя бы постройку шалаша из веток, развитие языка в процессе совместной работы.

При малейшей возможности следует посетить с детьми музей и показать им воочию орудия каменного века. Рисующим предложить зарисовать их для школьного кабинета-музея. Такое серьезное поручение заставляет детей сразу серьезно отнестись к новому предмету и усиливает внимательность. Подробный план экскурсии в энтографический отдел музея при Академии Наук в Петрограде дан в № 4 журнала «Экскурсионное дело» (изд. Госизд.).

Прорабатывая с детьми 2 главу: «Откуда мы знаем о первобытном человеке», необходимо пройти на берег реки, оврага или хоть ямы, где копают глину, и показать, что земля в разрезе слоистая, состоит из пластов. Когда дети сами покопаются в пластах, они заметят, что в глине или песке

попадаются раковины, камешки и выведут заключение, что все эти предметы одновременно с пластом залегли в землю. Потому что, нарушив целость слоя, зарыв в него что-нибудь, они не смогут ее восстановить. Это следует непременно им самим проделать, тогда они убедятся в том, что можно, зная возраст земного пласта, знать срок, какой кости человека пролежали в нем. Можно определить, захоронены ли они после. Десятилетки все это отлично смогут понять, особенно, если они по природоведению знают уже что-нибудь по неживой природе (эту экскурсию может даже провести природовед). Именно на самом начале надо подольше задержаться, как можно сознательнее проработать две первые главы в течение хотя бы целого месяца, тогда сразу создастся отношение к истории, как к настоящей науке, а не к собранию занятных рассказов.

Главу 3: «Остатки каменного века на русской равнине» и 4: «Бронзовый и железный век на русской равнине» можно пройти, не останавливаясь на подробностях. Приведены эти главы в учебнике только для того, чтобы дать понятие о смене веков вообще в истории человечества и, в частности, о смене веков на русской равнине. На этих беседах следует подвести учащихся к выводу о значении раскопок, о необходимости бережно относиться ко всему, говорящему нам о далеком прошлом, об истории не только наших предков, но и отдаленнейших обитателей нашей страны.

Главу 5 следует проработать, изготовляя попутно живую карту-схему расселения славян на русской равнине, потому что только такая моторная проработка запечатлеет в памяти «Великой водный путь из варяг в греки», даст наглядное представление о разноплеменном составе переселившихся на русскую равнину славян. Обычное перечисление полян, древлян, северян ничего не говорит детям и потому не запоминается. Конечно, нет надобности нарочито заучивать названия племен; при изготовлении карты они сами собой запомнятся, а главное, запомнится, что их было несколько и расселились они по системе Днепра и Ильмень-озера (иначе как по рекам расселиться в лесу не могли); связанные речной системой, завели, наконец, обмен—хозяйственную связь и образовали государство, хотя и примитивное, варварское. Живая карта-схема пригодится и для дальнейших глав.

Главу 6: «Образ жизни древних славян. Борьба с природой, верования, празднества» необходимо проработать на нескольких уроках. Если имеется в школьной библиотеке сборник рассказов по русской истории «Наше прошлое», изданный «Задругой» в 1916 году (это лучшее пособие из всех до сих пор вышедших книг для чтения), то следует прочесть первый рассказ «Лесной поселок». Петроградским школам хорошо посетить этнографический отдел Русского музея и провести там экскурсию по сельскохозяйственным орудиям Белоруссии. Посмотреть челны «однодеревки», рало, борону из суковатого бревна. Это все в белорусском Полесье сохранилось и до сих пор почти в том виде, как при расселении славян по русской равнине. Там же посмотреть снимки с бортей (ульев в дуплах деревьев), так как в Полесье и бортничество дожило до наших времен. Надо строго ограничить экскурсию только тем материалом, который воскресит перед детьми эту седую старину, даст конкретный материал, из которого уча-

щиеся сделают вывод о примитивности хозяйства древних славян и об отсталости современной деревни в таких глухих углах, как Полесье. Этнографическая экскурсия по Белоруссии вообще будет преждевременна для класса В. Модели выжженного и выдолбленного затем челна дети сделают охотно для своего музея; также и суковатое бревно, заменявшее борону и заменяющее ее теперь.

Прорабатывая вторую часть главы — «Верования и празднества», следует прочесть из «Нашего прошлого рассказ «Похороны», подчеркнув, что люди всегда боялись умерших, могущих, будто бы, вредить живым. Вспомнить Коляду:

Уродилась Коляда
Накануне Рождества
За рекою за быстрою.
В тех местах огни горят,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые,
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни-колядушки.
В середине их старик сидит,
Он точит свой булатный нож.
Котел кипит горючий,
Возле котла козел стоит:
Хотят козла зарезати.

Дети охотно заучат эту песню и поймут, что она картинно передает древний обряд празднества в честь солнца, при повороте солнца на лето. На уроках родного языка, или подготовляясь к школьной вечеринке, хорошо прочесть именно в это время «Бежин луг» из «Записок Охотника», из чего учащиеся сделают вывод о живучести древних верований, сохранившихся в народных суевериях до наших дней. Наговор на вечернюю зарю из книги этнографа и знатока Сибири А. А. Макаренко приведен для того, чтобы показать живучесть древнего анимизма, одухотворения всего окружающего, даже зари, которую зовут Маримьяной и обращаются к ней, как к живому существу. Слово «анимизм» детям запоминать незачем, а сущность его для них понятнее, чем для взрослых, потому что она наполняет сказки, например, горе-злосчастье, Лихо одноглазое и др.

Проходя главу 7: «Мирные сношения славян между собой», можно, особенно в сельской школе, вспомнить причитания невесты перед венцом; подвести детей к выводу, что это тоже пережиток далекой старины. Говоря про купальский праздник, можно прочесть «Ночь на Ивана Купала» Гоголя.

Прорабатывая главу 8: «Сношения славян с соседями», надо побеседовать о разбойничьей торговле вообще, рассказать о том, что варяжские удальцы грабили и другие страны, наводили страх на жителей Европы, налетая на своих кораблях, называемых «драконами». Можно сообщить, что такой дракон даже спускался на воду по живым людям—пленникам,

привязанным к валькам во время спуска, чтобы киль ладьи обагрился горячей кровью. Можно даже привести старинное описание такого варяжского корабля:

Видом схож был с драконом корабль: у переднего края
Голову он поднимал высоко, и пасть пламенела
Златом червленым; синими пятнами было покрыто
Желтое чрево дракона; в кольца был свит у кормила
Хвост чешуйно-серебряный; алой каймой украшались
Черные крылья; все их расширяя, с бурею спорил
Он в быстроте, а орла оставлял за собою. Когда же
Ратные люди корабль наполняли, тогда принимал он
Образ бегущей крепости или плывущей столицы.

Приведя это картинное описание, следует задать детям вопрос: мог ли корабль быть действительно очень большим, когда его в безветренную погоду вели гребцы, хотя их и бывало человек сорок? Даже не видавшие больших современных пароходов, дети по картинкам знают, что гребцам их не сдвинуть с места; отсюда вывод, что варяжские корабли были не велики и их можно было переносить на руках между реками и таким образом из моря «Варяжского» попадать «великим водным путем в Византию». Следует остановить внимание детей на том, что варяги были работорговцами— торговали пленниками, «челядью»; торговали людьми и русские купцы. Очерк «Русские купцы на Волге» из «Нашего прошлого» слишком труден для первых уроков.

Делать модели варяжских кораблей в крупном масштабе довольно рискованно: может получиться вульгаризация, искажение археологии. Этого надо всегда остерегаться в детских работах. Но если имеется в какой-нибудь книге для чтения примитивный рисунок из старых рукописей, то по нему можно сделать маленькие кораблики и разместить их на морях живой карты.

На главе 9—«Степные кочевники, соседи славян» долго останавливаться не приходится, так как к ним еще возвратимся не раз. О хозарском кагане подробно говорить не стоит, чтобы не загромождать курс. О хозарах придется говорить, читая «Песнь о вещем Олеге». Тут только упомянуть, что соседями со стороны степи были сначала хозары, потом печенеги и, наконец, половцы, больше всего причинившие вреда Поднепровью.

Подходя к проработке главы 10: «Призвание князей», следует побеседовать о «Повести временных лет», принести в класс, если возможно, школьное Чудиновское издание, прежде довольно распространенное; постараться заинтересовать детей этим памятником далекой старины. Обыкновенно на детское воображение сильно действует одно то, что эта маленькая книжечка перепечатана с древней рукописи.

Серьезная критика летописи, конечно, еще недоступна для этого возраста, но следует все-таки остановиться на том, что от предания нельзя ждать достоверности. Из «Нашего прошлого» можно прочесть «Варяжские князья». Этот очерк послужит иллюстрацией и для следующей главы 11: «Предание об Олеге». Вообще же на главах 11, 12, 13 задерживаться не стоит,

Из них дети должны сделать вывод о том, что торговые сношения с Византией велись только князем, дружиной; народ же в торговле не принимал участия, так как у него даром отбирали князья все, что им было нужно для их обихода и для обмена на предметы роскоши у иноземцев.

Прорабатывая главу 14: «Язычество в древней Руси», следует предложить детям вспомнить сказки: про солнце-красное, про месяц-ясный, про ветер. Тогда им легко будет сделать вывод, что древние наши предки, от которых сказки до нас дошли, верили, будто солнце, месяц и ветер живые существа, могущественные, считали их божествами и им поклонялись. Принятию христианства не следует придавать преувеличенного значения, так как это исторически неверно. Четыре сотни лет спустя «Слово христолюбца-ревнителя» обличает не только мирян в языческих молениях и обрядах, но даже и священников («Слово» напечатано у Аристова в хрестоматии по русской истории и в I томе хрестоматии М. Коваленского). В нем сказано, что «кур режут , огню молятся, зовут его Сварожичем», т.-е. все еще приносят жертвы.

Если класс способный и достаточно развитой, можно поговорить о византийском искусстве, пришедшем в киевскую Русь вместе с христианством; показать, хоть на открытке, Мирожский монастырь во Пскове или какую-нибудь другую церковь византийского стиля. Но эта тема трудная, и лучше ограничиться сообщением, что с принятием христианства в Киеве появились греческие строители храмов и мастера для росписи их. Город стал украшаться каменными постройками.

Прорабатывая главы 15, 16, 17, следует прочесть из «Нашего прошлого»—«На княжеском дворе в старом Киеве». Там дано описание стольного великокняжеского города, богатого, широко раскинутого, с его «Детинцем»—кремлем и с «Подолом», заселенным черным людом. Это даст конкретное, живое представление о том, что классовое расслоение общества уже началось. Были имущие и неимущие. Тут же дано и описание княжеской охоты, из которого видно, что охота играет еще большую роль в хозяйстве.

Но все-таки следует отметить, что в хозяйстве происходят и перемены: растет земледелие, княжеская, боярская пашня, обработанная холопьим, рабьим трудом. Появляются «закупы»—крестьяне, задолжавшие боярину и запродавшие себя на время до отработки долга.

Глава 18—«Суд по Русской Правде», довольно трудная для класса В. Прорабатывая ее, следует побеседовать о родовой кровной мести, привести детей к выводу о ее вреде для человеческого общества, указать на то, что кровавая месть существовала до тех пор, пока люди жили обособленно—родовым бытом, и стала выходить из обихода потому, что роды распались, ослабела родовая связь. Можно сказать, что так было и у других народов, и родовая кровная месть дожила до наших дней среди тех племен, которые и сейчас живут родовым бытом. Если все это для класса окажется слишком трудным, то можно ограничиться прочтением очерка из «Нашего прошлого»—«На суде у князя», чтобы получилось впечатление картины княжеского суда, судебного поединка, «поля»: той простоты, с какой все это совершалось.

Прорабатывая главу 19:—«Расширение Руси на север и на восток» следует вернуться к живой карте: на ней вешками разметить колонизацию новых областей, поставить из щепок срубы на месте тех городов, о которых будет итти речь. Из былины об Илье-Муромце и Соловье-Разбойнике хорошо прочесть те места, где говорится о дорогах непроезжих, о трудностях, какие приходилось преодолевать, чтоб добраться из Мурома в Киев. Былиной о Вольге и Микуле Селяниновиче хорошо иллюстрировать торжество земледелия, картину крестьянской пахоты и тех трудностей, которые приходилось преодолевать, «коренья, каменья выворачивая». Дети сами сделают вывод, что пахарь-крестьянин оказался большим богатырем, чем воин Вольга, так как шутя подымает ту тяжесть, которая не под силу всей дружине Вольги.

Переходя к последней, 20, главе,—«Новгород», следует взвесить, достаточно ли класс подготовлен, чтобы ее проработать. Если нет, то лучше и ее отложить до класса Г. История Великого Новгорода—этой гораздо более политически развитой общины, на которой можно указать роль веча; призвание им и смещение неугодного князя; значительно обостренную классовую борьбу, отразившуюся на буйных вечевых сходах; история эта сложнее всего, раньше пройденного. Только пройдя Новгород, можно вернуться в Поднепровью, к Киеву, и сказать, что и там, по свидетельству летописи: «изначала якоже на думу, на вече сходятся, на что же старейшии сдумают, на том же пригороди стануть» (Суздальская летопись второй половины XII века).

Из «Нашего прошлого» можно прочесть очерк «Вече», в котором описано призвание князя и изгнание. Очерк довольно трудный, не всякому классу доступный, потому что в нем вырисовывается сложный переплет княжеской усобицы и вмешательство веча. Зато прекрасны все статьи, касающиеся Новгорода: «Новгородская торговля», «Ушкуйники» и «Господин Великий Новгород». Прорабатывая Новгород, следует непременно прочесть былины о Садко и «Василий Буслаевич», их можно хорошо инсценировать на школьной вечеринке.

Этими двадцатью главами заканчивается курс в классе В. Что же должен он дать в итоге? Прежде всего на нем следует приохотить детей к изучению истории, приучить их к мысли, что история, даже приспособленная к детскому пониманию, вовсе не есть собрание случайных, отрывочных фактов, это есть стремление восстановить картину прошлого по тем обломкам его, которые до нас дошли. Приучая детей зарисовывать, записывать все наиболее красочное для школьного кабинета-музея, можно в них воспитать сознательно-бережное отношение к памятникам старины, даже к рисункам, воспроизводящим эти памятники. Говоря о раскопках, необходимо внедрить в детское сознание, что всякий, раскапывающий старый курган для собственной забавы или из корыстных целей, совершает тяжкое преступление перед всем народом, так как всякая сохранившаяся старина есть народное достояние [1]).

---

[1]) Раскопки настолько серьезное дело, что браться за него могут только лица, имеющие специальную научную подготовку.

Если за первый год будет достигнуто хотя бы то, что дети поймут, что история так же, как и природоведение, объясняет причины того или иного события, тех или иных перемен в жизни человеческого общества, то этим уже многое будет достигнуто.

Начинающий преподаватель может для себя пользоваться учебниками К. Коваленского в трех частях: «Учебник русской истории для старших классов» и учебником Н. Рожкова, тоже «Русская история» для старших классов. Его же учебник истории всеобщей и русской в 4 частях. Для первой ступени для самих учащихся эти учебники трудны. Учителю же может быть полезен М. Покровский: «Русская история в самом сжатом очерке». Но эта книга, очень трудная, несмотря на свою сжатость, даже именно в силу своей сжатости, пригодится учителю больше—для подготовки к курсу класса Г и, в особенности, класса Д, когда она будет совершенно необходима, как единственная, дающая материал по революции. Подспорьем для учителя в классе Д послужит небольшая книжка Н. Рожкова: «История России за последнее столетие».

Для проведения бесед в классе Г, а также и для проведения экскурсий большим подспорьем для учителя будет переизданная в 1920 году т-вом «Мир» в Москве книга Д. А. Жаринова и Н. М. Никольского: «Былое вокруг нас». Для самостоятельного чтения учеников на дому она трудновата; она больше подходит для второй ступени. В книге для чтения «Былое вокруг нас» особенно ценно все, относящееся к возникновению и росту Москвы. Книга выдержана в экскурсионном стиле, в краеведческом. Она может служить образцом того, как надо изучать с детьми на экскурсиях свою местность, ее историю. Для Петербурга имеется хорошая книга С. Князькова: «С.-Петербург и С.-Петербургское общество при Петре Великом», изд. Луковникова, 1914 г. Это тоже экскурсионная книга.

Прорабатывая главу 21—«Вотчинный порядок. Дробление земли и власти», следует побеседовать о том, что и в других странах земля была в руках рыцарей, строивших себе замки, окруженные стенами и рвом, как и наши кремли в городах, как княжеские и боярские вотчины. Нельзя, конечно, дать полную картину средневековья в Европе, но все-таки следует вводить в беседы по русской истории некоторые сведения и из истории других стран. Не для того, чтобы они заучивались, а для того, чтобы не создавалось неправильного представления, будто Россия сама по себе, а другие страны нечто совсем иное. Особенно необходимы эти попытки вводить сравнительный метод в тех школах, из которых большинство детей не попадет во вторую ступень.

О татарском нашествии имеется хорошая статья в «Нашем прошлом». В ней в очень доступной форме дан быт татар. Это очень ценно потому, что во всех старых учебниках татары изображались совершенными дикарями, а они ведь уже умели обращаться со стенобитными машинами и зажигательными снарядами.

Для главы 22 есть там же очерк «Московский князь».

Прорабатывая главу 23—«Хозяйство монастырское», следует остановиться на том, что татарские ханы, такие же суеверные, как и русские люди

того времени, боялись трогать монастырское имущество, чтобы не прогневить божества и всех святых чуждой им веры, и потому давали ярлыки митрополитам, особенно Петру, требуя за это молитвы. Это давало огромное преимущество монастырям, и они, привлекая на свои земли крестьян, смогли расширить свое хозяйство и разбогатеть. Укоренившаяся уверенность в том, что только вклады в монастырь обеспечивают человеку загробное блаженство, тоже имела большое значение для роста монастырского землевладения. Ключевский во второй части своего курса говорит: «Сострадательная заботливость церкви о не успевших позаботиться о себе послужила для податливой на соблазн и трусливой совести поводом к мнению, что можно отмолиться чужой молитвой, лишь были бы средства нанять ее и лишь бы она была не кой-какая, а истовая, технически усовершенствованная молитва. Привилегированными мастерскими такой наемной молитвы были признаны монастыри».

Кроме вкладов на помин души, монастыри обогащались еще взносами для пострижения. «Думали, что во что-нибудь зачтется, если отречься от мира хотя за несколько минут раньше, чем сама природа закроет человеку глаза на этот мир» (*Ключевский*, там же). Объяснить все это детям довольно трудно теперь, когда они могут и не знать ничего о пострижении, о заупокойных молитвах. В таком случае, если учащимся это будет непонятно, можно не останавливаться на проработке этой главы.

Прорабатывая главу 24 — «Собирание земли и власти Москвой, Иван III», следует остановиться на том, что рост самодержавия отразился и на внешнем облике Москвы. Предложить детям добыть хотя бы открытки со снимков кремлевских стен, с их флорентийскими башнями, Грановитой палаты, Успенского собора. Можно объяснить детям, что русское творчество в области зодчества смогло развернуться с конца XV века, благодаря также тем техническим усовершенствованиям, которые были привезены «фряжскими», итальянскими мастерами, в особенности, знаменитым строителем Успенского собора Аристотелем Фиоравенти, обучавшим русских обжигать кирпичи, делать их длиннее и крепче, приготовлять более клейкую и густую известь, класть внутрь стен не булыжник, а ровный камень и скреплять своды не деревянными, а железными скрепами. Можно упомянуть при этом, что как раз до Фиоравенти Успенский собор, едва возведенный московскими мастерами, рухнул.

Главу 25 можно иллюстрировать очерками из «Нашего прошлого»: «Смотр служилых людей», «На степной украйне», «Царь и бояре». Эти же очерки послужат для проработки главы 25 «Борьба Ивана Грозного с боярством». Проходя эту главу, не следует переносить центр тяжести на болезненную жестокость Грозного, надо подвести детей к выводу, что, будь он здоровым человеком, он все равно стремился бы сломить боярство, ставшее на пути роста самодержавного государства. Следует упомянуть, что и в других странах короли боролись со знатными сеньорами и старались при этом опереться на мелкое дворянство.

Для большей конкретизации материала, данного в главе 27 — «Торговля с иноземцами», можно взять очерк из «Нашего прошлого» под тем же назва-

нием, в которой очень красочно описано путешествие на восток тверского купца Никитина.

Глава 28 — трудная, она требует глубоко продуманного подхода со стороны учителя. В прежних учебниках смута объяснялась просто: «пресеклась династия Рюриковичей, объявился самозванец и пошла смута». Это совершенно не научный подход, ничего не объясняющий. Причины смуты гораздо глубже. Смута должна была неизбежно возникнуть, потому что крестьянам стало невмоготу от усилившейся эксплоатации, вызванной ростом торговли, денежного хозяйства. Быстрый рост государства лег также чрезмерным, непосильным бременем на низший слой общества. Государство росло, а народ нищал, разбегался на украйны, шел в казачество. Голодные годы с 1601—1603 потому были невыносимы, что у народа не было запасов, и хозяйство велось плохо. В сборнике «Наше прошлое» хороши очерки «Смутное время», «Названный Димитрий», «Мятежи при Шуйском», «Тушино».

Проходя главу 29—«Конец смуты. Новая династия», надо подвести учеников к выводу, что в удалении иноземцев и в восстановлении спокойствия больше всего было заинтересовано купечество и северное черносошное, жившее на землях казны крестьянство. Их усилиями и создалось ополчение, очистившее Москву от поляков. Затем, что Михаил Романов был избран вовсе не за высокие свои качества, как об этом учили при Романовых, а именно за свою недалекость и, следовательно, безличность. И победила кандидатура Романовых голосами казаков, которые помнили, что Филарет Романов, отец Михаила, был сделан патриархом в Тушинском лагере.

Глава 30 «Соборное Уложение», приведена в учебнике не для того, чтобы подробно останавливаться на законах, им установленных, а только для того, чтобы учащиеся могли заключить, что дворяне-помещики оказались сильнее остальных, потому что по челобитным служилых дворян, которые и числом преобладали на соборе, были совсем отменены «урочные годы» для сыска беглых крестьян: их помещики-дворяне могли возвращать с этого времени на свои земли бессрочно. Этим юридически закреплялось крепостное право, уже сложившееся в жизни фактически.

На главе 31—«Москва XVII века», можно подольше остановиться. Следует предложить учащимся изготовить для своего школьного музея план Москвы, увеличив его, с приложенного рисунка. План этот потом следует сопоставить с планом Петербурга, в значительной мере искусственно распланированного в противоположность старой Москве, разраставшейся кольцами вокруг Кремля. Внешний вид старой Москвы хорошо показать на картинах Васнецова или вообще на каких-нибудь рисунках, восстанавливающих ее старину. Указать на то, что в Москве в ту пору распространился обычай строить терема деревянные, с высокими крыльцами; украшать их кокошниками, балюстрадами; крыть шатром или бочкой, скирдами, епанчами. Именно этой, своей кудрявой, затейливой внешностью удивляла Москва иностранцев издали, а вблизи поражала грязью и обилием торговых рядов. Следует добиться от учащихся вывода, что самобытная культура Московии с ее искусством (сохранились художественные вышивки

ценнейшие иконы, песни, сказания) была непонятна для иностранцев, а необразованность бросалась в глаза, и потому Маржерет, Олеарий, Мейерберг и Крижанич—все отмечают русское варварство. А серб Крижанич, говоря, что русские невежественны, прибавляет: они какие то лешие среди людей, а в одеждах своих, как в мешках обшиты. (Одежды даны, можно зарисовать или даже смоделировать для музея). Для быта Московии есть очерки в «Нашем прошлом». Там же есть «Степан Разин» для главы 32.

Главы 33, 34, 35 и 36 можно иллюстрировать очерками из 2 части «Нашего прошлого», только для школы надо стараться приобресть новое изд. 1918 года.

К этим главам дано много картинок для того, чтобы по ним сделать модели кораблей Петровского времени, зарисовать дворцы.

Экскурсии по началу Петербурга: «Петропавловская крепость, Васильевский остров, дворец Меньшикова, Летний сад, петербургский быт петровского времени», будут помещены в №№ 4 и 5 «Экскурсионного дела». Эти экскурсии при малейшей возможности следует проделать, если не все, то хоть часть. Пригородным школам следует привезти детей в Петроград, чтобы познакомить с остатками Петровской эпохи. В напечатанных экскурсиях дан полный материал в том виде, как он дается школам второй ступени, для школ первой ступени тот же материал дается сокращенно, применительно к пониманию детей 12—14 лет.

Третья часть настоящего учебника гораздо серьезнее двух первых. Она приноровлена к пониманию выпускных, кончающих первую ступень. В ней есть ссылки на историю европейских стран, на Великую Французскую революцию, 48 год, обще-европейскую войну 1914 года. В ней даны в самых кратких чертах народничество и марксизм — все это в расчете на то, что для многих учеников, не попадающих во вторую ступень, все сведения по истории заканчиваются этой частью учебника.

Эту трудную часть, конечно, не следует проходить только в классе,— по возможности, надо экскурсировать. Все рекомендуемые экскурсии будут указаны по главам. Всех глав тринадцать, следовательно, каждой главе может быть уделено по две недели, по крайней мере. Материал, предложенный ниже, взят из очень небольшого числа книг для удобства учителя, в виду того, что книги трудно доставать, особенно в провинции. Указано то, что не требует переработки и может быть прочитано с учащимися в классе или дано на дом тем из них, кто будет писать работу по тому или другому вопросу.

Учителю необходимо пользоваться для подготовки к урокам и для выбора отрывков и документов, которые будут прочтены в классе, 3 томом «Хрестоматии по русской истории» Михаила Коваленского. В классе же или самими учащимися дома могут быть прочтены очерки 2 части сборника «Наше прошлое».

Проходя главу 37—«Преемники Петра», можно прочесть в классе из хрестоматии Коваленского «Кондиции Анны Ивановны» и «Рассказ бригадира Козлова казанскому губернатору Волынскому», чтобы ученики сделали самостоятельно вывод о стремлении «верховников» ограничить

Анну. А затем отрывок из записок Манштейна «Россия при Анне Ивановне» (тоже хрестоматия Коваленского), чтобы выяснить, как жила и правила Анна с Бироном, став самодержавной императрицей. Если время позволит, можно прочесть и «Ледяной дом», там же записки Манштейна. Из сборника «Наше прошлое» можно прочесть «Недоимки».

Переходя к Елизаветинской эпохе, следует прочесть в хрестоматии Коваленского: «О подготовке заговора в пользу Елизаветы и о воцарении Елизаветы Петровны (из переписки маркиза де-ля Шетарди)»; из «Нашего прошлого»: «Шляхетский корпус»—картина воспитания дворянской молодежи и придворных нравов при Елизавете. Экскурсию следует совершать в Петрограде по усадьбе Аничковского дворца, как усадьбе вельможи Елизаветинского времени. Дворец первоначально строился Елизаветой для Разумовского. Внутри осматривать дворец следует в другой раз, гораздо позднее, проходя Александра III. Шуваловский особняк можно посмотреть, проходя время Екатерины. Но для первой ступени осмотр всего особняка труден, и надо посмотреть в нем только замечательную мебель, работы крепостных, с инкрустацией и художественной вышивкой. Для быта вельможи XVIII века можно посмотреть Строгановский особняк, не утомляя детей подробностями, особенно картинной галлереи.

Прорабатывая главу 38—«Комиссия для составления нового Уложения», следует прочесть из хрестоматии Коваленского «Крестьянские наказы», хотя бы один из них—наказ заводских крепостных крестьян. Он, рисуя яркую картину нищеты, послужит пособием при прохождении главы 39 «Восстание Пугачева», приведет учеников к самостоятельному выводу—почему Уральские заводы примкнули в Пугачеву и дали ему пушки, снаряды и людей, умеющих обращаться с пушками. Рекомендовать ученикам прочесть «Капитанскую дочку» Пушкина. Из «Нашего прошлого» прочесть если не все о Пугачеве, то хоть последний очерк, рисующий жестокую расправу правительства с крестьянами и казаками после подавления восстания, о чем в прежних учебниках умалчивалось.

Главу 40,—«Время Павла», можно иллюстрировать очерками «Петербург при Павле» и «Вахт-парад» из «Нашего прошлого». Если возможно, свести учеников в театр на замечательную постановку драмы «Павел I», Мережковского. Осмотреть хоть снаружи Инженерный замок.

Проходя главу 41—«Двенадцатый Год», прочесть отрывки из «Войны и Мира» Л. Н. Толстого. Из «Нашего прошлого»—«На пути к Москве», «Бородино», «В ополчение выбирают». В этом очерке дано правдивое описание того, как составлялось ополчение. Так же правдиво изображена «Народная война», с «антихристом», «избиение крестьянами французов, полузамерзших, едва живых».

Для проработки главы 42—«Восстание декабристов» следует прочесть из «Нашего прошлого»—«После отечественной войны», «В гвардейской казарме», «В военных поселениях». Из хрестоматии Коваленского «14 декабря» (из записок Николая I), хотя бы в той части, где дано описание событий.

Главу 43 следует иллюстрировать очерком из «Нашего прошлого»—«На крепостной фабрике», «В тылу армии», «После падения Севастополя»

*

Последний очерк вводит в следующую главу 44,—о «Падении крепостного права». На этой главе следует остановиться дольше, чем на других. Во-первых, потому, что это центральный факт в русской истории XIX века. Во-вторых, потому, что при царском режиме падение крепостного права изображалось исторически неверно; представлялось, как милость царя-освободителя, принятая народом с восторгом, умилением и благодарностью, тогда как на самом деле никакого восторга не было и не могло быть, раз крестьяне не получали ни всей земли, ни полной воли; а на два первые года оставалось даже все почти по-старому. Следует подчеркнуть, что само правительство знало, что народ примет без всякого одобрения половинчатую реформу, и боялось бунтов. Из «Нашего прошлого» с этой целью следует прочесть «Отношение населения к манифесту 19 февраля». Если очерк «В редакционной комиссии» будет труден, то хорошо прочесть хотя бы те места, где идет спор об отрезках». Кроме этих очерков, следует предложить самим учащимся прочесть или вспомнить те литературные произведения, в которых говорится о крепостном праве, произведения, читанные на уроках родного языка, например, «Муму» Тургенева; стихотворения Некрасова; отрывки из «Детства и Отрочества» Л. Н. Толстого. Из «Нашего прошлого», если хватит времени, хорошо прочесть «Крепостная интеллигенция», где описаны страдания талантливых выдающихся художников-крепостных, между прочим, Тараса Шевченко.

В сельской школе могут найтись ученики, слышавшие рассказы о крепостном праве от своих дедов; запись таких воспоминаний хорошо сохранить в школьном музее.

Главу 45—«Образование и просвещение», при благоприятных условиях, если в запасе много времени, если ею заканчивается первый триместр выпускного класса—можно пройти очень интересно. Говоря о том, что грамота в Московской Руси была церковно-славянская, можно вернуться в глубь прошлого, побеседовав о том, как писалась летопись по монастырям. Подростки очень удачно проводят сцену в келье Пимена и его монолог из «Бориса Годунова» Пушкина. Эту сцену можно поставить на вечеринке. Затем можно прочесть из первой части «Нашего прошлого»—«Первый русский печатник Иван Федоров». Тут выступает суеверие, народная темнота, отсталость Московской Руси. Картину «В древне-русской школе» можно изготовить в виде макета, модели для исторического школьного кабинета-музея. Во втором томе «Нашего прошлого» можно прочесть «Московская школа математических наук» и «На печатном дворе». Переходя ко 2 половине XVIII века, следует прочесть «Екатерининский вельможа» из «Нашего прошлого»; в этом очерке описан меценат Безбородко с его крепостными артистами; Эрмитаж времен Екатерины; изысканность искусства и всей духовной культуры этой эпохи. Вслед за этим прочесть тут же в «Нашем прошлом»—«Новиков», сатира на щеголей и щеголих, доведших изысканность манер до абсурда. Последние два очерка могут быть прочитаны и при прохождении «Дворянской культуры XVIII века», но лучше их пройти позднее, когда больше накопилось материала у самих учащихся.

Из «Нашего прошлого» очерк «Радищев» следует прочесть во всяком случае. Тут важно не только описание тяжести крепостного права, но также и преследование, гонение и расправа с Радищевым со стороны Екатерины II за те самые идеи, которыми она рисовалась в начале своего царствования. Очерк написан чрезвычайно доступно.

Главу 46—«Народники и народовольцы», хорошо иллюстрировать отрывками из книги Кропоткина «Записки революционера», изд. 1920 г., стр. 250, где описывается «Хождение в народ 1874 года». Существует еще небольшая брошюра Т. Богданович под тем же названием «Хождение в народ», выпущенная в Петрограде в 1917 г. Экскурсию в «Музей Революции» можно совершить, проходя 46 главу или 49.

Приступая к проработке с учениками главы 47: «Железные дороги, Фабрики, Начало Рабочего Движения», лучше даже предварительно прочесть в классе очерки из «Нашего прошлого»—«Большой город» и «Углекопы», а также предложить ученикам вспомнить какие-нибудь художественные произведения, описывающие жизнь рабочего класса. В «Первом сборнике пролетарских поэтов», вышедшем под редакцией Горького, есть прекрасное стихотворение Гостева «Распятый»: это—рабочий, убитый на железоделательном заводе во время работы. Может быть, ученикам известна старая рабочая песня: «Песня ткача», запрещенная прежде, как революционная.

Мучит, терзает головушку бедную грохот машинных колес.
Свет застилается в очеиьках крупными каплями пота и слез.
Ах, да зачем же вы льетеся, горькие слезы из глаз!
Делу помеха—основа попортится; быть мне в ответе за вас...
А погляди-ка на главного мастера,—вишь, у окошка сидит,
Чай попивает да гладит бородушку—видно, душа не болит.
Смирен на вид, а пойди-ко ты к вечеру, станешь работу сдавать,
Он и работу бранит, и ругается,—все норовит сбраковать.
Все норовит—как бы меньше досталося нашему брату, ткачу.
Эх, главный мастер, хозяин, надсмотрщики, жить ведь я также хочу!

Если на уроках родного языка проходились отрывки из «Железной дороги» Некрасова: «В мире есть царь, этот царь беспощаден—голод названье ему...», следует и их припомнить, чтобы создать настроение. Тогда учащиеся смогут лучше усвоить борьбу пролетариата за будущее общество—за социализм и коммунизм.

Марксистская литература, даже брошюрочная, для первой ступени недоступна из-за трудности языка. Самая легкая в этом смысле брошюра: И. Штерн «Государство будущего», издана была в 1907 г. тов. «Знание» в С.-Петербурге. Пособием для учителя может служить брошюра А. Ельницкого «Первое мая в России», изд. О. Н. Поповой.

Учитель может разъяснить, что Первое Мая установлено как всемирный рабочий праздник не только для борьбы с войной. Первого Мая рабочие всех стран устраивают торжественные шествия по городу, многолюдные загородные собрания где нибудь под открытым небом и на этих собраниях обсуждают планы борьбы за социализм, за коренное переустройство современного капиталистического общества, за единый рабочий фронт, т.-е. за объединение всех трудящихся.

Не только взрослые рабочие и работницы принимают участие в празднике 1 Мая, даже дети трудящихся идут с красными знаменами на загородную прогулку. О рабочих подростках нечего и говорить. Они во многих странах, как и у нас в России, организованы в юношеские союзы коммунистов. В капиталистических странах подросткам приходится бороться наравне со взрослыми рабочими не только за социализм, но и за улучшение своего положения при современном строе. Им с малых лет понятны те надписи, которые красуются на первомайских знаменах во всех странах:

«Да здравствует социализм!» «Долой бесконечные вооружения, непосильным бременем лежащие на плечах народов!» «Да здравствует 8 часовой рабочий день!»

Рабочим подросткам понятно, почему трудящиеся борются за 8 часовой рабочий день. Продолжительный рабочий день не только изнуряет человека, он не оставляет ему времени для пользования жизнью разумного существа, на осуществление гражданских обязанностей.

Главу 48 — «1905 год», можно иллюстрировать рассказом Серафимовича «На Пресне», описание декабрьского восстания в Москве. Рассказ был напечатан в X сборнике «Знания» 1906 года. Небольшой, доступный по языку, он ярко рисует расправу с рабочим восстанием: пушечный расстрел целого рабочего квартала, без предупреждения, без удаления женщин и детей. Самому учителю хорошо прочесть книгу Троцкого «1905 год», но книга, к сожалению, по цене совершенно недоступна. «Бегство из Сибири» понятно и для учащихся.

Проходя рабочее движение, следует побеседовать о пролетарском юношеском движении в других странах и в России. «Библиотека юного пролетария» выпускает интересные брошюры по этому вопросу, их необходимо приобресть для школьной библиотеки. (Изданы Петроградск. Госиздатом).

Для кратких биографий и характеристик вождей мировой революции очень хороша книжечка Б. И. Горева «От Томаса Мора до Ленина», написанная прекрасным популярным языком. Следует прочесть хотя бы «Карл Маркс» и «Ленин» (В. И. Ульянов). Москва. Изд. Френкеля.

Отрывки из всех этих книг даны в книге для чтения «За последние сто лет», составленной автором настоящего учебника.

СОДЕРЖАНИЕ.

Часть первая. Стр.

1. Первобытный человек 3
2. Откуда мы знаем о первобытном человеке 7
3. Остатки каменного века на русской равнине 8
4. Бронзовый и железный век на русской равнине 9
5. Расселение славян по русской равнине 11
6. Образ жизни древних славян: борьба с природой; верования, праздники 13
7. Мирные сношения славян между собой 15
8. Сношения славян с соседями 17
9. Степные кочевники—соседи славян 20
10. Призвание князей 21
11. Предание об Олеге 23
12. Сбор дани в древней Руси—«полюдье» 24
13. Предания об Олеге и Святославе 26
14. Язычество в древней Руси; принятие христианства, двоеверие . 27
15. Перемены в жизни Киевской Руси 28
16. Очередной порядок княжения. Княжеские усобицы 31
17. Объединение Руси при Владимире Мономахе. «Поучение» его 32
18. Суд по «Русской Правде». 34
19. Расширение Руси на север и на восток. Рост земледелия . 36
20. Новгород 37

Часть вторая.

21. Вотчинный порядок. Дробление земли и власти 40
22. Возвышение Москвы. Иван Калита 42
23. Хозяйство монастырское. Рост монастырского землевладения 44
24. Собирание земли и власти Москвою. Иван III. 47
25. Московское боярство и служилые дворяне 50
26. Борьба Ивана Грозного с боярством 52
27. Торговля с иноземцами 54
28. Смутное время 57

Стр.

29. Конец смуты. Новая династия. 61
30. Соборное Уложение царя Алексея 65
31. Москва семнадцатого века 66
32. Восстание Степана Разина 72
33. Детство и юность Петра I Алексеевича 73
34. Заграничное путешествие Петра 75
35. Великая северная война и реформы Петра 77
36. Петербург Петровского времени 82

Часть третья.

37. Преемники Петра. Дворянская культура XVIII века 89
38. Комиссия для составления нового Уложения 95
39. Восстание Пугачева 97
40. Время Павла 98
41. Двенадцатый год 100
42. Восстание декабристов 102
43. Развитие фабричной промышленности 107
44. Падение крепостного права 109
45. Образование и просвещение 112
46. Народники и народовольцы 116
47. Железные дороги. Фабрики. Начало рабочего движения . . . 120
48. Реакция при последних царях. Революция 1905 года 124
49. Общеевропейская война и революция в России 129

Указания для учителя 137

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

А. Степанов.

M 15